

RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL

ISSN 0131-6141 (Print)
ISSN 2619-0966 (Online)

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2024. Т. 85. № 4

О роли языка в развитии человечества

Природа, люди и вещи суть воспитатели человека; климат, местное положение, правление, обстоятельства суть воспитатели народов. Но начальный способствователь усовершенствования рода человеческого есть речь. Я того разыскивать не намерен, речь наша есть ли что-либо нам данное или самими нами изобретенная. <...>

Ничто для нас столь обыкновенно, ничто столь просто кажется, как речь наша; но в самом существе ничто столь удивительно есть, столь чудесно, как наша речь. Правда, что радость, печаль, терзание имеют изъявляющие их звуки; но подражание оным было руководителем к изобретению музыки, а не речи; если мы помыслим, что звук, то есть движение воздуха, и звук произвольный, изображает и то, что глаз видит, и то, что язык вкушает, и обоняет нос, и что слышит ухо, и все осязания тела, и все наши чувствования, страсти и мысли; что звук сей не токмо может изразить все сказанное, всякую мысль, но что звук, сам в себе ничего не значущий, может возбуждать мысли и мысленности представить картину всего чувствуемого, – то в другом порядке вещей сие совсем показалось бы нелепым, невозможным: ибо рассмотри прилежнее служение речи. Время, пространство, твердость, образ, цвет, все качества тел, движение, жизнь, все деяния, словом: все... преобразуем в малое движение воздуха, и аки неким волхвованием звук поставлен на место всего сущего, всего возможного, и весь мир заключен в малой частице воздуха, на устах наших зыблющегося. О вы, любители чудес, внимлите произнесенному вами слову, и удивление ваше будет нечрезмерно: ибо чудесно есть, кто воззвал род человеческий к общежитию из лесов и дебрей, в них бы скитались, аки звери дубровни, и не бы были человеки? Кто устроил их союз? Кто дал им правление, законы? Кто научил гнушаться порока и добродетель сотворил любезною? Речь, слово; без нее онемелая наша чувствительность, мысленность остановившаяся пребыли бы недействующи, полумертвы, как семя, как зерно, содержащее в себе древо величайшее, которое и даст покоящемуся сень, и согреет охладевшего, и пищу даст прохладную утомленному, и покровом будет от зною и непогоды, и пренесет по валам морским жаждающего богатства или науки до концов вселенныя, но которое без земли, без влажности мертвеет, ничтожествует. Но едва все-сильный речь привитал к языку нашему, едва человек изрек слово единое и образ вещи превратил в звук, звук сделал мыслию, или мысль преобразил в чертоносное лепетание, – как будто окрест вращающегося среди густейших мглы ниспадает мрак и темнота, очи его зрят ясность, уши слышат благогласие, чувственность вся дрожит, мысль действует, и се уже может он постигать, что истинно, что ложно; дотоле же чужд был и того и другого. Се слабое изображение чудес, речию произведенных. Мне кажутся аллегории тех народов весьма глубокомысленными, как представляют первую причину всяческого бытия производшее прежде всего слово, которое, одаренное всесилием всевышнего, разделило стихии и мир устроило.

(Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // ПСС: в 3 т.

Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. С. 130–131)

(К статье Д. А. Романова)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 6 раз в год

Том 85

4

2024

Главный редактор

Наталия Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Переводчик

Анна Николаевна Овешкова, канд. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Редактор перевода

Наталья Геннадьевна Попова, канд. социол. наук, зав. кафедрой иностранных языков, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Редакционный совет

Харри Вальтер, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Сергей Саядович Оганесян, Научно-исследовательский институт ФСИН России, г. Москва, Россия

Иоанна Ожеховска, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, г. Ольштын, Польша

Ильдико Палоши, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошович, Грацкий университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ян Кэ, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, провинция Гуандун, КНР

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев (иеродьякон Нафанаил), Свято-Духов монастырь, Ливенская епархия, Орловская митрополия, г. Новосиль, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостева, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Наталья Львовна Мишатина, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Светлана Васильевна Науменко, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Россия

Наталья Викторовна Патроева, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, школа № 1522 им. В. И. Чуркина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Анна Романик, Университет в Белостоке, г. Белосток, Польша

Марина Робертовна Шумарина, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования, индексируется в 24 российских и международных базах данных, в том числе RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Учредитель и издатель: ООО «Наш язык».

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС7780108 от 31 декабря 2020 г.

ISSN 2619–0966 (Online)

Корректор – Т. Ю. Смирнова. Компьютерная верстка – К. В. Морозов.

Тираж 250 экз. Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 8. Бумага офсетная. Заказ

Дата выхода номера в свет 15.07.2024. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя: Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: +7 (495) 671-09-85; сайт: <https://www.riash.ru/>; e-mail: admin@riash.ru

Отпечатано в типографии АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия.

Оформить подписку на журнал можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс ПЗ896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информсистема», ООО «ИВИС».

Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: <https://www.riash.ru>

© ООО «Наш язык», 2024

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 85

4

2024

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Responsible Secretary

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company "Our Language", Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Company "Our Language", Moscow, Russia

Translator

Anna N. Oveshkova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Translation Editor

Natalia G. Popova, Cand. of Sci. (Sociol.), Head of Foreign Languages Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Joanna Ozhehowska, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Warmian-Masurian University of Olsztyn, Olsztyn, Poland

Ildikó Pálóshi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshovich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Yang Ke, Professor, Director, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, Guangdong Province, China

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev (Hierodeacon Nathanael), Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Svyato-Dukhov Monastery, Livenskaya Eparchy, Orlovskaya Metropolis, Novosil, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Natalia L. Mishatina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, State University of Education, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna Romanik, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, University of Bialystok, Bialystok, Poland

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences); 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (Philological sciences); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (Philological sciences) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 24 Russian and international databases, including RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Founder and publisher: Limited Liability Company "Our Language" ("Nash Yazyk" LLC)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications, registration number P. No. FS 77-80108 of 31.12.2020 ISSN 2619–0966 (Online)

Corrector – T. Yu. Smirnova. Computer layout – K. V. Morozov.

Edition 250 ex. Format 70x100¹/₁₆ Printed sheet 8. Offset paper. Order

Release date of the issue 15.07.2024. Free price.

The address of the editorial office and publisher: 17 Bolshaya Andronievskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: +7 (495) 671-09-85; website: <https://www.riash.ru/>; e-mail: admin@riash.ru
Printed in the printing house of JSC "First Model Printing House", branch of "Chekhov Printing House", 1 Polygraphistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia.

A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), UralPress (index 73334), Pressinform, Inform-system, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at: <https://www.riash.ru/>

© LLC "Our Language", 2024

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Дейкина А. Д., Кулаева Г. М., Левушкина О. Н.</i> и др. Ценностно ориентированное обучение русскому языку как приоритет нашего времени (к юбилею научной школы аксиологической лингвометодики)	7
<i>Боброва М. В.</i> Особенности сбора прозвищ в процессе учебно-исследовательской деятельности	18
<i>Хоменко Е. В.</i> Создание школьниками обучающих видеороликов как способ организации обобщающего повторения орфографии (на примере подготовки к выполнению 6-го задания ОГЭ по русскому языку)	32

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Романов Д. А. А. Н.</i> Радищев как «архаист и новатор»: лингвопоэтические и лингвостилистические черты великой книги (к 275-летию со дня рождения)	47
<i>Ануфриева Г. В.</i> Лингвопоэтический анализ рассказа В. М. Шукшина «Приезжий» (к 95-летию со дня рождения)	61
<i>Атаманова Н. В., Трошина Н. В.</i> Предложно-падежные конструкции с предлогом <i>от</i> в поэзии Ф. И. Тютчева	70

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бирюкова Е. В., Борисова Е. Г., Калятин И. С.</i> Особенности русских сочинительных союзов с позиций деятельностного подхода	79
---	----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В.</i> Прецедентные тексты как языковые механизмы создания аттрактивности газетного заголовка в медиадискурсе Интернета	90
<i>Матюшина Н. В.</i> Русскоязычные элементы в эргонимии внутригородских объектов г. Москвы	99

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Илюхина Н. А. Е. С.</i> Скобликова, языковед и педагог (к 100-летию со дня рождения ученого)	112
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Бец Ю. В., Ильясова С. В.</i> Рецензия на учебное пособие: Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. Современное русское словообразование: Функционально-динамический аспект: учебное пособие. М.: Флинта, 2023. 176 с.	120
--	-----

ХРОНИКА

<i>Комиссарова Л. Ю., Левушкина О. Н., Устинов А. Ю.</i> и др. Международная научно-практическая конференция «Личность и деятельность М. Т. Баранова: история и современность (к 100-летию со дня рождения ученого)»	126
--	-----

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Deikina A. D., Kulaeva G. M., Levushkina O. N. et al. Value-based Russian language teaching as a priority of the modern era (to mark the anniversary of the <i>Axiological linguistic methodology</i> school of thought)</i>	7
<i>Bobrova M. V. Specific features of collecting nicknames in the process of academic work and research activity</i>	18
<i>Khomenko E. V. Schoolchildren's creation of educational videos as a way to organize integrative orthography revision (on the example of preparing for task 6 of the Russian language basic state examination (OGE))</i>	32

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Romanov D. A. A. N. Radishchev as an "archaist and innovator": linguopoetic and linguo-stylistic features of the great book (to the 275th anniversary of the birth)</i>	47
<i>Anufrieva G. V. Linguopoetic analysis of V. M. Shukshin's short story "The Visitant" (to the 95th anniversary of the birth)</i>	61
<i>Atamanova N. V., Troshina N. V. Prepositional case constructions with the preposition <i>ot</i> (English <i>from</i>) in the poetry of F. I. Tyutchev</i>	70

LINGUISTICS

<i>Biryukova E. V., Borisova E. G., Kalyatin I. S. Specific features of Russian coordinating conjunctions from the activity approach perspective</i>	79
--	----

LINGUISTIC NOTES

<i>Radbil T. B., Ratsiburskaya L. V. Precedent texts as linguistic mechanisms for creating an attractive newspaper headline in the Internet media discourse</i>	90
<i>Matyushina N. V. Russian elements in the ergonymy of intra-urban objects in Moscow</i>	99

LINGUISTIC HERITAGE

<i>Ilyukhina N. A. E. S. Skoblikova, a linguist and a teacher (to mark the centenary of the scientist's birth)</i>	112
--	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Bets Yu. V., Ilyasova S. V. Textbook review: N. A. Nikolina, L. V. Ratsiburskaya. Modern Russian word formation: Functional-dynamic aspect: study guide. Moscow: Flinta, 2023. 176 p.</i>	120
--	-----

CHRONICLE

<i>Komissarova L. Yu., Levushkina O. N., Ustinov A. Yu. et al. International research-to-practice conference "M. T. Baranov's personality and activity: history and modernity (to mark the centenary of the scientist's birth)"</i>	126
---	-----

МЕТОДИКА И ОПЫТ

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-7-17>

Ценностно ориентированное обучение русскому языку как приоритет нашего времени (к юбилею научной школы аксиологической лингвометодики)

Алевтина Дмитриевна Дейкина¹, Галина Михайловна Кулаева², Ольга Николаевна Левушкина³,
Владислав Дмитриевич Янченко⁴

^{1, 3, 4} *Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия*

² *Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия*

¹ *adeykina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3691-4675>*

² *galina-kulaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2371-8579>*

³ *Levushkinaon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8830-0969>*

⁴ *v.d.yanchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4626-5488>*

Аннотация. Статья посвящена осмыслению важнейшей роли ценностно ориентированного обучения русскому языку в современном образовании. Ключевые положения выступлений Президента РФ В. В. Путина, Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, министра просвещения РФ С. С. Кравцова связаны с сохранением и укреплением традиционных духовно-нравственных ценностей. Поэтому 30-летняя деятельность научной школы «Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка», лидером которой является доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии МПГУ А. Д. Дейкина, обладатель российских государственных наград — медали А. С. Пушкина, медали К. Д. Ушинского, становится как никогда актуальной. С использованием методов анализа научных исследований в области аксиологической лингвометодики, научного обобщения авторами охарактеризована деятельность научной школы, истоки которой связаны с концепцией М. Т. Баранова о формировании лингвистического мировоззрения школьников, изложены ключевые позиции аксиологической лингвометодики, обоснованные в концепции А. Д. Дейкиной и тринадцати докторских исследованиях ее учеников как научные направления, развивающие идею ценностно ориентированного обучения русскому языку в школе и вузе. В научных исследованиях докторского уровня, проведенных в русле научной школы аксиологической лингвометодики при научном консультировании А. Д. Дейкиной, разработаны ведущие лингвометодические подходы к обучению русскому языку. Наследуя идеи классиков отечественной методики, участники Московской методической научной школы создают и прогнозируют перспективные пути развития высшего и школьного образования в РФ, расширяют пространство научных исследований в разных регионах нашей страны, повышают научный статус методической науки, способствуют успешности межличностного и межкультурного общения на русском языке. Труды представителей и единомышленников аксиологической лингвометодической научной школы благотворно влияют на создание целостной ценностной картины мира средствами русского языка в современном образовании.

Ключевые слова: методика обучения русскому языку, аксиологическая лингвометодика, ценностно ориентированное обучение русскому языку, традиционные духовно-нравственные ценности, формирование лингвистического мировоззрения школьников, текстоориентированное обучение русскому языку, аксиологический текстоцентризм

Для цитирования: Дейкина А. Д., Кулаева Г. М., Левушкина О. Н. и др. Ценностно ориентированное обучение русскому языку как приоритет нашего времени (к юбилею научной школы аксиологической лингвометодики) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 7–17. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-7-17>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Value-based Russian language teaching as a priority of the modern era (to mark the anniversary of the *Axiological linguistic methodology* school of thought)

Alevtina D. Deikina¹, Galina M. Kulayeva², Olga N. Levushkina³, Vladislav D. Yanchenko⁴

^{1, 3, 4} Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

² Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

¹ adeykina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3691-4675>

² galina-kulaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2371-8579>

³ Levushkinaon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8830-0969>

⁴ v.d.yanchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4626-5488>

Abstract. The article aims to comprehend the fundamental role of value-based Russian language teaching in modern education. The key points of the speeches delivered by Russian President Vladimir Putin, His Holiness Patriarch Kirill, and Minister of Education of the Russian Federation S. S. Kravtsov are related to the preservation and strengthening of traditional spiritual and moral values. Therefore, the thirty-year activity of the scientific school *Axiological linguistic methodology: the worldview and value aspects in school and university teaching of the Russian language*, the leader of which is Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Methods of Teaching the Russian Language at the Institute of Philology of MPSU, is A. D. Deikina, winner of the Russian state award - the A. S. Pushkin medal, the K. D. Ushinsky medal, is becoming more relevant than ever. We used analysis of scientific research in the field of axiological linguistic methodology and scientific generalisation to characterise the activities of the scientific school whose origins relate to M. T. Baranov's concept of schoolchildren's linguistic worldview formation. Moreover, we outlined the key positions of axiological linguistic methodology substantiated in the concept of A. D. Deikina and thirteen postdoctoral studies of her students as scientific areas developing the idea of value-based Russian language teaching at school and university. The postdoctoral research conducted within the framework of the scientific school of axiological linguistic methodology with A. D. Deikina as the scientific advisor developed the leading linguistic methodological approaches to Russian language teaching. Drawing on the Russian canonical methodologists' ideas, the members of the Moscow Methodological Scientific School create and predict promising ways of developing higher and school education in the Russian Federation, expand the research space in different regions of this country, increase the scientific status of methodological science, and contribute to the success of interpersonal and intercultural communication in Russian. The works of those who represent the axiological linguistic methodological scientific school, as well as other like-minded researchers have a beneficial effect on the creation of a holistic value picture of the world using the Russian language in modern education.

Keywords: Russian language teaching methodology, axiological linguistic methodology, value-based Russian language teaching, traditional spiritual-moral values, schoolchildren's linguistic worldview formation, text-based Russian language teaching, axiological textocentrism

For citation: Deikina A. D., Kulayeva G. M., Levushkina O. N. et al. Value-based Russian language teaching as a priority of the modern era (to mark the anniversary of the *Axiological linguistic methodology* school of thought). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):7–17. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-7-17>.

Введение. 2024 год является юбилейным для научной школы аксиологической лингвометодики. Точкой отсчета в ее развитии стала защита ученой степени доктора наук А. Д. Дейкиной в форме научного доклада на тему «Формирование у школьников взгляда на родной язык как национальный феномен при обучении русскому языку в средней школе» (1994), благодаря чему было инициировано создание

чрезвычайно востребованной и всеобъемлющей сегодня аксиологической научной концепции в лингвометодике. Идея ценности стала приоритетной в организации современного образования и в профессиональной реализации педагогов.

Отметим, что развивающаяся с 1994 г. научная школа соответствует требованиям времени. 9 ноября 2022 года Президент РФ В. В. Путин подписал указ «Об утверждении

Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором подчеркивается, что сохранение традиционных ценностей — это часть стратегического планирования и национальной безопасности. Святейший Патриарх Кирилл в своем выступлении на XXXII Международных Рождественских образовательных чтениях «Православие и отечественная культура: потери и приобретения минувшего, образ будущего» (24.01.2024) отметил, что доминантой российского образования должна стать передача духовно-нравственных ценностей. Министр просвещения РФ С. С. Кравцов в своем выступлении на этом чрезвычайно значимом форуме описал систему деятельности, выстроенную в современном российском образовании для достижения поставленных целей.

Активное аксиологическое насыщение образовательного пространства, происходящее в настоящее время, проявляется прежде всего в осовременивании методологии обучения и воспитания, в разработке и реализации в российском образовании системы методов и приемов формирования духовно-нравственных ценностей обучающихся, их картины мира, мировоззрения. Ценностно ориентированное обучение русскому языку дает возможность максимально интегрировать процессы обучения и воспитания, языкового и личностного развития обучающихся, их социализации и идентичности, культурной и гражданской.

Методы и материалы исследования: анализ научных исследований в области аксиологической лингвометодики, научное обобщение.

Результаты. В основу аксиологической лингвометодики положено завещанное нам Ф. И. Буслаевым ценностное отношение к изучению родного языка: «...изучением отечественного языка становимся мы истинными соучастниками своего народа и наследниками его духа...» [Буслаев 1941: 65].

Научная школа «Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка» наследует научной школе профессора М. Т. Баранова «Формирование лингвистического мировоззрения», сложившейся в 80–90 гг. XX в.

в МПГУ на кафедре методики преподавания русского языка (см. об этом: [Дейкина, Янченко 2008]), и продолжает ее традиции.

В 1990 г. издательством «Просвещение» было издано пособие А. Д. Дейкиной «Обучение и воспитание на уроках русского языка», являющееся и по сей день настольной книгой многих российских учителей. В данной научно-методической работе прозвучала революционная для образования 90-х гг. XX в. (когда фактически связь обучения и воспитания насильственно разрывалась) мысль о том, что доминантой процесса обучения русскому языку является формирование у обучающихся ценностных представлений о русском языке и о русской культуре, духовно-нравственное развитие школьников, освоение ими культурных смыслов, выработка позитивного отношения к истории русского народа и его культуре, русскому языку и русской литературе [Дейкина 1990].

А. Д. Дейкина отстаивала позицию, ставшую аксиомой современного образования, относительно того, что весь процесс обучения русскому языку в школе должна пронизывать идея особой, уникальной, создающей роли русского языка. В качестве сверхцели школьного процесса обучения русскому языку ученым определено «формирование у учащихся ценностного взгляда на родной язык, воспитание их национального достоинства средствами учебного предмета»¹. Утверждая аксиологический подход к обучению русскому языку, ученый формулирует ключевые положения о ценности языка и культуры [Дейкина 2005; Дейкина 2016]. Постигание духовно-нравственных ценностей А. Д. Дейкина связывает прежде всего с текстовой деятельностью и ориентирует учителя на работу с ключевыми константами русской культуры. Ученый подчеркивает, что «русский язык представляет собой несомненную ценность в мировой картине языков и тем более для его носителей, на нем создана великая русская литература <...>, им определяется мир ценностей» [Дейкина 2019: 176].

¹ Дейкина А. Д. Формирование у школьников взгляда на родной язык как национальный феномен при обучении русскому языку в средней школе: дис. в виде науч. доклада. М., 1994. С. 16.

А. Д. Дейкиной, лидером научной школы аксиологической лингвометодики, опубликовано более 500 научных и учебно-методических работ (см., например, описание публикаций А. Д. Дейкиной в статье Т. А. Остриковой [Острикова 2019]).

Отметим, что аксиологическая концепция обучения русскому языку в своей стратегической направленности в большой степени опирается на «текст как единицу языка, речи и культуры»². По мнению А. Д. Дейкиной, именно «работа с текстом обеспечивает трансляцию и ретрансляцию культуры... помогает сохранить непрерывность традиции, соединить настоящее с прошлым и будущим, способствует приращению знаний, формирует метапредметность результатов» [Дейкина 2016: 4]. Воспитание, гармоничное развитие личности, включенной в культурную традицию и обладающую ценностными представлениями, — это общедидактические проблемы, которые возможно решать, реализуя на уроках русского языка духовно-культурный план работы с текстом.

Аксиологическая лингвометодика задает ценностную доминанту содержания школьного курса русского языка и вузовской подготовки учителя как в отношении к собственно лингвистическому знанию, к русскому языку и речи в целом, так и в отношении культурно-нравственных норм, приобретаемых обучающимися в ходе учебно-воспитательного процесса.

Ценностное целеполагание потребовало усиления мировоззренческого аспекта методики преподавания русского языка, расширения коммуникативной составляющей обучения, обновления методического инструментария, лексического и текстового материала, других инноваций в структуре учебного курса, обогащения учебных диалогов и заданий творческого характера в разных видах речевой деятельности. Повышение качества изучения русского языка, трансляция этических и морально-нравственных норм в процессе обучения русскому языку, изменение отношения к проблемам экологии языка, комплексное обучение всем видам речевой деятельности — эти

и другие методические новации обогащены ценностным компонентом.

Под научным руководством А. Д. Дейкиной в русле научной школы аксиологической лингвометодики защищены 34 исследования: 21 кандидатская и 13 докторских диссертаций по научной специальности «5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». В настоящий момент все доктора педагогических наук, сформировавшиеся в научной школе аксиологической лингвометодики, — активно действующие ученые, имеющие своих учеников, последователей и единомышленников [см. о научной школе: Алексеева 2019; Янченко 2019].

Многоаспектная работа научной школы аксиологической лингвометодики реализуется с опорой на традиции отечественного образования и авторитет ученых-предшественников и ориентируется на развитие инновационных методических идей, связанных с формированием у школьников ценностного взгляда на русский язык.

В научных исследованиях докторского уровня, проведенных в русле научной школы аксиологической лингвометодики при научном консультировании А. Д. Дейкиной, были определены и научно обоснованы стратегически важные научные направления, посвященные широкой аксиологической лингвометодической проблематике, разработаны ведущие лингвометодические подходы к обучению русскому языку.

Ценностная позиция носителя русского языка, педагога, учителя-исследователя и ученого-методиста, обозначенная в 90-е гг. прошлого столетия, определила ведущие направления методической науки XXI в. В современном аксиологическом понимании стали исследоваться проблемы формирования и развития личности школьника, воспитания ценностного отношения к русскому языку с эмоционально-эстетической позиции, создания духовно-нравственных ценностей языковой личности будущего учителя и позитивных ориентаций подрастающего поколения, формирования мыслительной и творческой самостоятельности субъектов образовательного процесса, развивающего потенциала инновационных технологий и др.

Так, в исследовании Т. А. Остриковой (г. Абакан) «Научно-методическое обеспечение самостоятельной профессиональной

² Левушкина О. Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2014. С. 23.

подготовки студентов-словесников» (2006) происходит осмысление ценности непрерывной дифференцированной самостоятельной методической подготовки будущего учителя русского (родного) языка и предлагается комплексная модернизация научно-методического обеспечения самостоятельной профподготовки учителя русского языка. Ценностная парадигма обусловила осмысление ученым аксиологического статуса учителя русского языка как многостороннего специалиста — учителя-практика и методиста-исследователя. В целях достижения учебных результатов автором составлен контент открытого учебно-научного комплекта, включающего комплекс разножанровых самообразовательных пособий, обеспечивающий самостоятельную работу студентов по методике русского языка³.

Ценность русской речи важно осмыслить и студентам-нефилологам. Проблеме овладения монологической публичной речью студентами-нефилологами посвящено докторское исследование Н. Н. Романовой (г. Москва) «Специфика содержания и методов обучения монологической речи студентов нефилологических отделений вузов» (2006). Ученый предлагает для решения данной проблемы практико-ориентированное обучение монологической публичной речи с использованием коммуникативного подхода, применимого как в методике РКИ, так и в школьной методике русского языка⁴.

Исследование Э. В. Криворотовой (г. Москва) «Формирование лингвистического мышления учащихся как условие их интеллектуального развития» (2007) посвящено осмыслению органичной связи формирования лингвистического мышления учащихся с необходимостью интеллектуального развития личности школьника в процессе обучения русскому языку⁵. Решение

данной проблемы ученый связывает прежде всего с формированием у обучающихся системы мыслительных операций, логического мышления, с обучением осмыслению соотношения «форма—значение» в языке, языковой и внеязыковой действительности⁶, пониманию специфики «лексического и грамматического значения, содержащегося и выражаемого в слове»⁷. Интенсивность интеллектуального развития, по мнению ученого, также обеспечивается усилением внимания к формированию положительной мотивации обучающихся к овладению лингвистическими знаниями и умениями, к выполнению дополнительных креативных заданий, способствующих осознанному усвоению лингвистических знаний и умений. Э. В. Криворотова предлагает в качестве оптимального средства формирования лингвистического мышления учащихся организацию их самостоятельной работы путем предъявления системы «познавательных задач, построенных с учетом отношений форма—значение, лексическое и грамматическое значение, языковая и внеязыковая реальность и отражающих всю совокупность лингвистических операций, составляющих основу аналитико-лингвистической деятельности»⁸.

Основой исследования Г. М. Кулаевой (г. Оренбург) на тему «Эстетический идеал в системе формирования ценностного отношения учащихся к русскому языку» (2008) стала ключевая идея воспитания ценностного отношения учащихся к русскому языку. Ученый рассматривает проблему формирования «языкового эстетического идеала»⁹ у школьников на основе работы с текстами художественных произведений на уроках русского языка. Г. М. Кулаевой установлено, что процесс формирования ценностного отношения к русскому языку и осознания его как духовной ценности и национально-культурного феномена базируется на «трех составляющих учебной

их интеллектуального развития: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2007. 48 с.

⁶ Там же. С. 11.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Кулаева Г. М. Эстетический идеал в системе формирования ценностного отношения учащихся к русскому языку: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2008. С. 5.

³ Острикова Т. А. Научно-методическое обеспечение самостоятельной профессиональной подготовки студентов-словесников: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2006. 40 с.

⁴ Романова Н. Н. Специфика содержания и методов обучения монологической речи студентов нефилологических отделений вузов: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2006. 43 с.

⁵ Криворотова Э. В. Формирование лингвистического мышления учащихся как условие

работы: эстетическом познании учащимися русского языка и речи, эстетической речевой деятельности и формировании у них эстетического отношения к русскому языку, которые создают ценностно ориентированное пространство уроков русского языка»¹⁰. Для создания на уроке русского языка совершенной культурной речевой среды Г. М. Кулаевой разработана инновационная методическая система, позволяющая формировать у школьников представления о языковом эстетическом идеале, продемонстрированы конкретные методические новации на основе работы с образцовыми художественными текстами на разных этапах обучения в V–IX и X–XI классах.

Ученый убедительно доказывает, что «обращение к эстетическим ресурсам русского языка и внимание к проблемам языкового эстетического вкуса усиливает воспитательную направленность обучения русскому языку, способствует духовно-нравственному воспитанию учащихся и выработке у них осознанной потребности в совершенствовании собственной речи с позиции языкового эстетического идеала»¹¹.

Определению ценности текстового функционала при обучении морфологии русского языка посвящено исследование О. В. Алексеевой (г. Воронеж) «Реализация функционального принципа при изучении морфологии в школьном курсе русского языка» (2010). Ученый проводит мысль о том, что анализ грамматической формы «позволяет решить задачу введения ученика в идейно-образное содержание произведения»¹², и предлагает концепцию обучения морфологии на основе функционального принципа, что позволит обеспечить связь языка и речи в процессе обучения и одновременно формировать у учащихся лингвистическую, языковую и коммуникативную компетенции. Ученый предлагает рассматривать грамматическую форму слова как «ценностный компонент анализа художественного текста»¹³ и говорит о необходимости введе-

ния в учебный процесс нового компонента содержания — «текстообразующих и выразительно-изобразительных функций грамматической формы»¹⁴, анализ которых осуществляется «на основе текстов, входящих в когнитивную базу носителей языка»¹⁵. Когнитивный и воспитывающий характер функционально ориентированного учебного процесса наиболее полно воплощается путем проведения урока-исследования, урока решения познавательных речевых задач, интегрированного урока «В мастерской писателя», творческих мастерских и др.¹⁶.

В исследовании О. А. Скрыбиной (г. Рязань) «Когнитивно-коммуникативный подход в обучении правописанию как текстоформирующей деятельности (10–11 классы)» (2010) осмысливается ценность «формирования у школьников правописных умений как текстоформирующих на основе развития способностей сознательно осуществлять выбор и контроль написаний в процессе создания текста»¹⁷. Данная лингвометодическая концепция посвящена обучению старшеклассников процессуальным аспектам письменного текста, интеграции в учебном процессе «когнитивного и коммуникативного, речевого развития школьников и речемыслительного»¹⁸, в связи с чем в учебном процессе школьниками осмысливается ценность правописных норм русского языка. Ученый называет методические факторы, способствующие овладению школьниками «содержательной и операционной стороной текстоформирующей деятельности»¹⁹, и предлагает тематическое структурирование дидактического материала и последовательное выполнение обучающимися упражнений трех групп: 1) функционально-семантических; 2) специальных и неспециальных упражнений по орфографии; 3) свободного письма.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Скрыбина О. А. Когнитивно-коммуникативный подход в обучении правописанию как текстоформирующей деятельности (10–11 классы): автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2010. С. 3.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹ Там же.

¹² Алексеева О. В. Реализация функционального принципа при изучении морфологии в школьном курсе русского языка: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2010. С. 13.

¹³ Там же.

С вузовским курсом методики обучения русскому языку связано исследование историко-методической направленности В. Д. Янченко (г. Москва) «Научно-методическое наследие последней трети XX века и его потенциал в системе профессиональной подготовки учителей-словесников» (2011), реализованное в аксиологической парадигме. В. Д. Янченко подчеркивает, что ценностное отношение к методическому наследию отличает аксиологическую лингводидактику, что «научной ценностью обладают объективные знания, выработанные учеными, систематизированные и сохраненные как наследие, например концептуальные идеи обучения речи на основе изучения языка, сопряжения языка и культуры в обучении русскому языку, обучения и воспитания, преемственности и перспективности в изучении русского языка в начальной и средней школе, имеющие вневременное значение для методологии»²⁰. Не случайно в ФГОС ООО 2021 г. в ряду направлений воспитания, сформулированных как личностные результаты, достигаемые в процессе основного образования, аксиологический подход определен и со стороны ценности научного познания, в том числе исторического²¹. Ученый доказывает, что «анализ научных и учебно-методических работ продемонстрировал сложность и многомерность этого периода “смены веков” с точки зрения методологии гуманитарных наук, ценность идей методистов-русистов последней трети XX в.»²². В. Д. Янченко предложил выделять три основных этапа развития методики обучения русскому языку как науки последней трети XX в. (грамматико-стилистический, 1970–1984 гг.; коммуникативный, 1984–1991 гг.; альтернативный,

или полипарадигмальный, 1992–2000 гг.)»²³ и определил ведущие научные направления лингвометодики рассматриваемых этапов: «1) направление формирования лингвистического мировоззрения учащихся, освещения в школьном курсе русского языка проблем методики словообразования, орфографии, лексики и фразеологии (основатель М. Т. Баранов); 2) коммуникативно-риторическое направление (основатель Т. А. Ладыженская); 3) направление, опирающееся на принцип системного изложения теоретического материала и развитие речи на основе изучения языка (основатель В. В. Бабайцева) и др.»²⁴. В данном исследовании продемонстрирован потенциал исторического вектора в развитии отечественной методической науки и предложены перспективные пути изучения в педагогическом вузе курса истории методики преподавания русского языка.

Е. А. Рябухина (г. Пермь) в своем докторском исследовании «Моделирование дифференцированного обучения речевой деятельности в старших классах на основе компетентностного подхода» (2013) осмысливает ценность речевых умений школьников и предлагает компетентностный подход как основу модернизации системы обучения старшеклассников русскому языку, подчеркивая, что данный подход интегрирует «разработанные ранее идеи деятельностного, личностно-ориентированного, коммуникативно-когнитивного обучения школьников»²⁵. Ученым предложена инновационная методическая система обучения русскому языку в старших классах, моделируемая на компетентностной основе и заключающаяся в дифференциации обучения русскому языку в старших классах «с опорой на сформированные ранее языковые и речевые знания и умения»²⁶. Научная концепция Е. А. Рябухиной строится на основе аксиологического понимания доминирующей роли текста в современном учебном процессе, т. е. осмысления

²⁰ Янченко В. Д. Научно-методическое наследие последней трети XX века и его потенциал в системе профессиональной подготовки учителей-словесников: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2011. С. 3.

²¹ Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (Зарегистрирован 05.07.2021 № 64101) [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001-202107050027> (дата обращения: 01.05.2024).

²² Янченко В. Д. Указ. соч. С. 14.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Рябухина Е. А. Моделирование дифференцированного обучения речевой деятельности в старших классах на основе компетентностного подхода: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2013. С. 4.

²⁶ Там же. С. 17.

текста и как процессуального явления, порождаемого в речевой деятельности, и как ее результата, и как средства хранения и передачи культурной и эстетической информации. Предлагаемая автором методическая система включает в себя комплекс ситуативных упражнений, «заданий на преобразование коммуникативных параметров текста, практикумов по работе с разными видами речевой деятельности и речевыми жанрами, упражнений в корректировке речевого материала...»²⁷ и др.

В исследовании О. Н. Левушкиной (г. Москва) «Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика» (2014) переосмысливаются в аксиологическом ключе роль и место текста, «в особенности художественного, в преподавании русского языка»²⁸, предлагается «методическая система обучения школьников лингвокультурологическим характеристикам текста, в первую очередь художественного, как основного дидактического средства урока русского языка, способствующая в соответствии с современной научной парадигмой школьного образования целостному восприятию учащимися текста как целостной единицы языка, речи и культуры, эффективному обучению школьников стратегиям смыслового чтения (пониманию, интерпретации и оценке текста), развитию их речи и лингвистического мышления»²⁹. Ученый определяет лингвокультурологическую характеристику текста как обучающий метод, как технологию учебной деятельности, как вид учебного сочинения по итогам использования данной технологии на уроке³⁰. Текстоориентированность как неотъемлемая характеристика аксиологической лингвометодики названа аксиологическим текстоцентризмом [Левушкина 2019].

Модернизации отдельных сторон лингвометодической подготовки учителя в антропоцентрической парадигме современного образования посвящено исследование

Н. А. Исаевой (г. Калуга) «Современные стратегии лингвометодической подготовки бакалавра педагогического образования (профиль “Русский язык”)» (2016). Ученый осмысливает в качестве ценностных ключевые для современного учителя-профессионала категории: способность грамотно реагировать на быстро меняющиеся условия его деятельности и адекватно оценивать учебную ситуацию, владение современными образовательными технологиями, в том числе информационными, самостоятельное решение многочисленных задач, связанных с обучением и воспитанием школьников³¹. Аксиологическое переосмысление целостного процесса лингвометодической подготовки бакалавров — будущих учителей русского языка ученый проводит путем реализации двух ключевых направлений — когнитивной и проективной стратегий: «первая — обеспечивает развитие лингвометодического мышления и когнитивных способностей бакалавров на базе предметного содержания “русский язык”, вторая — приобретение новых способов методической деятельности для успешного осуществления образовательного процесса в школе»³². Н. А. Исаева предложила организовать практико-ориентированную деятельность студента-филолога педагогического вуза на основе современного эффективного гипертекстового инструмента — «лингвометодического органа учителя»³³.

Осмысление школьниками ценности лингвистического научного знания стало ключевой идеей интеграционного исследования О. Е. Дроздовой (г. Москва) «Метапредметный подход к обучению русскому языку в разных предметных областях школьного образования» (2017). Ученый предлагает «широкое внедрение определенного объема лингвистических знаний и умений работы с языком при освоении любой предметной области»³⁴, что «может

²⁷ Там же. С. 18.

²⁸ Левушкина О. Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2014. С. 4.

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ Там же. С. 16—17.

³¹ Исаева Н. А. Современные стратегии лингвометодической подготовки бакалавра педагогического образования (профиль «Русский язык»): автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2016. 48 с.

³² Там же. С. 18.

³³ Там же. С. 19.

³⁴ Дроздова О. Е. Метапредметный подход к обучению русскому языку в разных предметных областях школьного образования:

помочь в решении таких государственных задач, как общее повышение уровня языковой культуры»³⁵ обучающихся, будет способствовать повышению «престижа изучения русского языка, формированию уважения к родному языку и культуре»³⁶. Ученый видит значение метапредметного обучения русскому языку в решении таких проблем, как «повышение интереса и формирование ценностного отношения школьников к русскому языку, совершенствование процесса понимания учащимися предметного содержания разных общеобразовательных дисциплин, повышение уровня культуры работы с языком и культуры речи школьников во всех сферах образовательного процесса, увеличение активности и успешности участия обучающихся во внеклассной работе лингвистической направленности»³⁷. О. Е. Дроздова актуализирует использование «общелингвистического компонента образовательного процесса»³⁸ с целью формирования лингвистического мировоззрения школьников на уроках разных предметных областей и во внеурочной деятельности, прежде всего реализованного как целенаправленная работа с терминологией данной учебной дисциплины, как проектно-исследовательская работа лингвистической направленности на материале разных предметов и др.

Исследование О. В. Гордиенко (г. Москва) «Креативный подход к развитию лингвометодического мышления студента-филолога» (2021) посвящено осмыслению ценности самостоятельного лингвометодического мышления студента-филолога, креативности учителя-словесника. Ученый предлагает «модель развития лингвометодического мышления студента-филолога в вузе на основе креативного подхода»³⁹, включающую систему взаимосвязанных

и взаимообусловленных элементов, «направленных на становление субъектности студента (самоопределения, самопознания, саморазвития и самореализации будущего учителя русского языка) посредством разрешения лингвометодической проблемной ситуации»⁴⁰.

Диссертационное исследование Г. Е. Соколовой (г. Москва) «Когнитивно-эстетический подход к обучению иностранных студентов русской речи» (2024) посвящено формированию аксиологического взгляда «на эстетику русского языка и речи с разных сторон (наличие эстетической информации о русском языке, повышение интереса к его эстетической функции, определение и оценка эстетически значимых языковых и речевых явлений, положительная мотивация к изучению эстетической стороны русской речи и др.)»⁴¹ при обучении РКИ. Ученый вводит в методический тезаурус русского языка как иностранного понятие лингвоэстетического анализа художественного текста, предлагает «мировоззренчески ценностный, лингвистически ориентированный дидактический материал, содержащий информацию об эстетике русского языка и речи, расширяющий представления иностранных студентов о критериях образцовой (совершенной) речи»⁴², определяет круг понятий по теме исследования, вводимых в процесс обучения иностранных студентов, создает типологию специальных учебных заданий, реализующих обучение разным аспектам эстетики русского языка и речи.

Выводы. В чем же состоят ключевые позиции аксиологической лингвометодики?

Аксиологическая лингвометодика определила ряд ключевых позиций, имеющих значение для развития методологии методики преподавания русского языка и научных исследований в области теории и методики обучения и воспитания:

автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2017. С. 4.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 17.

³⁸ Там же.

³⁹ Гордиенко О. В. Креативный подход к развитию лингвометодического мышления студента-филолога: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2021. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 18.

⁴¹ Соколова Г. Е. Когнитивно-эстетический подход к обучению иностранных студентов русской речи: автореферат дис. ... д-ра пед. наук. 13.00.02. М., 2023. С. 8.

⁴² Там же. С. 10.

— актуализировано понятие «ценность» в образовательном пространстве школы и педагогического вуза;

— определена роль русского языка как национально-культурного феномена, формирующего лингвистическое мировоззрение;

— обоснован ряд ведущих подходов в методологии современного образования с приоритетом аксиологического подхода;

— разработан ряд современных методических концепций в преподавании русского языка, интегрирующих процессы обучения русскому языку и воспитания духовно-нравственных ориентаций личности;

— усилена историография методической науки, ее связь с традициями отечественной школы и достижениями выдающихся ученых-методистов;

— разработана широкая лингвометодическая проблематика, в русле которой решаются вопросы развития личности, ее социализации и идентичности;

— придано особое значение тексту как единице сопряжения языка, речи и культуры в учебном процессе по русскому языку;

— выстроена стратегия аксиологизации лингвистического знания путем применения современных технологий в преподавании русского языка и др.

Наследуя идеи классиков отечественной методики, участники научной школы, созданной А. Д. Дейкиной, прогнозируют и прокладывают перспективные пути развития высшего и школьного образования в России, раздвигают пространство научных исследований в разных регионах нашей страны, повышают научный статус методической науки, способствуют успешности межличностного и межкультурного общения на русском языке. Труды представителей и единомышленников научной школы аксиологической лингвометодики благотворно влияют на создание целостной ценностной картины мира средствами русского языка в современном образовании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева О. В. Опыт научной школы А. Д. Дейкиной: концептуальность аксиологического подхода в процессе преподавания русского языка // Русистика. 2019. Том 17, № 4. С. 414–427. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-4-414-427>.

2. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 248 с.

3. Дейкина А. Д. Обучение и воспитание на уроках русского языка. М.: Просвещение, 1990. 176 с.

4. Дейкина А. Д. Формирование у школьников ценностного взгляда на русский язык как культурно-национальный феномен // Формирование культуроведческой компетенции учащихся при обучении русскому языку: монография / науч. ред. А. Д. Дейкина. М.: Прометей, 2005. С. 9–27.

5. Дейкина А. Д. Методическая культура учителя-словесника в современной лингвообразовательной ситуации // Русский язык в школе. 2016. № 6. С. 3–5.

6. Дейкина А. Д. Аксиологическая методика преподавания русского языка: монография. М.: МПГУ, 2019. 212 с.

7. Дейкина А. Д., Янченко В. Д. Научная школа М. Т. Баранова: формирование лингвистического мировоззрения учащихся // Научные школы Московского педагогического государственного университета. Вып. 1. М.: Прометей МПГУ, 2008. С. 166–182.

8. Левушкина О. Н. Концепция аксиологического текстоцентризма в методических трудах А. Д. Дейкиной // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 1. С. 10–15. URL: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-1-10-15>.

9. Острикова Т. А. Профессора XXI века: Дейкина Алевтина Дмитриевна (к юбилею учебного) // Вестник ХГУ им. Н. Ф. Катанова. 2019. № 1 (27). С. 136–149.

10. Янченко В. Д. Путь длиной в 40 лет: научная школа «Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском преподавании русского языка» // Наука и школа. 2019. № 1. С. 189–192.

REFERENCES

1. Alekseeva O. V. A. D. Deikina's scientific school: conceptual role of axiological approach in Russian language teaching. *Rusistika = Russian Language Studies*. 2019;17(4):414–427. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2019-17-4-414-427>.

2. Buslaev F. I. On teaching the mother tongue. Leningrad: Uchpedgiz, 1941. 248 p. (In Russ.)

3. Deikina A. D. Teaching and education at the lessons of the Russian language. Moscow: Prosveshcheniye, 1990. 176 p. (In Russ.)

4. Deikina A. D. Formation of schoolchildren's valuable view of the Russian language as a cultural

and national phenomenon. *Formirovanie kulturovedcheskoi kompetentsii uchashchikhsya pri obuchenii russkomu yazyku*. Nauch. red. A. D. Deikina = *Formation of students' cultural competence in teaching Russian language*. Ed. by A. D. Deikina. Moscow: Prometei, 2005. P. 9–27. (In Russ.)

5. Deikina A. D. Methodological culture of the language teacher in the modern context of language education. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2016;(6):3–5. (In Russ.)

6. Deikina A. D. Axiological methods of teaching the Russian language. Moscow: MPSU, 2019. 210 p. (In Russ.)

7. Deikina A. D., Yanchenko V. D. Scientific school of M. T. Baranov: formation of linguistic worldview of students. *Nauchnye shkoly Moskovskogo pedagogicheskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. 1 = Scientific schools of the Moscow Pedagogical*

State University. Iss. 1. Moscow: Prometei, 2008. P. 166–182. (In Russ.)

8. Levushkina O. N. The concept of axiological textocentrism in A. D. Deikina's works. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019;80(1):10–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-1-10-15>.

9. Ostriкова T. A. Professors of the 21st century: Deikina Alevtina Dmitrievna (to the anniversary of the scientist). *Vestnik KhGU im. N. F. Katanova = Bulletin of Katanov Khakass State University*. 2019;(1):136–149. (In Russ.)

10. Yanchenko V. D. A way of forty years: scientific school «Axiological linguistic methodology: paradigm and value aspects of teaching Russian language». *Nauka i shkola = Science and School*. 2019;(1):189–192. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алевтина Дмитриевна Дейкина, доктор педагогических наук, профессор

Галина Михайловна Кулаева, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и методики преподавания русского языка

Ольга Николаевна Левушкина, доктор педагогических наук, доцент

Владислав Дмитриевич Янченко, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка

Alevtina D. Deikina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Galina M. Kulaeva, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Methods of Teaching the Russian language

Olga N. Levushkina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Vladislav D. Yanchenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching the Russian language

Статья поступила в редакцию 04.02.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 20.04.2024.

The article was submitted 04.02.2024; approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 20.04.2024.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-18-31>

Особенности сбора прозвищ в процессе учебно-исследовательской деятельности

Мария Владимировна Боброва

*Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, Россия,
bomaripgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>*

Аннотация. Статья посвящена прикладным аспектам ономастики и связана с актуальной проблемой сбора современных прозвищ, с которой могут столкнуться обучающиеся (школьники и студенты) в рамках учебной исследовательской деятельности. В силу принципиальной невозможности зафиксировать все неофициальные антропонимы заострено внимание на вопросе об эффективности различных методов сбора материала, а именно: анкетирования и опроса как основных; беседы, наблюдения, выборки данных из различных источников как второстепенных. В частности, оговорена структура анкет, используемых автором в табличной форме, представлены подробные вопросники для сбора индивидуальных и коллективных прозвищ, разработанные автором с опорой на рекомендации предшественников и собственный опыт. Предложенные анкета и вопросники могут быть непосредственно внедрены в учебную исследовательскую деятельность в рамках научных проектов. Выявлены достоинства и недостатки каждого из методов. Оговорена специфика работы в условиях экспедиционного обследования сельских населенных пунктов и стационарного сбора данных. Затронут вопрос о паспортизации полученных материалов. Сделан вывод о том, что привлечение обучающихся к сбору ономастики в рамках учебно-исследовательской деятельности позволяет помочь в решении актуальных научных задач.

Ключевые слова: ономастика, антропонимия, современные прозвища, методы сбора прозвищ, проектная деятельность, учебно-исследовательская деятельность, вопросники, опрос, анкетирование, беседа, наблюдение, выборка данных

Для цитирования: Боброва М. В. Особенности сбора прозвищ в процессе учебно-исследовательской деятельности // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 18–31. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-18-31>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Specific features of collecting nicknames in the process of academic work and research activity

Maria V. Bobrova

*The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia,
bomaripgu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9858-0573>*

Abstract. The article considers the applied aspects of onomastics and is related to the major issue of collecting modern nicknames which students (schoolchildren and students) may encounter as part of their academic work and research activity. Since it is fundamentally impossible to record all unofficial anthroponyms, the study focuses on the issue of the effectiveness of various material collection methods, namely questionnaires and survey forms as the main ones, conversations, observations, and sampling data from various sources as secondary techniques. In particular, the article specifies the structure of the questionnaires used by the author in tabular form. Moreover, the presented detailed survey forms for obtaining individual and collective nicknames developed by the author are based on the recommendations given in previous studies as well as the author's own experience. The proposed questionnaires and survey forms can be used in academic work and research activity within the framework of scientific projects. The paper also identifies the advantages and disadvantages of each method. The article discusses the specific features of field work in rural settlements and under stationary data collection conditions. The objective of certifying the obtained materials is raised. It is concluded that involving students in onomastic data collection as part of their academic work and research activity can help in solving relevant scientific issues.

Keywords: onomastics, anthroponymy, modern nicknames, methods for collecting nicknames, project work, academic and research work, questionnaires, survey, interview, questionnaire survey, conversation, observation, data sampling

For citation: Bobrova M. V. Specific features of collecting nicknames in the process of academic work and research activity. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):18–31. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-18-31>.

Введение. Настоящая статья входит в круг исследований, связанных с методологией проектной деятельности обучающихся (см., например, [Беднарская 2015; Бондаренко 2018; Громова 2016; Ерохина 2015а, 2015б; Соколова 2008; Черникова, Расторгуева 2023] и др.), и продолжает ряд работ, посвященных такому уникальному языковому, социальному и индивидуально-психологическому явлению и объекту проектной деятельности обучающихся, как прозвища (см., например, [Боброва 2019, 2020б, 2022; Шкуричева 2013; Щербинина 2020], диссертационные исследования Н. А. Родиной, И. С. Стахановой¹ и др.).

Мы по-прежнему стоим на позициях, обозначенных Е. Л. Ерохиной: «...исследовательское обучение — это процесс инкультурации учащихся, приобщения их к основам академической культуры, которую мы понимаем как систему ценностей, норм, правил, образцов поведения, способов деятельности, принципов общения, основанную на педагогически адаптированном опыте научной познавательной деятельности» [Ерохина 2015б: 298]². Здесь нет места профанации научно-исследовательской деятельности учащихся, даже с учетом их возрастных особенностей, но крайне значима актуализация ее истинных функций: учебной, образовательной, воспитательной, просветительской — в деле формирования разносторонней личности, способной реализоваться в любой сфере социальной жизни.

Ранее, говоря о проектной деятельности обучающихся на материале прозвищ, мы рассмотрели в указанных выше

публикациях типичные ошибки, которые обнаруживаются в таких работах на разных этапах учебного проекта. В продолжение заданной темы мы сосредоточимся на вопросах, крайне востребованных в школьной и вузовской практике реализации исследовательского метода: на методических разработках и рекомендациях прикладного характера, которые могут найти непосредственное применение при реализации конкретного учебного исследовательского проекта. В центре внимания — методы и приемы сбора прозвищ.

Методы и материалы исследования. Актуальность изучения ономастики, включая прозвища, подчеркивалась ранее, в том числе в указанных работах. Вместе с тем, безусловно, нереально зафиксировать все неофициальные антропонимы. Очевидны трудности их сбора уже в силу большой подвижности этого пласта антропонимикона. Некоторые ограничения в исследовательской работе создаются и тем, что до сих пор прозвища привлекали недостаточное внимание лингвистов. В то же время исследовательский опыт подводит к заключению о том, что необходима максимальная полнота охватываемого материала, так как на практике существует прямая зависимость степени достоверности наблюдений и выводов в том числе и от количества имеющихся данных. Более того, некоторые явления и тенденции могут быть обнаружены лишь в значительных массивах данных.

Арсенал ономастических работ огромен, но большинство из них имеет исследовательский характер, вопросы сбора онимов поднимаются редко. Среди работ последних лет можно указать, например, публикации Е. Л. Березович [Березович 2011], И. И. Муллонен [Муллонен 2012], Н. М. Ивашовой [Ивашова 2012], Т. Н. Дмитриевой [Дмитриева 2014], И. А. Кюршуновой [Кюршунова 2018], в которых затрагиваются вопросы методики сбора географических названий, Е. Н. Варниковой — на материале зоонимии [Варникова 2019], В. В. Казябы — на материале немецких никнеймов [Казяба 2020].

¹ Родина Н. А. Современные детские и молодежные прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014. 254 с.; Стаханова И. С. Прагматика школьных прозвищ: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011. 173 с.

² См. также: Ерохина Е. Л. Академическая культура субъектов исследовательского обучения: дис. ... д-ра пед. наук. М., 2015. 426 с.

Вопрос о сборе прозвищ поднимается в статьях И. А. Кюршуновой [Кюршунова 2009, 2017]. В настоящей публикации мы задались целью поделиться собственными наблюдениями над особенностями сбора прозвищ — в продолжение этой темы, затронутой многочисленными ономатологами, но преимущественно на топонимических материалах.

Полагаем, такие обобщения будут полезны не только исследующим ономастику студентам и ученым (диалектологам, ономатологам, этнографам, др.), но и учителям, использующим инновационные приемы преподавания русского языка и организующим своих учеников в рамках внеурочной деятельности в форме факультативных занятий или кружковой деятельности по русскому языку, краеведению, истории, в форме учебных исследовательских работ и докладов на конференциях школьников и др. Более того, исследование, начатое в школьные годы, может предопределить интересы обучающихся в вузе и даже направленность дальнейшей профессиональной деятельности; прозвища дают богатый материал для исследовательской деятельности студентов (для написания учебных работ, выступлений с докладами на конференциях, публикации статей), могут стать предметом изучения в рамках диалектологической практики, лабораторной работы по социолингвистике, факультативных занятий по лексикографии и т. д. При этом грамотно собранные и затем опубликованные материалы могут послужить науке³. Так, например, в Пермском крае совершенно невозможно посетить все населенные пункты, которых здесь более 2600, и опросить 2,6 млн жителей. В этих условиях помощь учителей, студентов, школьников и просто энтузиастов бесценна. Тревожит при этом, что школьники и студенты более или менее успешно

справляются с заданиями, однако в большинстве случаев собранный ими материал и полученные результаты оказываются в забвении. Тем важнее, чтобы профессиональным исследователям было чуждо пренебрежительное отношение к ученическим и студенческим работам (а вместе с этим к работам местных краеведов, библиотечарей и иных любителей, непрофессионально изучающих местную культуру), а плоды труда начинающих исследователей обнародовались.

Помимо собственно научной ценности, исследовательские проекты обладают ценностью учебной и психолого-педагогической. Они позволяют, в частности, актуализировать знания, умения, навыки, значительно выходящие за рамки современных образовательных программ, развить у обучающихся (школьников и студентов) новые социально значимые компетенции. Например, через прозвища можно выйти на проблемы социального взаимодействия, психологии общения, взаимосвязи языка и общества; школьник в этом случае способен определить механизмы наречения людей прозвищами, выявить мотивы номинаторов — авторов прозвищ, проследить связи языка и мышления, языка и культуры и т. д.

Результаты. Дополняя выступления наших предшественников, осветим (в рамках, определяемых объемом журнальной статьи) три основных вопроса: 1) формы и методы сбора прозвищ; 2) специфика сбора материалов в сельских и в городских условиях; 3) паспортизация собранных данных. Мы не коснемся, например, вопроса об обработке материалов, составлении баз данных и архивировании, который исчерпывающе раскрыт в упомянутых работах И. А. Кюршуновой, об особенностях сбора в многонациональных поликультурных регионах и др.

1. Формы и методы сбора прозвищ

Первостепенная задача — выбрать методы работы, которые позволят при ограниченных ресурсах и возможностях повысить качество и обеспечить полноту сбора данных.

Опыт показывает, в частности, что не следует ограничиваться одним способом аккумуляции сведений. Сочетание ряда приемов и подходов дает возможность

³ См. многочисленные сборники материалов школьных и студенческих конференций, учебные исследовательские работы обучающихся, опубликованные в сети «Интернет». Особенно значимы с разных точек зрения совместные проекты, объединяющие усилия обучающихся, учителей, профессиональных ученых, ср., например: *Китаева М. А., Малькова О. В., Патокина Н. Ю.* и др. Годонимы микрорайона Южный города Перми: история и современность // *Филология в XXI веке*. 2018. Вып. 1 (1). С. 156–161.

уйти от необходимости личного участия в каждом этапе этого процесса и расширить круг его участников. Тщательно подготовленные инструкции помогают привлечь для этого людей, не имеющих опыта собирательской работы, в том числе родственников, одноклассников и др.

Для повышения качества фиксируемых материалов вначале рекомендуется четко сформулировать стоящие перед сборщиками задачи и уточнить наполнение термина *прозвище*. Получаемые от информантов ответы свидетельствуют о том, что данное понятие несколько размыто в представлениях наших современников. Мы отталкиваемся от такого его наполнения: «Современные прозвища — это неофициальные факультативные вторичные именованья, служащие характеристике людей и иным целям на основе социальных, территориальных, темпоральных, эмотивно-оценочных, событийных и иных факторов» [Боброва 2020а: 14]. Различаем прозвища: 1) по экстенсionalу: индивидуальные и коллективные (групповые); 2) по социальной стратификации: семейные (в том числе семейно-родовые и внутрисемейные), социально-групповые (в том числе детские/подростковые/молодежные/взрослые, мужские/женские и др.), коллективно-территориальные [Там же: 11–17].

Прозвища следует отличать от близких понятий: псевдонимов (это вымышленные антропонимы, используемые человеком в публичной деятельности в конспиративных целях) и никнеймов (вымышленных антропонимов, используемых человеком в социальных сетях в конспиративных и иных целях). Кроме того, как показывает практика, неподготовленные информанты склонны смешивать прозвища с коннотативными апеллативами (ср. в анкетах: «Перкус, пекус. В вузе первокурсник»; «Очкарик. Носиточки. Мужина, женщина, дети. Знакомые»; под.), с коннотативными хремотонимами и прагмотонимами (ср. в анкетах: «Буханка — прозвище машины»; «Сапог — прозвище машины»; «“Мерин”, то есть “Мерседес”»; под.), разделяя убежденность большинства, в том числе многих антропонимистов, что характеристичность и оценочность — атрибутивное свойство прозвищ. И это вопреки тому, что значительное количество онимов, главным образом отфамильных и отыменных

(ср.: *Рама* из фамилии Барамзин, *Белый* из фамилии Белишев, *Науум* из фамилии Наумов, под.), опровергают это стойкое мнение. Вследствие недопонимания сборщиками или информантами стоящей перед ними задачи часть полученного материала необходимо отбраковывать.

Естественно, что такого рода оплошности непринципиальны, если обучающиеся привлекаются только на этапе сбора данных, поскольку специалист сможет верно квалифицировать полученные материалы. Но это значимо для оценки достоверности выводов при проведении обучающимся полного цикла самостоятельного исследования.

Прежде чем приступить непосредственно к сбору данных, необходимо определиться с оптимальным для данной коммуникативной ситуации методом получения информации.

1. Анкетирование

Очевидно, что заполнение анкеты не должно быть слишком затратным по времени или трудоемким, чтобы не отпугивать опрашиваемых. Анкета должна быть компактной, но в то же время в достаточной степени информативной. В результате многолетней работы нами был определен оптимальный способ ее предъявления (табличная форма) и минимальный набор информационных блоков (граф таблицы): 1) прозвище (обязательно⁴ с ударением); 2) гендерная его принадлежность (мужское/женское); 3) примерный возраст носителя; 4) мотивировка номинации; 5) социальная микрогруппа, в которой употребляется прозвище (друзья, родственники, коллеги, соседи и т. п.); 6) населенный пункт, в котором функционирует прозвище; 7) дополнительные сведения (например, хронологические привязки, ситуативные ограничения в употреблении, возрастные рамки при смене прозвища и под.). Именно эти пункты включены в анкету в последней редакции. Ответы приобретают следующий вид (знаком «слеш» разделены сведения, относящиеся к разным колонкам и несущие разные блоки информации):

⁴ Так следует инструктировать собирателей, хотя отсутствие ударения не может стать основанием для исключения прозвища из исследовательской базы.

«Вазгён / м / по сходству с неславянской внешности таксистом / на работе / Пермь / в глаза»; «Дуршлаг / Мальчик / 15 лет / От фамилии / Среди знакомых / Чернушка»; «Еёшечка / Девочка / 1 год / Екатерина Евгеньевна / Среди семьи / Пермь»; «Сгущёнка / Девушка / 18 лет / От фамилии Гушина / Между друзьями / с. Большая Соснова»; под.

Метод наиболее продуктивен при активном участии иногородних информантов, особенно тех, которые проживают в сельской местности и обычно имеют многочисленных родственников в соседних населенных пунктах. Достоинство метода состоит в возможности охватить за короткое время значительное количество опрашиваемых в условиях нереальности индивидуального контактирования с ними (в частности, при временных ограничениях коммуникации с группой участников эксперимента). Большой недостаток заключается в том, что не всегда имеется возможность уточнить записи, правильность постановки ударения, получить комментарии по поводу указанных мотивировок онимов, особенно если сбором занимался посредник, в ограниченности объема отражаемых сведений (ср. ниже вопросник).

Рекомендуем проводить анкетирование в группе непосредственно в аудитории, поскольку вне учебных корпусов или рабочего места заполнить лист обычно забывают или же потенциальные информанты пренебрегают такой просьбой, поскольку она не связана с их учебной или профессиональной деятельностью, ее оцениванием учителем и т. п.

2. Опрос

Как известно, работа по данной методике требует предварительной подготовки специального опросного листа (опросника в виде списка номинативных конструкций или вопросника в виде списка вопросов), который может иметь более и менее развернутые варианты. И если вопросники для сбора топонимии и микротопонимии регулярно публикуются, дорабатываются и уточняются с 1896 г. (см., например, работы Б. А. Ларина, Л. М. Майдановой, Н. В. Подольской, А. П. Феоктистова, Т. И. Тепляшиной, Nissila Viljo, Itkonen Terho и др.), то опубликованные списки вопросов для сбора прозвищ единичны.

Для простой фиксации отдельных элементов системы прозвищ достаточно задать вопросы, которые актуализируют упомянутые в предыдущем пункте информативные блоки; ср. вопрос № 27 (из 30) в анкете-опроснике Д. М. Захарова: «Бытуют ли в Вашем селении индивидуальные или коллективные прозвища, каково их происхождение? Лиц, которым они принадлежат, указывать не надо» [Захаров 2012: 109]. Однако опрос, который осуществляется при индивидуальном общении с информантами, позволяет получить, помимо этого, развернутые комментарии, а также обобщающие высказывания, отражающие «наивные» лингвистические, культуроведческие, исторические и иного рода наблюдения и представления информанта, которые могут представлять особый научный интерес.

Функциональный подход отражает, в частности, вопросник Т. И. Макаровой и А. А. Ивановой, который заинтересует не только лингвистов, но и фольклористов (он нацелен на сбор прозвищ, которые используются в рамках повседневной коммуникации либо в фольклорных текстах: обрядовых песнях, обрядовом фольклоре, частушках, дразнилках, народной прозе). Ср., например, вопрос номер один в разделе «I. Индивидуальные прозвища»: «Каждый ли человек, живущий в деревне, имеет прозвище? Если нет, то каким категориям лиц и почему их дают? Различается ли характер прозвищ по половозрастному принципу (детские/взрослые, мужские/женские и пр.)? Меняется ли прозвище при переходе человека из одной возрастной (социальной, профессиональной, пр.) группы в другую? Каким образом? Может ли один человек иметь несколько прозвищ (семейное, школьное, уличное, пр.) и если да, в каких случаях и почему?» — и последующие [Макарова, Иванова 1999, электронный ресурс].

При сборе материалов для лингвистического анализа рекомендуется отталкиваться от типологии прозвищ по экстенционалу и по локальной, а также социальной привязке, так как различаются принципы неофициальной номинации отдельных людей и целых групп, городских и сельских жителей, представителей отдельных социальных микрогрупп.

С опорой на рекомендации предшественников (в первую очередь на перечень вопросов Т. И. Макаровой и А. А. Ивановой), но с учетом собственного опыта нами разработаны и апробированы следующие вопросники. Базовыми (инвариантными) в них являются вопросы под номером 1, 6–9 (10), вопросы 2–5 способствуют получению дополнительных сведений и могут использоваться в качестве уточняющих либо наводящих при затруднениях информанта при ответе на первый вопрос. В квадратных скобках помещены примечания и комментарии для собирателя.

1. Индивидуальные прозвища

1. Какие прозвища жителей вашего селения (в вашем окружении, среди знакомых) вам известны? (Для каждого прозвища уточните: ударение; кому оно принадлежит – по полу и возрасту, по социальному или родственному положению, по социальным отношениям (мужчина/юноша/мальчик, женщина/девушка/девочка, начальник/подчиненный, родственник / родственник знакомых (укажите степень родства), друг/недруг, знакомый, сосед, одноклассник/однокурсник/сослуживец и др.), сколько (можно примерно) лет человеку, с какого возраста прозвище употребляется; почему оно возникло; кто его употребляет (члены семьи, соседи, друзья, коллеги); используется ли оно открыто или «за глаза»; единственное ли это прозвище у человека).

2. Есть ли прозвища, которые мотивируются («объясняются»):

- физическими (физиологическими) особенностями человека: ростом, телосложением, цветом волос, прической, эстетическими особенностями, физическими недостатками, болезнями, походкой и пр.;

- интеллектуальными особенностями, психическими свойствами, чертами характера;

- особенностями речи: произношением каких-то звуков или слов, повторяемостью определенных слов или фразеологизмов, недостатками речи и пр.;

- привычками, манерой поведения;
- пищевыми предпочтениями;
- особенностями одежды, головных уборов, обуви;

- возрастом;

- образованием;

- отношением к труду;

- уровнем профессиональных знаний и умений;

- родом занятий;

- социальным и материальным положением;

- собственным именем, фамилией или именем, фамилией родных и близких;

- этнической принадлежностью;

- конфессиональной принадлежностью (вероисповеданием);

- местом жительства (прошлым, настоящим, временным);

- каким-либо событием, происшествием, случайностью;

- сходством с кем-, чем-либо;

- какими-либо иными причинами?

Есть ли прозвища, в которых отражено сразу несколько мотивов (причин появления)?

3. Различаются ли прозвища мужские и женские, детские / молодежные / взрослые / старшего поколения? В чем их отличия? Кому чаще дают прозвища? (Есть ли прозвища типа *Ваниха* (у жены Ивана), *Патиссониха* (у жены человека с прозвищем *Патиссон*), у женщин какого возраста?)

4. Меняются ли прозвища у одного человека? По какой причине: по мере взросления, при смене профессии, при изменении окружения, из-за случайных обстоятельств? Происходит ли это по каким-то правилам (например, прозвища образуются только от фамилий)? Может ли быть у человека сразу несколько прозвищ? От чего это зависит?

5. Есть ли прозвища, которые перешли к человеку от предков, родителей, братьев или сестер, от других родственников? Есть ли прозвища, которые перешли от друзей, коллег? Изменяются ли прозвища? Как изменяются?

6. Может ли прозвище перейти от мужчины к женщине или наоборот? Почему? Изменяется ли прозвище?

7. Есть ли человек, который придумывает прозвища, или же все они появляются стихийно? Может ли человек придумать себе прозвище сам? Различаются ли прозвища свои и чужие (такие, которые даются в разных группах людей, в разных населенных пунктах и т. п.)?

8. Каждый ли человек имеет прозвище? Если нет, то кому их не дают, почему? В каких случаях и зачем употребляют прозвища (для

различения тезок, для выражения отношения к человеку, по традиции и т. п.)?

9. Как относятся к прозвищам? Считается ли нормальным их употребление? Как к прозвищам относятся их обладатели? Есть ли ограничения на их употребление (например, в присутствии посторонних, детей, подчиненных и др.)? Есть ли прозвища, в которых передается отношение (неприязненное, презрительное, ласковое, уважительное и под.) к человеку? Какие прозвища считаются обидными, почему?

10. Произошли ли какие-либо изменения в сравнении с прошлым: прозвища стали употреблять шире / в узком кругу лиц, чаще/реже; теперь используются другие способы их образования; перестали (стали реже) употреблять прозвища определенных типов; стали чаще прозывать женщин; др.? Почему?

2. Коллективные прозвища

1. Используются ли коллективные прозвища? (Для каждого прозвища уточните: ударение; кому оно принадлежит (жителям определенной территории / куста селений / населенного пункта / его части (района, микрорайона, улицы, порядка, конца, части относительно дороги или реки и под.); родственникам; коллегам; представителям одной национальности, профессии, конфессии (вероисповедания) и др.); как давно существует прозвище; используется ли оно открыто или «за глаза»; единственное ли это прозвище у данной группы людей).

2. Есть ли прозвища, которые мотивируются («объясняются») причинами, аналогичными перечисленным в п. 2 выше, а также:

- особенностями быта;
- промыслово-хозяйственной деятельностью;
- именем, фамилией, прозвищем первопоселенца, общего предка, родных, близких;
- местом жительства (прошлым, настоящим, временным);
- особенностями окружающего пространства: флоры или фауны рядом с селением (домом и др.); природными, культовыми, бытовыми объектами рядом с селением (домом и др.) и под.;
- какими-либо иными причинами?

Есть ли прозвища, в которых отражено сразу несколько мотивов (причин появления)?

3. Существуют ли коллективные прозвища детские / молодежные / взрослые / старшего поколения? Чем они различаются? Кому чаще дают коллективные прозвища?

4. Меняются ли коллективные прозвища? По какой причине? Может ли быть сразу несколько коллективных прозвищ? От чего это зависит?

5. Есть ли прозвища, которые перешли к группе людей от другой группы? Изменяются ли при этом прозвища, как изменяются? Есть ли прозвища, идентичные (одинаковые) у нескольких групп людей или «кочующие» (не закрепленные за определенной группой)?

6. Все ли коллективные прозвища появились стихийно? Может ли группа людей придумать себе прозвище самостоятельно?

7. В каких случаях и зачем употребляют коллективные прозвища (для выделения переселенцев, для выражения отношения к группе людей, для идентификации или самоидентификации, по традиции и т. п.)?

8. Как относятся к коллективным прозвищам? Считается ли нормальным употребление всех или отдельных коллективных прозвищ? Как к коллективным прозвищам относятся их обладатели? Есть ли ограничения на их употребление (например, в присутствии посторонних)? Есть ли прозвища, в которых передается отношение (неприязненное, презрительное, ласковое, уважительное и под.) к группе людей? Какие прозвища считаются обидными, почему?

9. Произошли ли какие-либо изменения в сравнении с прошлым: прозвища стали употреблять шире / в узком кругу лиц, чаще/реже; теперь используются другие способы их образования; перестали (стали реже) употреблять прозвища определенных типов; какие-то прозвища перестали употребляться; стали чаще/реже давать прозвища определенным группам лиц? Почему? Возникают ли новые коллективные прозвища?

Вопросники являются примерными, в процессе работы они неизбежно корректируются. Степень полноты опроса определяется ситуативно в зависимости

от задач исследователя, компетентности информанта, его коммуникативной открытости или закрытости, физического состояния и др.

Очень перспективно изучение особенностей функционирования прозвищ в фольклорной среде города и деревни, но это составляет особое направление исследования, которое потребует разработки иных вопросников. В качестве ориентира в этом случае можно использовать, например, материалы Т. И. Макаровой и А. А. Ивановой «Прозвища и фольклорный репертуар, с ними связанный» [Макарова, Иванова 1999, электронный ресурс].

Несомненным достоинством метода опроса является возможность максимально полного охвата материала, уточнения неясностей по ходу общения, получения достаточно подробных комментариев и мотивировок прозвищ. Недостатки метода заключаются в трудоемкости, в больших временных и финансовых затратах на его реализацию, в необходимости разъездов по обширным территориям для наибольшего охвата информантов. Собирателю следует помнить, что даже самый подробный перечень вопросов не способен обеспечить абсолютной полноты данных; для повышения эффективности работы необходимы неоднократные встречи с несколькими информантами из одной микрогруппы, перспективность опроса каждого из которых собиратель может оценить во время первого визита.

3. Беседа

В работе лингвистов обычно используется два вида беседы: направленная (ход разговора корректируется собирателем при отклонении от интересующих его вопросов) и ненаправленная (собиратель не регулирует ход беседы). В настоящем случае интересен только первый из них, который строится обычно по плану, заложенному в вопросниках, но в котором, в отличие от последних, используются не только прямые, но и наводящие вопросы, ср.: «Какие здесь есть прозвища?» — и (предпочтительное): «У вас здесь много однофамильцев и даже полных тезок. Как же их различают? Их как-то по-особому называют? А для чего еще нужны прозвища? А в шутку как-то называли жителей частей вашего

села (деревни)? А жителей других деревень?» Вопросы ставятся чаще простые, уточняющие («Это точно было шуточное название, а не обзывание?»), оценочные («Ничего, что так его называют, он не сердится? Все спокойно относятся к своим прозвищам?»), иногда альтернативные («А вот теперь женщину назовут скорее по мужу или свое прозвище дадут?»).

Достоинство метода в том, что он допускает установление доверительного контакта, а значит, способствует получению более полных и точных сведений, в том числе таких, которые, скорее всего, были бы скрыты перед «чужаком»-собирателем при официальной коммуникации. Общение с женщинами за чашкой чая обычно несравнимо продуктивнее общения с директором совхоза в его кабинете. Недостаток метода — в еще более значительных временных затратах, чем при опросе, в связи с необходимостью настроить непринужденность тона общения. Иногда для этого приходится сначала беседовать на отвлеченные темы, интересные информанту, посещать его неоднократно. Целесообразно сочетать методы беседы (для установления более тесного и доверительного контакта) и последующего опроса по готовому вопроснику.

4. Наблюдение

При сборе прозвищ возможны практически все виды наблюдения: включенное/невключенное, скрытое/открытое, однократное/повторное, непосредственное/опосредованное, внешнее/внутреннее (самонаблюдение) и др. Типичный пример невключенного наблюдения — фиксация прозвищ в случайно услышанных разговорах в транспорте, в школьной столовой, на улице и т. п., когда говорящие не знают о том, что оказываются участниками эксперимента. Включенное наблюдение удастся вести тогда, когда присутствующие при разговоре лица не отвечают на вопросы собирателя, а употребляют прозвища в процессе обсуждения чего-либо между собой; собиратель в это время лишь вставляет вопросы уточняющего характера.

Наблюдение, вероятно, самый ненадежный и малопродуктивный метод сбора прозвищ, который при этом чаще всего не позволяет получать достаточно полные комментарии информантов (уже

потому, что прозвища нечасто используются в спонтанной речи в присутствии посторонних). Оно может служить лишь сопутствующим способом сбора данных.

5. Выборка данных из различных источников

Еще одним факультативным методом поиска прозвищ служит метод выборки искомым онимов из различных источников, (редко) устных и (чаще) письменных. В частности, богаты такими данными посвященные прозвищам студенческие учебные работы (курсовые, магистерские и т. п.), однако значительное их количество к настоящему времени утеряно либо списано и уничтожено за истечением сроков хранения; иногда научные руководители, руководители учебных подразделений по каким-то причинам отказывают в доступе к оставшимся таким источникам. Неофициальные именованные встречаются в письменных, аудио-, видеозаписях фольклорных, диалектологических, этнографических и иных экспедиций, архивы которых обычно хранятся бессрочно, в местных краеведческих изданиях⁵ и на интернет-ресурсах⁶, в изданиях местных фольклорных материалов⁷, в некоторых ди-

алектных словарях⁸, в научных работах, объединяющих данные по разным частям региона (например, [Боброва 2020а; Русинова, Черных 2023]) (в качестве примера приведены источники, актуальные для Пермского края). Но поиск прозвищ по таким — иногда редким или просто труднодоступным — источникам требует значительных временных затрат, выявленные онимы чаще всего малочисленны, что делает данный метод малопродуктивным и малопривлекательным, позволяя использовать его лишь как второстепенный.

Выбор конкретного метода сбора определяется в первую очередь типом (экспедиционное/стационарное) исследования, уровнем подготовки собирателя (школьник/студент/учитель, исследователь / сторонний участник и т. п.), конкретными условиями коммуникации с информантом (коммуникация в рабочей обстановке или на территории информанта, официальное или неформальное общение, беседа со знакомым или незнакомым информантом, наличие или отсутствие ограничений во времени и др.).

II. Специфика сбора прозвищ в различных условиях

В данном пункте мы поделимся своими наблюдениями, которые способствуют оптимизации работы по сбору прозвищ.

округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 502 с.; Подюков И. А., Белавин А. М., Крыласова Н. Б. и др. Усольские древности: сб. тр. и мат-лов по традиционной культуре русских Усольского района конца XIX–XX вв. Усолье: Перм. кн. изд-во, 2004. 240 с.; Подюков И. А., Поздеева С. М., Хоробрых С. В. и др. Песни и сказы долины камней. Обрядность и фольклор Кишертского района: материалы и исследования. Березники: ООО «Издательский дом “Типография купца Тарасова”», 2008. 384 с.; Подюков И. А., Чагин Г. Н., Шляхова С. С. Фокеевна: Документальная повесть. Пермь: Сота, 2009. 84 с.; Куединские былички: Мифологические рассказы русских Куединского района Пермской области в конце XIX–XX в. / сост. А. В. Черных; авт. вступ. статьи О. И. Васнева, А. В. Черных. Пермь: ПОНИЦАА, 2004. 114 с.

⁸ Ср.: Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / ред. И. А. Подюков. Пермь: ПОНИЦАА, 2006; Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010–2012.

⁵ Ср.: Альняш — лебединая верность / ред.-сост. Н. С. Вайгандт. Ижевск, 2014. 496 с.; Бормист, Альняш в тылу и на фронте / ред.-сост. Н. С. Вайгандт, Т. И. Кокорина. Чайковский, 2019. 320 с.; Гусева К. П. Поклонись родному дому. Пермь: ОТ и ДО, 2008. 257 с.; Место отчее / сост. В. А. Кудымова, К. П. Гусева, И. И. Бартов и др. Пермь: Перм. кн. изд-во, 2011. 124 с.; Мы родом отсюда. Деревня Коряки глазами современников: документальное повествование / ред.-сост. Л. Е. Чуданова; лит. ред. Л. В. Оглезнева. Чайковский: Типография М, 2015. 498 с.; Село на ключах: история села Степаново Чайковского района в документах, воспоминаниях и фотографии / ред.-сост. Л. Е. Чуданова. Чайковский, 2018. 499 с.

⁶ Ср.: Пермский форум [Электронный ресурс]. URL: <https://teron.online/> (дата обращения: 10.11.2023); Починок Лискова, Пермский край [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/club92914891> (дата обращения: 10.11.2023).

⁷ Ср.: Бахматов А. А., Подюков И. А., Хоробрых С. В. и др. Юрлинский край. Традиционная культура русских конца XIX–XX вв.: материалы и исследования. Кудымкар: Коми-перм. кн. изд-во, 2003. 496 с.; Бахматов А. А., Голева Т. Г., Подюков И. А. и др. Русские в Коми-Пермяцком

1. Сбор данных с выездом в сельскую местность

Известно, что при сборе диалектных материалов часто мешает присутствие сразу нескольких опрашиваемых, которые нередко сбивают важное для собирателя русло беседы в сторону. При сборе же прозвищ оптимальное количество присутствующих — два-три человека, которые помогают друг другу вспомнить значительное количество онимов, в то время как один информант, особенно неподготовленный (не предупрежденный заранее о цели визита), нередко не может быстро вспомнить больше трех-пяти именований. В то же время количество опрашиваемых больше трех критично: поток информации оказывается чрезмерно обильным, и собиратель утрачивает возможность сразу уточнять детали (возраст, род занятий носителя прозвища, мотивировку номинации и др.); повторный же опрос не всегда возможен.

Беседы и опросы необходимо вести с учетом социальной стратификации, половозрастных характеристик информантов, их рода занятий, образования, интересов, места рождения; именно поэтому очень важна скрупулезная паспортизация данных. Так, например, «более сведущи те, у кого широк круг общения: учителя, работники магазинов и местной администрации» [Боброва 2020а: 19]. При этом учителя идут на контакт наиболее охотно, поскольку ими нередко ведется аналогичная работа в рамках краеведческого аспекта преподавания в школе, им ясна мотивация опроса. «Как правило, молодые люди являются основным источником информации о прозвищах молодежи, пожилые люди — об антропонимии старшего поколения. Замечено, что информанты в большей степени владеют сведениями об ономастике поселения, в котором они проживали в детстве, в юности, нежели того населенного пункта, в который переехали даже и несколько десятков лет назад» [Там же]. В то же время нельзя сказать, что существует зависимость полноты данных от гендерной принадлежности информантов, что люди сообщают сведения преимущественно об именовании лиц одного с ними пола и обязательно требуется сбалансированная выборка информантов по страте «гендер». Ср.: в упомянутых ранее «Материалах для

словаря современных прозвищ жителей Пермского края» содержится более 2000 онимов, из которых около 700 принадлежат лицам женского пола, около 1300 — мужчинам, хотя женщины составляют абсолютное большинство опрошенных.

Крайне значим «фактор индивидуально-психологического и функционально-прагматического восприятия прозвищ информантами. Нередко приходится преодолевать отношение опрашиваемых лиц к прозвищам как слишком «неприличным» и слишком «своим», т. е. предназначенным исключительно для «внутреннего пользования», но не для собирателей-«чуяков»» [Там же].

«Есть своя специфика сбора в местах локализации билингвов, которые обычно с легкостью переключаются с одной языковой системы на другую и являются источником прозвищ с различной языковой основой» [Там же: 19–20]. Необходимо быть готовыми к тому, что будут употреблены онимы нерусского происхождения. В этих случаях желательно присутствие или консультация специалиста, владеющего данным языком (в Пермском крае — коми-пермяцким, татарским, некоторыми другими), поскольку даже информанты-билингвы не всегда способны точно и (или) исчерпывающе объяснить мотивацию онима.

2. Стационарный сбор данных

При проведении анкетирования без выезда в иные населенные пункты следует учитывать, что обычно не оправдывает себя выдача материалов на дом: в этом случае просьбы поделиться сведениями чаще всего игнорируются потенциальными информантами. Наиболее продуктивна в таком варианте работа собирателей, которые располагают возможностью опросить родственников, односельчан, соседей, друзей, в том числе проживающих в иных поселениях и районах.

Контингент опрошенных лиц неизбежно будет напрямую соотноситься с кругом общения организатора работы по сбору прозвищ, определяться его социальными связями, профессиональной (для школьников и студентов — учебной) деятельностью и т. п. При сборе данных приходится постоянно искать новые пути для охвата представителей различных социальных слоев, разнообразных субкультур, возможно большего

количества стратификационных групп — для максимального расширения охваченных социальных и культурных слоев общества.

III. Паспортизация собранных материалов

Важное условие полноценного сбора данных — тщательная паспортизация собранных материалов. Перед началом работы собиратели, в первую очередь начинающие, обязательно должны быть проинструктированы о том, какие именно сведения должны быть отражены в аннотации к записи беседы или опроса информанта, в отчете о работе, в расшифровке аудиозаписи и др. Такая информация, хотя бы минимальная, должна быть обязательно отражена.

Так, сбор сведений методом анкетирования анонимно (без конкретизации имени и фамилии, что не исключает указания иных данных о человеке) обеспечивает большую раскрепощенность опрашиваемого лица, более высокую степень полноты и достоверность данных. Однако в любом случае необходимо фиксировать общую информацию о собирателе и по возможности об информантах (см. перечень ниже). Это может помочь при интерпретации данных, например тогда, когда не указан возраст поименованных лиц, но отмечено, что это одноклассник или коллега.

Подробная информация о собирателе и информантах дублируется и из первоисточника при работе с письменными, печатными материалами, рукописями.

При опросе или в ходе беседы важно узнать и отразить в записях следующие данные:

а) об информанте: 1) фамилия, имя, отчество; 2) возраст; 3) место рождения, а также длительность проживания в данном населенном пункте; 4) образование; 5) профессия и род занятий; 6) национальность; 7) вероисповедание; 8) другое (при необходимости);

б) о собирателе: 1) фамилия, имя, отчество; 2) должность (например, «учащийся VII класса», «студент»); 3) место жительства; 4) другое (при необходимости);

в) об условиях сбора данных: 1) дата записи; 2) место записи; 3) тип исследования (учебный проект, экспедиция, диалектологическая практика и т. п.); 4) другое (при необходимости).

По возможности сведения должны быть получены максимально полно, поскольку они могут (а) послужить более точной интерпретации данных, (б) дать толчок для исследований в новых направлениях, не только в описательном, но и в сопоставительном ключе. На этой основе далее могут создаваться разного рода базы данных: общая база информантов и их объединения по какому-либо признаку (пол, возраст, социальное положение, профессия, вероисповедание и т. д.); прозвища детские / молодежные / взрослых / пожилых людей, мотивированные на разных основаниях и др.

Выводы. В сложившихся условиях остро встает вопрос о качественном, максимально полном сборе данных, который мог бы приблизить к отдаленной, смелой, но крайне важной «сверхцели», которая была определена О. Н. Трубачёвым⁹ и шаги к которой делаются пока разрозненными энтузиастами, — к созданию общего корпуса исторических и современных прозвищ (как и антропонимикона, топонимикона, зоонимикона и т. д. — в целом ономастикона) регионального и далее общероссийского.

Предложенные рекомендации призваны способствовать повышению эффективности работы ономастологов (в том числе начинающих), изучающих прозвища, — пока еще маргинальный в отечественной науке объект исследования, представляющий ощутимую лакуну в теории и практике региональной и общероссийской ономастики.

Сбор прозвищ, в том числе в регионах, с учетом предложенных рекомендаций, полагаем, будет способствовать желаемому результату — выявлению функционирующих на той или иной территории таких онимов в максимально возможном объеме, с учетом разнообразных экстралингвистических условий их возникновения и употребления. Подчеркнем: переложить

⁹ Ср. в предисловии главного редактора к словарю «Русская ономастика и ономастика России»: «Сборник этот — первый в своем роде. Он не охватил, да и не мог охватить весь гигантский именослов, адекватный русской культуре и — шире — русской картине мира, хотя задача такая перед нами стоит. И все же этот труд знаменателен тем, что, пожалуй, впервые выделил задачу полной инвентаризации русского ономастического богатства» [Трубачёв 1994: 5].

задачу сбора на плечи посредников принципиально невозможно, только практически и только самостоятельно можно получить все необходимые сведения и оценить их значимость, «погрузиться в тему» в атмосфере живой коммуникации, которая, как известно, обязательно сопровождается бесценными (и не всегда вербализуемыми) «знаками кода общения».

Акцентируем поэтому значимость участия в этом процессе обучающихся в качестве исследователей. Привлечение к такой деятельности школьников, учителей и студентов важно не только для решения актуальных научных задач, участники проекта получают возможность выработать либо закрепить необходимые учебные или профессиональные, исследовательские, коммуникативные, культуроведческие, языковые, лингвистические знания, умения, навыки и компетенции. Однако учебно-методический аспект, полагаем, должен стать предметом специального исследования и представляет перспективу работы в русле заявленной проблематики — «учебная проектная деятельность учащихся на ономастическом материале».

ЛИТЕРАТУРА

1. Беднарская Л. Д. Проектная деятельность на каждом уроке // Русский язык в школе. 2015. № 4. С. 6–9; № 5. С. 3–4.
2. Березович Е. Л. «Перед нами — дороги новые...»: размышления о работе Топонимической экспедиции Уральского университета в первое десятилетие XXI в. // Вопросы ономастики. 2011. № 2 (11). С. 70–88.
3. Боброва М. В. Материалы для словаря современных прозвищ жителей Пермского края. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 195 с. [Боброва 2020a].
4. Боброва М. В. О школьных прозвищах — в помощь учителю // Русский язык в школе. 2019. Т. 80, № 4. С. 24–30. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-4-24-30>.
5. Боброва М. В. Проектная деятельность учащихся на материале прозвищ // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 6. С. 14–22. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-6-14-22> [Боброва 2020b].
6. Боброва М. В. Прозвища как лингводидактический материал // Русистика. 2022. Т. 20, № 1. С. 22–34. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34>.
7. Бондаренко М. А. Формирование навыков проектно-исследовательской деятельности на уроках русского языка // Поволжский педагогический вестник. 2018. Т. 6, № 4 (21). С. 24–29.
8. Варникова Е. Н. Методические рекомендации по сбору зоонимического материала // Carelica. 2019. № 1 (21). С. 40–53. <https://doi.org/10.15393/j14.art.2019.126>.
9. Громова В. И. Организация работы над индивидуальным итоговым проектом по русскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (66): в 4 ч. Ч. 4. С. 202–204.
10. Дмитриева Т. Н. Полевые топонимические исследования на территории бассейна реки Казым и их итоги // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 186–196.
11. Ерохина Е. Л. Воспитываем исследователей на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2015. № 1. С. 17–21 [Ерохина 2015a].
12. Ерохина Е. Л. Методологические подходы к обучению субъектов исследовательской деятельности основам академической культуры // Казанский педагогический журнал. 2015. № 4 (111). С. 298–301 [Ерохина 2015b].
13. Захаров Д. М. Анкета-опросник для собирания географических названий (топонимов) на территории Кировской области // Наш край. Яранск, 2012. № 10. С. 107–109.
14. Ивашова Н. М. Топонимическая лексикография и методики сбора полевого материала (1900–1920-е гг.) // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 102–111.
15. Казяба В. В. К вопросу об отборе материала для антропонимических исследований никнеймов (на примере немецкоязычного интернет-сегмента) // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 1. С. 223–235. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.013.
16. Кюришнова И. А. Методические рекомендации по сбору антропонимического материала // Carelica. 2017. № 2 (18). С. 32–48. <https://doi.org/10.15393/j14.art.2017.101>.
17. Кюришнова И. А. Методические рекомендации по сбору и оформлению местных географических названий // Carelica. 2018. № 1 (19). С. 87–106. <https://doi.org/10.15393/j14.art.2018.114>.
18. Кюришнова И. А. Сбор и обработка антропонимических материалов // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов / отв. ред. В. П. Кузнецова. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 114–126.

19. Макарова Т. И., Иванова А. А. Прозвища и фольклорный репертуар, с ними связанный // Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора / под ред. Т. Б. Диановой. М.: Изд-во МГУ, 1999. 176 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci&pub/voprtext.htm#prozvish> (дата обращения: 06.05.2024).

20. Муллонен И. И. Полевые исследования по топонимике в Карелии // Вопросы ономастики. 2012. № 1 (12). С. 87–94.

21. Русинова И. И., Черных А. В. Коллективные прозвища жителей Пермского края // Вопросы ономастики. 2023. Т. 20, № 1. С. 56–79. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.1.004.

22. Соколова Ю. А. Учебный проект и возможности его реализации на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2008. № 3. С. 3–10.

23. Трубачёв О. Н. Предисловие главного редактора // Русская ономастика и ономастика России / под ред. О. Н. Трубачёва. М.: Школа-Пресс, 1994. С. 5–6.

24. Черникова Н. В., Расторгуева А. А. Разработка лингвокультурологического проекта как эффективная технология организации учебно-исследовательской деятельности обучающихся // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. 2023. С. 17–29.

25. Шкуричева Н. А. Прозвища и клички младших школьников // Начальная школа. 2013. № 10. С. 10–15.

26. Шербинина Ю. В. Личные и отыменные прозвища в исторической ретроспективе // Русский язык в школе. 2020. Т. 81, № 2. С. 83–87. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-2-83-87>.

REFERENCES

1. Bednarskaya L. D. Project activities in each lesson. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2015;4:3–4. (In Russ.)
2. Berezovich E. L. "Facing New Routes...": Reflections on the work of Ural university toponymic expedition in the 1st Decade of the 21st Century. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*. 2011;2(11):70–88. (In Russ.)
3. Bobrova M. V. Materials for the dictionary of modern nicknames of residents of the Perm Krai. Saint Petersburg: RCSA Publ., 2020. 195 p. (In Russ.) [Bobrova 2020a].
4. Bobrova M. V. About school nicknames – to assist the teacher. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019;80(4):24–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-4-24-30>.

5. Bobrova M. V. Project activity of students based on the material of nicknames. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2020;81(6):14–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-6-14-22> [Bobrova 2020b].

6. Bobrova M. V. Nicknames in teaching Russian as a foreign language. *Rusistika = Russian language studies*. 2022;20(1), 22–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-1-22-34>.

7. Bondarenko M. A. Formation of skills of project and research activities at the lessons of the Russian language. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik = Volga region pedagogical bulletin*. 2018;6(4;21):24–29. (In Russ.)

8. Varnikova E. N. Methodical recommendations for the collecting of zoononymous language materials. *Carelica*. 2019;1(21):40–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j14.art.2019.126>.

9. Gromova V. I. Organization of work on individual final project on Russian language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2016;12(66):4:202–204. (In Russ.)

10. Dmitrieva T. N. Toponymic field research in the basin of the Kazym river and its results. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*. 2014;1(16):186–196. (In Russ.)

11. Erokhina E. L. We train researchers in Russian language lessons. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2015;1:17–21. (In Russ.) [Erokhina 2015a].

12. Erokhina E. L. Methodological approaches to teaching the basics of the subjects of research activities of academic culture. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan pedagogical journal*. 2015;4(111):298–301. (In Russ.) [Erokhina 2015b].

13. Zakharov D. M. Questionnaire for collecting geographical names (toponyms) on the territory of the Kirov region. *Nash kraj = Our region*. 2012;10:107–109. (In Russ.)

14. Ivashova N. M. Toponymic lexicography and methods of collecting fieldwork material (1900–1920s). *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*. 2012;1(12):102–111. (In Russ.)

15. Kaziaba V. V. Researching internet nicknames: on the methodology of material selection (based on german-language internet communication). *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*. 2020;17(1):223–235. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.013.

16. Kiurshunova I. A. Methodological recommendations of collection anthroponymic material. *Carelica*. 2017;2(18):32–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j14.art.2017.101>.

17. Kiurshunova I. A. Methodological recommendations for the collecting and processing of local geographical names. *Carelica*. 2018;1(19):87–106. (In Russ.) <https://doi.org/10.15393/j14.art.2018.114>.

18. Kiurshunova I. A. Collecting and processing of anthroponymic materials. *Metodika polevykh rabot i arkhivnoe khranenie fol'klornykh, etnograficheskikh i lingvisticheskikh materialov = Methods of field work and archival storage of folklore, ethnographic and linguistic materials*. Ed. by V. P. Kuznetsova. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2009. Pp. 114–126. (In Russ.)

19. Makarova T. I., Ivanova A. A. Nicknames and the folklore repertoire associated with them. *Polevye voprosniki i issledovatel'skie programmy dlya sobiraniya fol'klora*. Pod red. T. B. Dianovoi = *Field questionnaires and research programs for collecting folklore*. Ed. by T. B. Dianova. Moscow: MSU Publ., 1999. 176 p. [Electronic resource]. URL: <https://www.philol.msu.ru/~folk/old/sci&pub/voprtext.htm#prozvish> (accessed: 06.05.2024). (In Russ.)

20. Mullonen I. I. Field research of Karelian toponymy. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*. 2012;1(12):87–94. (In Russ.)

21. Rusinova I. I., Chernykh A. V. Collective Nicknames of the Perm Region Residents. *Voprosy*

onomastiki = Problems of Onomastics. 2023;20(1):56–79. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2023.20.1.004.

22. Sokolova Yu. A. Educational project and its implementation opportunities in Russian language lessons. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2008;3:3–10. (In Russ.)

23. Trubachev O. N. Foreword by the Editor-in-Chief. *Russkaya onomastika i onomastika Rossii = Russian onomastics and onomastics of Russia*. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow: ShkolaPress, 1994. Pp. 5–6. (In Russ.)

24. Chernikova N. V., Rastorguyeva A. A. Designing a linguoculturological project: an effective method for organising educational and research activity of students. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):17–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-17-29>.

25. Shkuricheva N. A. The nicknames of the junior schoolchildren. *Nachal'naya shkola = Elementary school*. 2013;10:10–15. (In Russ.)

26. Shcherbinina Yu. V. Personal and eponymous nicknames in historical retrospective. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2020;81(2):83–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-2-83-87> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мария Владимировна Боброва, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник

Maria V. Bobrova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 11.11.2023; одобрена после рецензирования 12.12.2023; принята к публикации 20.01.2024.

The article was submitted 11.11.2023; approved after reviewing 12.12.2023; accepted for publication 20.01.2024.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-32-46>

Создание школьниками обучающих видеороликов как способ организации обобщающего повторения орфографии (на примере подготовки к выполнению 6-го задания ОГЭ по русскому языку)

Елена Викторовна Хоменко

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет», г. Севастополь, Россия, evkhomenko@mail.sevsu.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-7937-6523>

Аннотация. Статья посвящена проблеме поиска эффективных способов организации обобщающего повторения орфографии в процессе подготовки к ОГЭ по русскому языку. Цель статьи – предложить, обосновать и охарактеризовать один из возможных способов – создание школьниками обучающих видеороликов (на примере подготовки к выполнению 6-го задания ОГЭ по русскому языку). Ведущие методы исследования: теоретические (анализ научной и учебно-методической литературы, нормативной документации); эмпирические (научные наблюдения за учебным процессом в основной школе и педагогический эксперимент); статистические (количественный анализ полученных экспериментальных данных и их обработка). В статье проанализированы содержание и формат 6-го задания ОГЭ, и на основе этого анализа выявлены основные причины трудностей, которые испытывают школьники при орфографическом разборе слов. Выделены этапы работы по созданию обучающих видеороликов (организационный; поиск и обработка информации; написание сценария; создание презентации; озвучивание презентации и запись видео), описана деятельность учителя и учащихся на каждом из этапов. Представлен опыт коллективного проектирования обучающего видеоролика по теме «Приставки на -з (-с)». На основе анализа данных контрольного этапа эксперимента сделан вывод об эффективности предлагаемого способа организации обобщающего повторения орфографии. Представленные в статье материалы (алгоритм выполнения 6-го задания ОГЭ; авторские обучающие видеоролики по орфографии) могут быть использованы в практике работы учителей русского языка для подготовки учащихся к выполнению орфографических заданий ОГЭ по русскому языку.

Ключевые слова: учащиеся основной школы, обобщающее повторение, орфография, творческие задания, обучающие видеоролики, сценарий, основной государственный экзамен

Для цитирования: Хоменко Е. В. Создание школьниками обучающих видеороликов как способ организации обобщающего повторения орфографии (на примере подготовки к выполнению 6-го задания ОГЭ по русскому языку) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 32–46. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-32-46>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Schoolchildren's creation of educational videos as a way to organize integrative orthography revision (on the example of preparing for task 6 of the Russian language basic state examination (OGE))

Elena V. Khomenko

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, evkhomenko@mail.sevsu.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-7937-6523>

Abstract. The article considers the issue of finding effective ways to organise integrative orthography revision while preparing for the OGE in the Russian language. The aim is to propose, justify, and characterise one of such possible ways, namely the creation of educational videos by schoolchildren (using the example of preparing for task 6 of the Russian language OGE). The main research methods included theoretical (analysis of scientific and educational literature, normative documentation), empirical (scientific observation of the educational process in middle school and pedagogical experiment), and statistical (quantitative analysis of the obtained experimental data and their processing) ones. The

article analyses the content and format of OGE task 6. Based on this analysis, the main reasons for the difficulties that schoolchildren experience in orthographic word parsing are revealed. The paper identifies the stages of work on creating educational videos (organisational, information search and processing, script writing, creating a presentation, voice acting, and recording a video). Moreover, the article describes the activities of the teacher and students at each stage. The experience of team designing an educational video discussing the topic "Prefixes ending in -z (-s)" is presented. Based on the analysis of the data from the control stage of the experiment, the study concludes that the proposed method of organising integrative orthography revision is effective. The materials presented in the article (an algorithm for doing OGE task 6; the author's educational orthography videos) can be used in Russian language teachers' practice to train students for completing orthographic tasks in the Russian language OGE.

Keywords: middle school students, integrative revision, orthography, creative assignments, educational videos, script, basic state examination

For citation: Khomenko E. V. Schoolchildren's creation of educational videos as a way to organize integrative orthography revision (on the example of preparing for task 6 of the Russian language basic state examination (OGE)). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):32–46. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-32-46>.

Введение. Повышение качества языкового образования учащихся — одна из основных задач, стоящих перед учителями-словесниками. Важность ее решения обусловлена тем, что язык как социальное явление выполняет в жизни людей ряд функций: коммуникативную (средство общения); конструктивную (средство оформления и выражения мысли); эмоциональную (средство выражения чувств, настроений, переживаний); гносеологическую (средство и источник познания окружающего мира); аккумулятивную (средство накопления, закрепления и передачи общественного опыта). Сегодня язык становится важнейшим инструментом, позволяющим человеку «максимально быстро адаптироваться во внешней среде и активно в ней функционировать»¹.

Одной из форм оценки качества языкового образования обучающихся является основной государственный экзамен, который проводится по окончании IX класса. Как показывает практика, наибольшие трудности возникают у учащихся при выполнении орфографических заданий. Объясняется это тем, что формирование прочных навыков грамотного письма — процесс сложный и длительный, требующий непрерывной, продуманной, систематической и целенаправленной работы. Поскольку в VIII–IX классах действующей программой² не предусмотрены

специальные часы на орфографию, одним из возможных путей организации такой работы, на наш взгляд, является обобщающее повторение.

Уже в трудах педагогов XIX в. обращается внимание на необходимость «беспрестанных повторений» для успешного овладения правописными умениями [Ушинский 1996: 224]. Однако процесс повторения должен быть организован с учетом психологической природы орфографического навыка. Данный тезис обосновывается в исследованиях XX в. ([Богоявленский 1995]; [Граник 1995]; [Жуйков 1995]). Учеными установлено, что орфографический навык — это сложный интеллектуальный навык, в формировании которого существенную роль играет не механическая память, а «процессы осмысления, осознания», а также степень активности школьников [Богоявленский 1995: 158–159]. Отсюда следуют два важных методических вывода: 1) ученику надо не просто вспомнить правило, а «увидеть» (восстановить в памяти) всю систему умственных операций, позволяющих ему это правило применить на практике [Граник 1995: 171]; 2) актуализация системы действий должна проходить «не как односторонний процесс, в котором активен учитель, а ученик лишь

¹ Примерные программы по учебным предметам. Русский язык. 5–9 классы. 2-е изд. М.: Просвещение, 2010. С. 7.

² Русский язык. Сборник примерных рабочих программ. 5–11 классы. Предметная линия учебников Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова,

С. Г. Бархударова и др. 5–9 классы. Предметная линия учебников Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой и др. 5–9 классы. Предметная линия учебников Л. М. Рыбченковой, О. М. Александровой и др. 10–11 классы: учеб. пособие для общеобразоват. организаций / М. А. Бондаренко и др. М.: Просвещение, 2021. 320 с.

пассивно воспринимает сообщаемое учителем, а как процесс двусторонний» [Богоявленский 1995: 159].

Дидактико-методические основы организации повторения орфографии подробно исследованы. Учеными обоснована значимость этого этапа учебного процесса в усвоении орфографических знаний и совершенствовании орфографических навыков, выделены разные виды повторения и описаны принципы и содержание работы, характерные для каждого из них, определены требования к дидактическому материалу, предложены различные приемы, методы и средства обучения ([Габо 1996]; [Литневская 2006]; [Полтева-Лазарис 1978]; [Разумовская 1978]; [Сергиевский 1995]; [Соколова 1978; 1995]; [Текучев 1980]; [Шатова 1995]; [Шашкова 1975] и др.). Так, А. П. Сергиевский, руководствуясь тем, что показателем орфографической подготовленности учащихся является умение сравнивать, дифференцировать и обобщать разнообразные случаи правописания, в качестве ведущего приема повторения выделяет сопоставление (установление сходства или различия языковых явлений). При этом автор акцентирует внимание на том, что этот прием результативен лишь тогда, когда используется «систематически, на достаточном количестве часто смешиваемых написаний, орфографически трудных (но доступных) для учащихся тех или других классов» [Сергиевский 1995: 230].

Учитель и методист Г. П. Соколова, связывая проблему прочного усвоения орфографии с повышением познавательного интереса и степени восприимчивости учащихся, указывает на то, что «повторительные занятия необходимо строить всякий раз по возможности по-новому, по-иному. Повторение должно вскрывать для учащихся какие-то иные, новые стороны, новые звенья в уже изученном материале, проводиться при иной группировке материала, чем это было при ознакомлении с ним впервые» [Соколова 1978: 20]. С точки зрения опытного педагога, методом, реализующим названный подход, является «эстафета» по орфографии. Суть метода: учитель называет орфограмму, а школьники, начиная с последних парт, записывают на листочке, который потом передают

как эстафету впереди сидящим, любое слово на заданную тему. Повторять слова нельзя, в случае затруднения можно воспользоваться учебником. Затем начинается коллективная проверка выполненной работы, анализ и исправление допущенных ошибок [Соколова 1995: 230–231]. Этот метод позволяет учителю получить оперативную информацию о каждом учащемся (а именно об уровне понимания и усвоения им того или иного правила) и при необходимости устранить выявленные пробелы.

Профессор Е. Г. Шатова, учитывая тот факт, что «мышление ученика не может развиваться, если он не понимает структуры учебного материала», в качестве важного условия эффективного повторения выдвигает сформированность в сознании школьников представления о логической структуре изученного орфографического материала [Шатова 1995: 245]. С этой целью ученые-методисты предлагают обобщать и систематизировать орфографические знания и умения на основе группировки орфограмм с использованием различных средств зрительной наглядности и моделирования [Китаева 1995: 242; Шатова 1995: 245–247].

Большой вклад в развитие теории и практики организации повторения орфографии при изучении синтаксиса внесла М. М. Разумовская. Она выделила два основных направления работы на этом этапе и разработала систему заданий для каждого из них. Первое направление по совершенствованию орфографических навыков учащихся ученый связывает «с развитием умения находить орфограмму, замечать трудное или незнакомое для письма слово» [Разумовская 1978: 122]. Для этого методист рекомендует использовать на каждом уроке русского языка небольшие по объему недеформированные тексты (без пропущенных букв) и на их основе выполнять задания, нацеленные на поиск слов с орфограммами [Там же: 120–122].

В рамках второго направления, связанного с «дальнейшим развитием умения решать возникающие при письме трудности самостоятельно, с помощью изучавшихся ранее правил», М. М. Разумовская считает особенно важным вести учет ошибок, допускаемых учащимися в различных работах [Там же: 123]. В этой связи

интересен и опыт работы над ошибками, описанный В. С. Габо. Чтобы повторение давало нужные результаты, — отмечает ученый, — полезно проводить периодический обзор учащимися своих ошибок. После изучения какого-либо раздела программы или в конце четверти школьникам раздаются их письменные контрольные работы и дается задание: выбрать каждому все свои ошибки, классифицировать их и дать объяснение. Затем на уроке учащиеся докладывают о своих ошибках и обсуждают правильность их классификации и объяснения [Габо 1996: 258].

С развитием информационных технологий появилась возможность оптимизировать методику повторения орфографии путем применения компьютерной техники (Н. Н. Алгазина³, Т. Ф. Крушинская 2001⁴, М. А. Мищерина⁵). В наши дни учеными-методистами разрабатываются дидактические принципы обучения грамматико-орфографическим темам с интерактивной поддержкой [Афанасьева 2018].

В исследованиях последних лет ([Дейкина, Малявина 2011]; [Ларионова 2019]; [Скрябина 2009]; [Сопот 2018]), посвященных проблеме совершенствования правописных умений в VIII–IX и X–XI классах, актуализируется и обосновывается мысль о необходимости, важности и целесообразности «соединения работы над грамотностью с речевым и когнитивным развитием школьников» [Скрябина 2009: 327]. По мнению ученых, именно синтез этих двух направлений, реализуемый в условиях свободного письма учащихся, в ходе которого они учатся выражать свои мысли в письменной форме с учетом разных ситуаций общения и оформлять их без ошибок,

позволяет создать оптимальные условия для полноценного повторения и осознанной систематизации изученного материала, для выявления пробелов и восполнения недостающих орфографических и пунктуационных знаний и умений. В контексте указанного подхода методистами предлагаются различные типы упражнений:

— *коммуникативно-ситуативные*, содержанием которых являются смоделированные речевые ситуации, максимально приближенные к условиям реального общения (например, написание объяснительной записки, электронного письма и т. д.), а результатом их выполнения — письменные высказывания учащихся [Сопот 2018: 150–152];

— *речеведческо-орфографические* (письмо по памяти; составление диалога в письменной форме; написание сочинений-миниатюр на «свободную» тему; написание рассказов-сообщений на различные темы свободного и лингвистического характера; письменный пересказ текста и др.) [Ларионова 2019: 11–12];

— *синкретичные* (свободный, восстановленный, творческий диктанты) [Скрябина 2009: 338];

— *творческие* (сочинения, изложения, рецензии, рефераты) [Там же];

— *коррекционные* (предполагают поиск, фиксацию и обоснование ошибок в текстах школьных сочинений) [Дейкина, Малявина 2011: 11].

Однако, несмотря на богатое методическое наследие, проблема организации повторения орфографии на завершающем этапе систематического курса русского языка остается одной из актуальных в современной лингводидактике. Изменения в содержании языкового образования, ориентированного на формирование ключевых компетенций учащихся, усиление деятельностной составляющей курса русского языка в школе, а также достижения в области технических средств обучения требуют от учителя-словесника поиска новых способов организации обобщающего повторения орфографии в рамках подготовки к основному государственному экзамену. Чаще всего, готовя школьников к ОГЭ, учитель вооружает их готовыми справочными материалами (алгоритмами, памятками, схемами), что, на наш взгляд, не в полной мере обеспечивает полноценную

³ Алгазина Н. Н., Ларских З. П., Пашкова Г. И. и др. Дидактические материалы по орфографии с компьютерной поддержкой: пособие для учащихся 5–7 классов. М.: Просвещение, 1996. 175 с.

⁴ Крушинская Т. Ф. Совершенствование орфографических навыков учащихся 8–9 классов на уроках обобщающего повторения с применением компьютера (на примере обобщающего повторения правил правописания *о-ё-е* после шипящих и *ц*): автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 2001. 24 с.

⁵ Мищерина М. А. Обобщающее повторение орфографии в 7 классе с применением ЭВМ: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. М., 1998. 17 с.

подготовку. Убеждены (и результаты сдачи ОГЭ это подтверждают), что ученик способен воспринять, осознать, понять и усвоить абстрактные языковые понятия и правила только тогда, когда сам проделает «хотя бы часть той огромной абстрагирующей работы человеческого мышления, результаты которой закрепились в языке» [Капинос 1983: 34]. Следовательно, необходимо так организовать учебную деятельность, чтобы школьник практически опробовал в каких-то собственных действиях свои знания и применил их к решению конкретных языковых задач. Основной принцип такой деятельности «сделал – запомнил», с нашей точки зрения, в наибольшей степени реализуется в творческих заданиях, в результате выполнения которых школьники самостоятельно создают образовательный контент, причем не только информационного, но и обучающего характера. Идея такого подхода к обучению была заложена еще в народной педагогике и отражена в известной русской пословице *Учи других – и сам поймешь*.

Методы. Ведущими в нашей работе стали теоретические, эмпирические и статистические методы исследования. С помощью указанных методов проанализирована научная и учебно-методическая литература, нормативная документация; проведены научные наблюдения за учебным процессом в основной школе и педагогический эксперимент; осуществлен анализ экспериментальных данных для обобщения и интерпретации результатов опытного обучения, формулирования выводов. Опытное экспериментальное исследование было проведено в 2022–2023 учебном году на базе Ситуационного центра актуализации знаний основной школы Севастопольского государственного университета.

Результаты. Покажем, как может быть организовано обобщающее повторение орфографии с помощью творческого задания – создать обучающий видеоролик для подготовки к 6-му заданию ОГЭ. Перед началом работы важно проанализировать содержание и формат этого задания с целью выявления основных причин трудностей, которые испытывают школьники при его выполнении, и выбора оптимального способа подготовки.

Напомним: в 6-м задании предлагаются пять слов (словоформ) и фрагменты орфографических правил.

1) ПОЛ-ЛОЖКИ – пишется через дефис, потому что существительное начинается на Л.

2) ГОРА – в корне слова с чередующейся гласной без ударения пишется буква О.

3) НЕ СМОТРЯ (под ноги) – НЕ с дееспричастиями, употребляющимися без НЕ, пишется раздельно.

4) ЛИМОННЫЙ (вкус) – в суффиксе -ОНН- прилагательного пишется НН-.

5) (выпускники) УЧИЛИЩ – в форме родительного падежа множественного числа имени существительного 1-го склонения после шипящего буква Ъ не пишется.

Задача обучающихся – указать те варианты ответов, в которых дано верное объяснение написания выделенного слова (словоформы).

Для выполнения задания ученику необходимо:

1) найти в выделенном слове (словоформе) орфограмму;

2) вспомнить орфографическое правило;

3) соотнести предложенное объяснение написания выделенного слова (словоформы) с орфографическим правилом и определить, верное оно или нет.

Как видим, чтобы сделать 1-й шаг, учащиеся должны уметь обнаруживать орфограммы (это умение называется орфографической зоркостью). Наблюдения же за практикой обучения орфографии в школе показывают, что в большинстве случаев учащиеся выполняют упражнения, в которых орфограммы уже выделены (графически это обозначено пропуском букв; скобками, которые надо раскрыть). Итак, первая причина трудностей – «орфографическая слепота» школьников – недостаточный уровень сформированности у них умения опознавать орфограммы.

Для осуществления 2-го шага учащиеся должны знать ВСЕ орфографические правила, изученные в школе. Обширный объем информации – вторая причина трудностей.

Анализируемое задание построено по принципу укрупненных дидактических единиц. Это значит, что проверяется не столько знание правил правописания отдельных слов, сколько умение опознавать

ту или иную единицу языка, устанавливать логические, ассоциативные, формальные связи между смежными языковыми понятиями, явлениями. Именно этим умением и должны владеть учащиеся, чтобы сделать 3-й шаг. Наличие фрагментарных, разрозненных знаний, препятствующих формированию представления о языке как о сложной целостной системе с определенными внутренними связями, — третья причина трудностей.

Работу по выявлению причин трудностей методически целесообразно проводить совместно с учениками, чтобы они, во-первых, понимали суть задания, а во-вторых, имели четкое представление о том, какие знания и умения им потребуются для его выполнения.

Далее проводится серьезная подготовительная работа, в ходе которой школьники знакомятся с основными этапами создания обучающих видеороликов: 1) организационный; 2) поиск и обработка информации; 3) написание сценария; 4) создание презентации; 5) озвучивание презентации и запись видео. Кратко охарактеризуем каждый из названных этапов.

Этап 1. Организационный. На этом этапе перед учащимися ставятся следующие вопросы:

1. Для кого создается видеоролик?

2. Для чего создается видеоролик?

3. Каким должен быть видеоролик по продолжительности? (Руководствуясь тем, что по истечении определенного периода времени внимание учащихся рассеивается, психологи и методисты рекомендуют делать видеоролики короткими — не более 7 минут).

4. По какой теме создается видеоролик? (Перечень всех орфограмм, проверяемых на ОГЭ, представлен в кодификаторе проверяемых требований к результатам освоения основной образовательной программы основного общего образования. Объемные орфограммы (например, правописание корней с чередующимися гласными и др.) целесообразно делить на подтемы, чтобы уложиться в регламент видеоролика. Темы выбираются учащимися заранее таким образом, чтобы они не повторялись.)

Этап 2. Поиск и обработка информации. Это самый сложный для школьников этап, поскольку требует от них активной

и осознанной самостоятельной работы. На этом этапе учащиеся собирают, обрабатывают, анализируют, систематизируют и обобщают всю учебную информацию, так или иначе связанную с рассматриваемой орфограммой. И здесь очень важна помощь учителя, который при необходимости указывает на незаметные с первого взгляда «узелки» сцепления причинно-следственных связей [Сухомлинский 1979: 485]. Так, собирая информацию для видеоролика по теме «Корни с чередованием *-гар-* // *-гор-*», школьники должны обратить внимание на слова с омонимичными корнями. Слова с чередующимся корнем *-гар-* (*-гор-*) имеют значение «явления, связанные с огнем, теплом» (*гореть, загорелый*). Их не следует путать со словами, в которых тоже есть корень *-гор-*, но с другим значением: *гора* («возвышенность»), *горевать* («печалиться»). Правописание этих слов подчиняется другому правилу — в корне этих слов пишется безударная буква *о*, так как можно подобрать такое проверочное слово, где эта гласная стоит под ударением: *гора* — *гóry*, *горевать* — *гóre*. «Ловушки» встречаются практически в каждой орфограмме, и учащимся надо быть очень внимательными.

Этап 3. Написание сценария. Сценарий — это заранее продуманный и тщательно структурированный (по кадрам-слайдам) текст, который произносит автор видеоролика. Структура сценарного текста универсальна: вступление, основная часть и заключение. Однако при его написании следует учитывать тот факт, что он предназначен для сл у ш а н и я. Чтобы текст легко воспринимался на слух и привлекал внимание слушателей/зрителей, он должен быть:

— доступным (т. е. должны преобладать простые и короткие предложения, общепотребительные слова);

— логичным (т. е. мысли должны излагаться последовательно и непротиворечиво);

— обоснованным (т. е. теоретические положения должны иллюстрироваться примерами);

— диалогичным (т. е. повествование должно носить характер беседы, разговора автора со слушателями/зрителями).

Этап 4. Создание презентации. Легко и быстро школьники делают презентацию с помощью программы Microsoft PowerPoint. На этом этапе целесообразно

актуализировать знания учащихся об основных требованиях, предъявляемых к содержанию и оформлению слайдов, а также показать наиболее распространенные ошибки, которые они допускают при создании презентаций.

Ошибка № 1. На слайде много текста. Рекомендации: на слайде должно быть представлено только то, что комментируется и объясняется голосом за кадром.

Ошибка № 2. Маленький размер шрифта, вследствие чего текст невозможно прочесть. Рекомендации: размер шрифта для основного текста должен быть не менее 26–28 пунктов, а если пространство слайда позволяет – и больше.

Ошибка № 3. Неправильное сочетание цветов для фона и шрифта. Рекомендации: не следует использовать пестрый фон, фон с картинками или рисунками, фон должен быть однотонным, оптимальный вариант: темный (черный или темно-синий) шрифт на светлом фоне.

Ошибка № 4. Орфографические и пунктуационные погрешности на слайде. Рекомендации: внимательно проверить каждый слайд, в случае затруднения обратиться за помощью к учителю.

Этап 5. Озвучивание презентации и запись видео тоже можно сделать с помощью программы Microsoft PowerPoint. При этом следует обязательно напомнить школьникам о том, что речь должна быть выразительной и грамотной. Для этого надо проверить по словарю произношение всех трудных слов, правильно расставить логические ударения и паузы. Темп речи и громкость голоса должны быть средними.

Как показывает опыт, для формирования умения самостоятельно создавать обучающие видеоролики школьникам недостаточно теоретических знаний. На начальном этапе необходима опора на образец, который служит, по терминологии П. Я. Гальперина, «схемой полной ориентировочной основы действия» [Гальперин 1985: 5], играет роль эталона («как надо действовать») и позволяет предупредить многочисленные ошибки в исполнительской части действия. Таким образом может служить готовый обучающий видеоролик по той или иной теме, заранее подготовленный учителем. При этом очень важно не просто дать школьникам образец,

а так организовать знакомство с ним, чтобы ученики (под руководством учителя) сами «прошли» все этапы по его созданию. Покажем, как может быть организована подобная работа на примере готового обучающего видеоролика по теме «б-е задание ОГЭ (приставки на -з (-с))».

Учитель. Ребята, сегодня вы будете учиться создавать обучающий видеоролик по русскому языку на примере 6-го задания ОГЭ. Как вы думаете, с чего начинается эта работа? На первом этапе нужно ответить на несколько вопросов. Для кого вы будете делать видеоролик?

Обучающиеся. Для учащихся IX классов.

Учитель. Для чего вы будете делать видеоролик?

Обучающиеся. Чтобы успешно подготовиться к выполнению 6-го задания ОГЭ по русскому языку.

Учитель. Каким должен быть видеоролик по продолжительности?

Обучающиеся. Коротким.

Учитель. Верно. Психологи рекомендуют делать видеоролики короткими (не более 7 минут), чтобы удержать внимание слушателей/зрителей.

Для первого видеоролика предлагаю взять не очень сложную тему – «Правописание приставок на -з (-с)». Каким будет следующий шаг?

Обучающиеся. Написание сценария.

Учитель. Для сценария необходим теоретический материал. Вспомните правило написания приставок на -з (-с).

Обучающиеся. Перед звонкими согласными и гласными пишется з, а перед глухими – с.

Учитель. Верно, перед буквами, передающими глухие согласные, пишется буква с, а в остальных случаях – буква з. Помните, что в составной приставке *испод-* пишется буква с? Например: *исподлобья, исподтишка, исподнизу*⁶.

Помните ли вы, какие согласные относятся к звонким, а какие – к глухим? Если нет, то вы можете научиться их различать с помощью простого предложения: «У льва

⁶ Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. С. 92.

и жабы много друзей». В нем все согласные — звонкие. Остальные согласные русского языка — глухие.

А приставка *с-* пишется по этому же правилу?

Обучающиеся. Нет, эта приставка относится к группе неизменяемых.

Учитель. А есть ли приставка *з-* в словах *здесь, здание, здоровье, здравствуй, здесь, здешний*?

Обучающиеся. Нет. В этих словах *з* является не приставкой, а частью корня. Написание этих слов надо запомнить.

Учитель. А как объяснить правописание слова *безвкусный*, если после приставки слышится глухой звук [ф] (начальный звук корня [в] оглушается перед глухим звуком [к])? Не является ли этот случай особым и как следует поступать?

Обучающиеся. В связи с особенностями произношения этого слова его написание следует запомнить.

Учитель. Мы вспомнили правило написания приставок на *-з (-с)* и все сложные случаи, связанные с ним. Теперь необходимо подобрать примеры. Как вы знаете, в задании предлагается пять слов на разные орфограммы. Поскольку видеоролик посвящен одной орфограмме, нужно взять пять слов на одну и ту же орфограмму, чтобы показать все случаи, связанные с ней.

Методическое пояснение. Для более осознанного и прочного усвоения рассматриваемой орфограммы и демонстрации взаимосвязанных языковых явлений в качестве дидактического материала к заданию методически целесообразно брать слова на одну и ту же орфограмму и сложные случаи (слова с «ловушками»).

Учитель. В обучающем видеоролике нужно прописать все действия (шаги), последовательное выполнение которых приведет зрителей к правильному решению языковой задачи. Иначе говоря, вы должны составить алгоритм выполнения задания.

Методическое пояснение. Задание можно выполнить двумя способами.

1-й способ:

1) найти в выделенном слове (словоформе) орфограмму;

2) вспомнить орфографическое правило;

3) соотнести предложенное объяснение написания выделенного слова (словоформы) с орфографическим правилом и определить, верное оно или нет.

2-й способ:

1) прочитать фрагмент орфографического правила;

2) вспомнить орфографическое правило и определить, верно ли в нем все написано;

3) если уже во фрагменте орфографического правила допущена ошибка, этот вариант неправильный;

4) если фрагмент орфографического правила верный, выяснить, подходит ли это объяснение к анализируемому слову;

5) если подходит, то вариант правильный, а если нет, то неправильный.

В своей педагогической практике мы апробировали и первый, и второй способы: 2-й показал большую эффективность (возможно, потому, что в анализируемом слове может быть не одна, а несколько орфограмм, и школьники при 1-м способе должны найти все орфограммы в слове, что вызывает у них очень большие трудности; при 2-м же способе фрагмент орфографического правила уже подсказывает учащимся орфограмму). Именно поэтому для обучающего видеоролика был выбран 2-й способ выполнения задания.

Учитель. Итак, весь необходимый для сценария материал собран. Давайте составим примерный план видеоролика:

1. Приветствие.

2. Постановка целей и задач.

3. Демонстрация формулировки задания.

4. Актуализация орфографических знаний.

5. Разбор (анализ) пяти примеров + образец для рассуждения.

6. Обобщенный алгоритм выполнения задания.

7. Заключение.

Текст сценария лучше писать по слайдам с указанием того, что будет представлено на них (текст, рисунки, схемы и т. д.), что будет говорить автор за кадром, какие виды анимации будут использованы. Такой формат сценарного текста поможет вам быстро сделать презентацию, озвучить ее и записать видео.

Методическое пояснение. Далее учащиеся знакомятся с образцом сценарного текста (см. табл.). Условные обозначения: АП — анимация «Появление»; АИ — анимация «Изменение размера»; АВ — анимация «Выцветание»; АПА — анимация «Панорама»; АЦ — анимация «Цвет

заливки». По ходу учитель акцентирует внимание школьников на том, что текст предназначен для слушания, и поэтому он должен отвечать определенным требованиям: быть доступным, логичным, обоснованным, диалогичным.

Таблица

Сценарий обучающего видеоролика по теме «6-е задание ОГЭ по русскому языку (приставки на -з (-с))»

Table

**Script of an educational video on the topic
 «Task 6 of the Russian Language Basic state examination (prefixes ending in -z (-s))»**

Номер слайда	Видеоряд	Голос за кадром								
1	6-е задание ОГЭ (приставки на -з (-с))	Здравствуйте, ребята. Сегодня мы будем учиться выполнять 6-е задание ОГЭ по русскому языку								
2	1) РАССТАВЛЯТЬ – на конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква з. 2) ВЗБУДОРАЖЕНЫ (известием) – на конце приставки перед буквой, обозначающей звонкий согласный звук, пишется буква з. 3) СФОТОГРАФИРОВАТЬ – на конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква с. 4) (войти в) ЗДАНИЕ – на конце приставки перед буквой, обозначающей звонкий согласный звук, пишется буква з. 5) СДВИНУЛ – приставка неизменяемая	В задании вам предлагается пять слов (АП) и фрагменты орфографических правил (АП), по которым эти слова пишутся именно так								
3	То же, что и на 2-м слайде. Только правильные варианты окрашены в зеленый цвет, неправильные – в розовый	Ваша задача – указать те варианты ответов, в которых дано верное объяснение написания выделенного слова. В ответе может быть от 2 до 4 правильных вариантов!								
4	Орфографические правила	Чтобы выполнить это задание, вам надо знать орфографические правила								
5	<table><tr><td>Правописание букв з и с на конце приставок</td><td></td></tr><tr><td>з + звонкий согласный без-граничный раз-бросать из-вести вз-дышать воз-местить низ-вергать</td><td>с + глухой согласный бес-крайний рас-пустить ис-портить вс-помнить вос-хождение нис-падать</td></tr><tr><td colspan="2"><i>Испод-: исподтишка</i></td></tr><tr><td colspan="2"><i>Безвкусный</i></td></tr></table>	Правописание букв з и с на конце приставок		з + звонкий согласный без- г раничный раз- б росать из- в ести вз- д ышать воз- м естить низ- в ергать	с + глухой согласный бес- к райний рас- п устить ис- п ортить вс- п омнить вос- х ождение нис- п адать	<i>Испод-: исподтишка</i>		<i>Безвкусный</i>		Сегодня мы вспомним правило написания приставок на -з (-с). Оно звучит так: перед звонкими согласными и гласными пишется з, а перед глухими – с. В составной приставке <i>испод-</i> пишется буква с. Например: <i>исподтишка</i> . Помните, что в слове <i>безвкусный</i> в приставке пишется з, несмотря на то, что после приставки слышится глухой звук [ф]
Правописание букв з и с на конце приставок										
з + звонкий согласный без- г раничный раз- б росать из- в ести вз- д ышать воз- м естить низ- в ергать	с + глухой согласный бес- к райний рас- п устить ис- п ортить вс- п омнить вос- х ождение нис- п адать									
<i>Испод-: исподтишка</i>										
<i>Безвкусный</i>										

Номер слайда	Видеоряд		Голос за кадром
6	Звонкие согласные: У льва и жабы много друзей!	+ картинка «Лев и жаба»	Помните ли вы, какие согласные относятся к звонким, а какие — к глухим? Если нет, то вы можете научиться их различать с помощью простого предложения: «У льва и жабы много друзей». В нем все буквы обозначают звонкие согласные. Остальные согласные русского языка — глухие
	Глухие согласные: к, п, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ		
7	То же, что и на 5-м слайде		Рассмотрим примеры. В слове <i>безграничный</i> (АИ) корень начинается с буквы <i>г</i> , обозначающей звонкий согласный звук, значит, пишем <i>без-</i> с буквой <i>з</i> . А в слове <i>бескрайний</i> (АИ) первая буква корня <i>к</i> обозначает глухой согласный звук. Следовательно, приставку <i>бес-</i> напомним с буквой <i>с</i>
8	Обратите внимание! 1) В русском языке нет приставки З- . Есть только приставка С- : <i>сжечь</i> . 2) В словах <i>здесь, здание, здоровье, здравствуй, здешний</i> и др. нет приставки!		Правило, как видите, несложное, но есть два момента, на которые надо обратить особое внимание! Первое: (АВ) в русском языке нет приставки <i>з-</i> , а есть только приставка <i>с-</i> , которая всегда пишется одинаково независимо от того, перед какой буквой (звонкой или глухой) она стоит. Например, в слове СЖЕЧЬ (АПА) пишется неизменяемая приставка <i>с-</i> , хотя произносим мы звук [з]. Помним, что приставки <i>з-</i> нет! Второе: (АП) есть слова (их нужно запомнить!), где буква <i>з</i> является не приставкой, а частью корня: (АПА) <i>здесь, здание, здоровье, здравствуй, здесь, здешний</i> и др. Вспомнили правило? Теперь можно приступать к выполнению задания
9	Внимательно читаем фрагмент правила и определяем, верно ли в нем все написано. РАССТАВЛЯТЬ — на конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква <i>з</i>		С чего начинаем? (АП) В первую очередь внимательно читаем фрагмент орфографического правила и определяем, верно ли в нем все написано. Например: (АП) на конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква <i>з</i> . Мы видим, что в самом объяснении допущена ошибка, так как по правилам русской орфографии на конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква <i>с</i> , а не <i>з</i> . Если уже в объяснении допущена ошибка, можно смело отмечать этот вариант как неправильный (АЦ)

Номер слайда	Видеоряд	Голос за кадром
10	ВЗБУДОРАЖЕНЫ (известием) — на конце приставки перед буквой, обозначающей звонкий согласный звук, пишется буква з	Рассмотрим другой пример: на конце приставки перед буквой, обозначающей звонкий согласный звук, пишется буква з. Видим, что объяснение верное. Если объяснение верное, выясняем, подходит ли оно к конкретному слову. Рассуждаем: в слове <i>взбудоражены</i> действительно есть приставка <i>вз-</i> (слово образовано от глагола <i>будоражить</i> 'возбуждать'), корень начинается с буквы <i>б</i>, она обозначает звонкий согласный звук, следовательно, в приставке правильно пишется з. Указываем этот вариант как правильный (АЦ)
11	СФОТОГРАФИРОВАТЬ — на конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква с	Рассмотрим еще пример. Следуя нашему алгоритму, внимательно читаем фрагмент орфографического правила и определяем, верно ли в нем все написано. На конце приставки перед буквой, обозначающей глухой согласный звук, пишется буква с. Объяснение верное. Если оно верное, выясняем, подходит ли оно к конкретному слову. Рассуждаем: в слове <i>сфотографировать</i>, образованном от глагола <i>фотографировать</i>, действительно есть приставка <i>с-</i>, но она всегда пишется одинаково и не зависит от того, перед какой буквой стоит. Следовательно, объяснение не подходит к этому слову. Этот вариант неправильный (АЦ)
12	(Войти в) ЗДАНИЕ — на конце приставки перед буквой, обозначающей звонкий согласный звук, пишется буква з	Рассмотрим 4-й пример. На конце приставки перед буквой, обозначающей звонкий согласный звук, пишется буква з. Объяснение верное. Выясняем, подходит ли оно к конкретному слову. Рассуждаем: в слове <i>здание</i> з является не приставкой, а частью корня. Следовательно, объяснение не подходит к этому слову. Этот вариант неправильный (АЦ)
13	СДВИНУЛ — приставка неизменяемая	И наконец, 5-й пример. Приставка неизменяемая. Видим, что как такового объяснения нет. В таком случае сразу обращаемся к слову и определяем, по какому правилу в нем пишется приставка.

Номер слайда	Видеоряд	Голос за кадром
13		Рассуждаем: в слове <i>сдвинул</i> действительно есть приставка <i>с-</i> (слово образовано от глагола <i>двинуть</i>), она всегда пишется одинаково, т. е. является неизменяемой. Следовательно, объяснение подходит к этому слову. Этот вариант правильный (АП)
14	Алгоритм выполнения 6-го задания (алгоритм представлен в виде схемы) 1. Прочитать объяснение. 2. Вспомнить орфографическое правило и определить, правильное объяснение или нет. 3. Если в объяснении допущена ошибка, этот вариант неправильный. 4. Если объяснение верное, выясняем, подходит ли оно к конкретному слову. 5. Если подходит, то вариант правильный, а если нет, то неправильный	А теперь составим алгоритм выполнения 6-го задания. Необходимо, во-первых (АВ), прочитать объяснение. Во-вторых (АВ), вспомнить орфографическое правило и определить, правильное объяснение или нет. В-третьих (АВ), если в объяснении допущена ошибка, этот вариант неправильный. Если объяснение верное, выясняем, подходит ли оно к конкретному слову. (АВ) Если подходит, то вариант правильный, а если нет, (АВ) то неправильный. Если будете действовать по алгоритму, 6-е задание ОГЭ выполните без ошибок
15	Удачи на экзамене!	Удачи на экзамене!

После знакомства с образцом сценарного текста учитель показывает школьникам подготовленную презентацию (по ходу рассматриваются типичные ошибки, допускаемые при создании компьютерных презентаций), а затем и видеоролик (авторский видеоролик «6-е задание ОГЭ (приставки на -з (-с))» размещен на сайте Ситуационного центра актуализации знаний основной школы Севастопольского государственного университета⁷, а также в сети «Интернет»⁸).

Такая совместная подготовительная работа, где теория соединяется с практикой, позволяет учащимся увидеть с первого и до последнего шага все действия и вооружает их всем необходимым инструментарием.

⁷ Ситуационный центр актуализации знаний основной школы Севастопольского государственного университета: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://do.sevsu.ru/course/view.php?id=6068#section-3> (дата обращения: 13.10.2023).

⁸ Обучающий видеоролик «6-е задание ОГЭ (приставки на -з (-с))» [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/qsZVwATzkiE> (дата обращения: 10.10.2023).

Опираясь на образец, школьники без особых затруднений самостоятельно (при необходимости консультируясь с учителем) готовят обучающие видеоролики по выбранной теме. Часть из них представлена в разделе «Школьник школьнику: просто о главном при подготовке к ОГЭ» Ситуационного центра СевГУ (см. сноску 7), целью которого является оказание помощи слабоуспевающим ученикам в восстановлении знаний по основным школьным предметам (в том числе и по русскому языку).

Заключение. Сравнительный анализ результатов выполнения учащимися 6-го задания ОГЭ на констатирующем и контрольном этапах эксперимента подтверждает эффективность предлагаемого способа подготовки: количество обучающихся, выполнивших задание без ошибок, увеличилось на 2 человека (ни одного учащегося до эксперимента и 2 после); количество обучающихся, допустивших 1 ошибку, увеличилось на 2 человека (3 учащихся до эксперимента и 5 после); количество обучающихся, допустивших 2 и более ошибок, уменьшилось на 4 человека (12 учащихся

до эксперимента и 8 после). Кроме этого, уменьшилось количество орфографических ошибок, допускаемых школьниками и в письменных работах (изложениях и сочинениях). На наш взгляд, положительная динамика объясняется тем, что в основе предлагаемого способа лежит деятельностный подход: орфографические знания не заучиваются школьниками, а совершенно естественно и незаметно усваиваются ими в ходе самой деятельности и благодаря различным действиям с языковым материалом. Необходимость создания качественного собственного видеопродукта требует от учащихся многократного обращения к учебной информации, глубокого и системного ее осмысления. Школьники осваивают навыки анализа и сравнения языковых единиц, учатся выявлять их существенные признаки и устанавливать взаимосвязь между ними. Все эти умения в конечном итоге и помогают им успешно справиться с непростым орфографическим заданием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева П. В.* Дидактические возможности обучения грамматико-орфографическим темам с интерактивной поддержкой // *Русский язык в школе*. 2018. Т. 79, № 2. С. 32–36. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-2-32-35>.
2. *Богоявленский Д. Н.* Правописание как сознательный навык // *Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразоват. учеб. заведениях: пособие для учителя / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М.: Просвещение, 1995. С. 157–167.*
3. *Габо В. С.* Работа над ошибками // *Хрестоматия по методике русского языка: Методы обучения русскому языку в общеобразоват. учреждениях: пособие для учителя / авт.-сост. М. Р. Львов. М.: Просвещение, 1996. С. 258.*
4. *Гальперин П. Я.* Методы обучения и умственное развитие ребенка. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 45 с.
5. *Граник Г. Г.* Приемы умственной работы при усвоении орфографии // *Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразоват. учеб. заведениях: пособие для учителя / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М.: Просвещение, 1995. С. 170–176.*
6. *Дейкина А. Д., Малявина Т. П.* Реализация текстоориентированного подхода на занятиях по коррекции правописных умений и навыков в X–XI классах // *Русский язык в школе*. 2011. № 5. С. 8–11.
7. *Жуйков С. Ф.* Формирование орфографических действий // *Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразоват. учеб. заведениях: пособие для учителя / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М.: Просвещение, 1995. С. 177–179.*
8. *Капинос В. И.* О методах обучения русскому (родному) языку // *Методы обучения в современной школе: сб. статей / под ред. Н. И. Кудряшева. М.: Просвещение, 1983. С. 26–42.*
9. *Китаева Л. Я.* Повторение орфографии в VII–VIII классах на основе группировки орфограмм // *Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразоват. учеб. заведениях: пособие для учителя / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М.: Просвещение, 1995. С. 242–243.*
10. *Ларионова Л. Г.* Речеведческо-орфографические упражнения: их роль в обучении на основе коммуникативно-деятельностного подхода // *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80, № 5. С. 7–12. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-5-7-12>.
11. *Литневская Е. И., Багрянцева В. А.* Методика преподавания русского языка в средней школе: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / под ред. Е. И. Литневской. М.: Академический проект, 2006. 590 с.
12. *Полтева-Лазарис В. П.* О системе попутного повторения орфографии в V классе // *Повторение на уроках русского языка: сб. статей из опыта работы / сост. Т. А. Злобина. М.: Просвещение, 1978. С. 98–115.*
13. *Разумовская М. М.* Совершенствование орфографической подготовки учащихся в VII–VIII классах // *Повторение на уроках русского языка: сб. статей из опыта работы / сост. Т. А. Злобина. М.: Просвещение, 1978. С. 116–128.*
14. *Сергиевский А. П.* Сопоставление при повторении орфографии // *Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразоват. учеб. заведениях: пособие для учителя / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М.: Просвещение, 1995. С. 227–230.*
15. *Скрябина О. А.* Когнитивно-коммуникативный подход в обучении правописанию как текстоформирующей деятельности: монография. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2009. 404 с.

16. Соколова Г. П. Обобщающее повторение // Повторение на уроках русского языка: сб. статей из опыта работы / сост. Т. А. Злобина. М.: Просвещение, 1978. С. 19–32.

17. Соколова Г. П. «Эстафеты» по орфографии как один из методов повторения // Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразоват. учеб. заведениях: пособие для учителя / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М.: Просвещение, 1995. С. 230–231.

18. Соном Н. А. Использование коммуниктивно-ситуативных задач для совершенствования орфографических умений учащихся 8–9 классов // Наука и Школа. 2018. № 4. С. 149–153.

19. Сухомлинский В. А. Избранные произведения: в 5 т. Т. 2 / отв. ред. А. Г. Дзеверин. Киев: Рад. школа, 1979. 718 с.

20. Текучев А. В. Методика русского языка в средней школе. 3-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1980. 414 с.

21. Ушинский К. Д. Руководство к преподаванию по «Родному слову» (приложение к практической грамматике) // Хрестоматия по методике русского языка: Методы обучения русскому языку в общеобразоват. учреждениях: пособие для учителя / авт.-сост. М. Р. Львов. М.: Просвещение, 1996. С. 222–224.

22. Шатова Е. Г. Методика формирования обобщений при обучении орфографии // Хрестоматия по методике русского языка: Преподавание орфографии и пунктуации в общеобразоват. учеб. заведениях: пособие для учителя / авт.-сост. В. Ф. Иванова, Б. И. Осипов. М.: Просвещение, 1995. С. 245–247.

23. Шашкова Е. Г. Повторение по грамматике и орфографии // Методика грамматики и орфографии в начальных классах / под ред. Н. С. Рождественского. М.: Просвещение, 1975. С. 85–100.

REFERENCES

1. Afanas'eva P. V. Didactic opportunities for teaching grammar and spelling topics with interactive support. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2018;2:32–36. (In Russ.)

2. Bogoyavlensky D. N. Spelling as a conscientious skill. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Prepodavanie orfografii i punktuatsii v obshcheobrazovatel'nykh ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. V. F. Ivanova, B. I. Osipov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Teaching orthography and punctuation in general educational institutions: a teacher's guide*. Authored and compiled by V. F. Ivanova, B. I. Osipov. Moscow: Prosveshcheniye, 1995. P. 157–167. (In Russ.)

3. Gabo V. S. Work on mistakes. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Metody obucheniya russkomu yazyku v obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. M. R. L'vov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Methods of teaching the Russian language in general educational institutions: a manual for teachers*. Authored and compiled by M. R. Lvov. Moscow: Prosveshcheniye, 1996. P. 258. (In Russ.)

4. Galperin P. Ya. Methods of teaching and mental development of a child. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta, 1985. 45 p. (In Russ.)

5. Granik G. G. Methods of mental work when mastering spelling. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Prepodavanie orfografii i punktuatsii v obshcheobrazovatel'nykh ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. V. F. Ivanova, B. I. Osipov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Teaching orthography and punctuation in general educational institutions: a teacher's guide*. Authored and compiled by V. F. Ivanova, B. I. Osipov. Moscow: Prosveshcheniye, 1995. P. 170–176. (In Russ.)

6. Deikina A. D., Malyavina T. P. Implementation of a text-oriented approach in classes for the correction of spelling skills in grades 9–11. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2011;5:8–11. (In Russ.)

7. Zhuikov S. F. Formation of spelling actions. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Prepodavanie orfografii i punktuatsii v obshcheobrazovatel'nykh ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. V. F. Ivanova, B. I. Osipov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Teaching orthography and punctuation in general educational institutions: a teacher's guide*. Authored and compiled by V. F. Ivanova, B. I. Osipov. Moscow: Prosveshcheniye, 1995. P. 177–179. (In Russ.)

8. Kapinos V. I. About methods of teaching Russian (native) language *Metody obucheniya v sovremennoi shkole: sbornik statei*. = *Pod red. N. I. Kudryasheva = Methods of teaching in modern school: collection of articles*. Ed. by N. I. Kudryashev. Moscow: Prosveshcheniye, 1983. P. 26–42. (In Russ.)

9. Kitaeva L. Ya. Repetition of spelling in grades 7–8 based on grouping of spelling patterns. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Prepodavanie orfografii i punktuatsii v obshcheobrazovatel'nykh ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. V. F. Ivanova, B. I. Osipov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Teaching orthography and punctuation in general educational institutions: a teacher's guide*. Authored and compiled by V. F. Ivanova, B. I. Osipov. Moscow: Prosveshcheniye, 1995. P. 242–243. (In Russ.)

10. Larionova L. G. Speech-spelling exercises: their role in teaching based on the communicative-activity

approach. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2019;5:7–12. (In Russ.)

11. Litnevskaya E. I., Bagryantseva V. A. Methodology of teaching Russian language in secondary school: textbook for university students. Ed. by E. I. Litnevskaya. Moscow: Akademicheskii proekt, 2006. 590 p. (In Russ.)

12. Polteva-Lazaris V. P. About the system of passing spelling repetition in the 5th grade. *Povtorenie na urokakh russkogo yazyka: sb. statei iz opyta raboty*. Sost. T. A. Zlobina = *Repetition in Russian language lessons: a collection of articles from work experience*. Compiled by T. A. Zlobina. Moscow: Prosveshcheniye, 1978. P. 98–115. (In Russ.)

13. Razumovskaya M. M. Improving the spelling skills of students in grades 7–8. *Povtorenie na urokakh russkogo yazyka: sb. statei iz opyta raboty*. Sost. T. A. Zlobina = *Repetition in Russian language lessons: a collection of articles from work experience*. Compiled by T. A. Zlobina. Moscow: Prosveshcheniye, 1978. P. 116–128. (In Russ.)

14. Sergievsky A. P. Matching when repeating spelling. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Prepodavanie orfografii i punktuatsii v obshcheobrazovatel'noy ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. V. F. Ivanova, B. I. Osipov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Teaching orthography and punctuation in general educational institutions: a teacher's guide*. Authored and compiled by V. F. Ivanova, B. I. Osipov. Moscow: Prosveshcheniye, 1995. P. 227–230. (In Russ.)

15. Skryabina O. A. Cognitive-communicative approach to teaching spelling as a text-formatting activity: monograph. Ryazan: Ryazan State University named after S. A. Yesenina, 2009. 404 p. (In Russ.)

16. Sokolova G. P. Generalizing repetition. *Povtorenie na urokakh russkogo yazyka: sb. statei iz opyta raboty*. Sost. T. A. Zlobina = *Repetition in Russian language lessons: a collection of articles from work experience*. Compiled by T. A. Zlobina. Moscow: Prosveshcheniye, 1978. P. 19–32. (In Russ.)

17. Sokolova G. P. "Relay Races" in spelling as one of the repetition methods. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Prepodavanie orfografii*

i punktuatsii v obshcheobrazovatel'noy ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya. Avt.-sost. V. F. Ivanova, B. I. Osipov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Teaching orthography and punctuation in general educational institutions: a teacher's guide*. Authored and compiled by V. F. Ivanova, B. I. Osipov. Moscow: Prosveshcheniye, 1995. P. 230–231. (In Russ.)

18. Sopot N. A. Using communicative and situational tasks to improve the spelling skills of students in grades 8–9. *Nauka i Shkola. = Science and School*. 2018;4:149–153. (In Russ.)

19. Sukhomlinsky V. A. Selected works: in 5 vols. Kiev: Radianska shkola, 1979. 718 p. (In Russ.)

20. Tekuchev A. V. Methodology of the Russian language in secondary school. 3rd ed., revised. Moscow: Prosveshcheniye, 1980. 414 p. (In Russ.)

21. Ushinsky K. D. Guide to teaching "Native Word" (application to practical grammar). *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Metody obucheniya russkomu yazyku v obshcheobrazovatel'noy ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. M. R. L'vov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Methods of teaching the Russian language in general educational institutions: a manual for teachers*. Authored and compiled by M. R. Lvov. Moscow: Prosveshcheniye, 1996. P. 222–224. (In Russ.)

22. Shatova E. G. Methodology for forming generalizations when teaching spelling. *Khrestomatiya po metodike russkogo yazyka: Prepodavanie orfografii i punktuatsii v obshcheobrazovatel'noy ucheb. zavedeniyakh: posobie dlya uchitelya*. Avt.-sost. V. F. Ivanova, B. I. Osipov = *Chrestomathy on the methodology of the Russian language: Teaching orthography and punctuation in general educational institutions: a teacher's guide*. Authored and compiled by V. F. Ivanova, B. I. Osipov. Moscow: Prosveshcheniye, 1995. P. 245–247. (In Russ.)

23. Shashkova E. G. Repetition on grammar and spelling. *Metodika grammatiki i orfografii v nachal'nykh klassakh = Methods of grammar and spelling in primary grades*. Ed by N. S. Rozhdestvensky. Moscow: Prosveshcheniye, 1975. P. 85–100. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Викторовна Хоменко, кандидат педагогических наук, доцент

Elena V. Khomenko, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 19.11.2023; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 23.03.2024.

The article was submitted 19.11.2023; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 23.03.2024.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-47-60>

А. Н. Радищев как «архаист и новатор»: лингвопоэтические и лингвостилистические черты великой книги (к 275-летию со дня рождения)

Дмитрий Анатольевич Романов

*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия,
kafrus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению наиболее важных лингвопоэтических и лингвостилистических характеристик «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Текст исследуется на фоне господствовавших во время его написания литературных канонов сентиментализма, часть из которых автор творчески осваивает. Радищев вырабатывает особый стиль, представляющий собой синтез трех основных языковых стихий: эмоционально-чувственной, гражданственно-риторической и обиходно-разговорной. Каждая из них отличается определенным набором языковых средств, имеющих четкое композиционное закрепление в тексте. Образные приемы классицистической поэтики, тропеические средства, заимствованные из западных литератур изысканные языковые обороты и новая для конца XVIII в. лексика оформляют композиционные части, характерные для путешествия как особого литературного жанра. Славянизмы, архаические морфологические формы и устарелые синтаксические конструкции, лексические новообразования по церковнославянским образцам применяются А. Н. Радищевым для создания высокой гражданской патетики и воплощения свободолюбивых идей. Просторечие, народная фразеология, фольклорные вставки, афористика, стилистические смещения оформляют повествовательные фрагменты и размышления автора, связанные с конкретными жизненными ситуациями. Предметом исследования становятся также прецедентные феномены в тексте «Путешествия...», его связи с европейской художественной традицией, влияние на развитие русского литературного языка и отдельных жанров отечественной словесности.

Ключевые слова: художественный текст, сентиментализм, композиция, риторический прием, прецедентность, славянизм, заимствование, новообразование, просторечие, грамматический архаизм, афористика

Для цитирования: Романов Д. А. А. Н. Радищев как «архаист и новатор»: лингвопоэтические и лингвостилистические черты великой книги (к 275-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 47–60. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-47-60>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

A. N. Radishchev as an "archaist and innovator": linguopoetic and linguostylistic features of the great book (to the 275th anniversary of the birth)

Dmitry A. Romanov

*Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, Tula, Russia, kafrus@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>*

Abstract. The article considers the most important linguopoetic and linguostylistic characteristics of A. N. Radishchev's "A Journey from St. Petersburg to Moscow". The research also focuses on the precedent phenomena in the text of the book, its connections with the European artistic tradition, and influence on the Russian literary language evolution, as well as on particular genres of Russian literature. The text is examined against the background of the dominant literary canons of sentimentalism at the time of its writing; the author creatively mastered some of these canons. Radishchev developed his individual style which synthesised three main linguistic elements: emotional-sensual, civic rhetorical, and common colloquial. Each of them is characterised by a certain set of linguistic means that are compositionally anchored in the text. The figurative devices of classicistic poetics, tropeic expressiveness, refined linguistic expressions borrowed from Western literature, and vocabulary new for the late 18th century form the compositional parts characteristic of the journey as a distinct literary genre. A. N. Radishchev uses Slavisms, archaic morphological forms and obsolete syntactic constructions, neologisms based on Church Slavonic patterns to create high civic pathos and embody freedom-loving ideas. Low colloquial speech, folk phraseology, folklore inserts, aphorisms, and mixtures of styles shape the author's narrative fragments and reflections related to specific life situations.

Keywords: literary text, sentimentalism, composition, rhetorical device, precedent phenomenon, Slavicism, borrowing, neologism, low colloquial language, grammatical archaism, aphorism

For citation: Romanov D. A. A. N. Radishchev as an "archaist and innovator": linguopoetic and linguostylistic features of the great book (to the 275th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):47–60. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-47-60>.

Введение. «Путешествие из Петербурга в Москву» не только своеобразная «визитная карточка» Александра Николаевича Радищева как писателя, но и одна из великих книг русской литературы, без которой невозможно представить себе отечественную словесность. «Путешествие...» обрело в русской культуре статус непререкаемого канона: мировоззренческого, идейного, стилистического. Но при всей его каноничности оно никогда не покрывалось «архивной пылью», вызывая живые отклики филологов, историков и философов. Дискуссии вокруг книги Радищева не утихают до сих пор: серийное издание Института русской литературы (Пушкинского Дома) «XVIII век», публикуемое с 1935 г., редко обходится без материалов о ней и ее авторе.

Вызвав гневную по отношению к Радищеву реакцию Екатерины II, «Путешествие...» долгое время оставалось чем-то пугающим для массового российского читателя, лишь отдаленно слышавшего о ней. А имя ее автора старались не произносить вслух, во всяком случае — официально. Полномасштабное исследование творчества Радищева, и «Путешествия...» в частности, началось только в XX в.

Изученность проблемы и методология. В 1907 г. в издательстве В. М. Саблина вышло первое полное собрание сочинений Радищева с комментариями и примечаниями В. В. Каллаша, который прояснил многие «темные места» произведения, связанные с его языковым оформлением,

текст был сопровожден лексикографическим справочником. В послереволюционное время «Путешествие...» стало издаваться достаточно регулярно, и каждый очередной печатный текст книги сопровождался содержательными комментариями, включившими наблюдения над ее языком. Среди комментариев особенно следует выделить работу Я. Л. Барскова, опубликованную совместно с текстом «Путешествия...» в издательстве «Academia» (1935), и отдельно изданный комментарий с постраничным объяснением Л. И. Кулаковой и В. А. Запалова (1974). Фрагментарные языковые заметки содержат крупные литературоведческие работы о Радищеве и его времени Г. П. Макогоненко (1956), Д. Д. Благого (1958), П. Н. Беркова (1981), Ю. М. Лотмана (1996).

О стиле радищевской прозы на фоне ее эпохи размышляли Г. О. Винокур в сочинении, посвященном языку русской литературы конца XVIII в. (опубликовано в 1958 г.), и В. В. Виноградов в исследовании «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» (1938).

Первые крупные работы о языке «Путешествия...» вышли в послевоенное время; см.: Н. Ю. Шведова «Общественно-политическая лексика и фразеология в «Путешествии из Петербурга в Москву»» (1951), М. М. Абрамович «Наблюдения над языком А. Н. Радищева» (1952). Большое внимание лексическому разнообразию «Путешествия...» уделит в книге «Исторический

комментарий к русскому литературному языку» Л. А. Булаховский (1958).

Вторая половина XX в. ознаменовалась исследованием разных лексических пластов в прозе Радищева: заимствований (Е. И. Литовченко, 1966), сложных слов (Е. И. Литовченко, 1967), славянизмов (Л. Ю. Максимов, 1969). Общий обзор языка сочинений Радищева предлагали А. А. Алексеев (1977), Е. Г. Ковалевская (1978), Н. А. Мещерский (1981). В настоящее время произведения Радищева пополнили базу НКРЯ¹ и продолжают пополнять издаваемый «Словарь русского языка XVIII в.»².

Настоящая работа ставит целью доказать осознанный и принципиальный выбор Радищевым для своей книги новаторского синтетического (архаизованного, риторического и разговорного) стиля, который должен был отвечать ряду авторских задач. Стиль этот сложился на базе разнородных составляющих, но выглядит, несмотря на противоречивые оценки современников и потомков, вполне органично.

Для исследования внутренних характеристик языка «Путешествия...» используются лингвопоэтические методики (определение авторских задач, обуславливающих появление того или иного языкового или стилистического средства); для изучения новаторства Радищева и внешних связей произведения используются методы лингвостилистики (анализ лексикографических данных, извлечения из теоретических изысканий о развитии русского литературного языка XVIII – начала XIX в. и отчасти последующих эпох, наблюдения над языком и стилем других литературных произведений, так или иначе связанных с текстом Радищева). Иллюстративный материал отобран из канонического текста «Путешествия...» (впервые – издательство «Academia», 1935; затем – стереотипная перепечатка)³ методом сплошной выборки. При интерпретации примеров использовались традиционные для филологии

семасиологический, структурно-семантический, лингвокультурологический и историко-текстологический методы.

Анализ. В посвящении «Путешествия...» Радищев предельно точно определил основные настроения своей книги: *чувствительность, сострадание, желание противиться заблуждению*. Это одновременно ключевые слова произведения, основы понимания литературного направления, которому оно принадлежит, и главные характеристики его жанра. Действительно: во-первых, нет ни одной главы, где бы за повествованием или рассуждением нарратора-путешественника и любого из встреченных им лиц не вставали чувства, определяемые приведенными выше лексемами; во-вторых, Радищев твердо и последовательно воплощает гуманистические каноны сентименталистской эстетики, новаторски переводя их в социально-политическую плоскость; в-третьих, книга лишь по форме является путешествием, по сути воспроизводя почти утраченную к концу XVIII в. традицию нравоучительных и дидактичных трактатов (так называемых *Слов*) древнерусской литературы.

Таким образом, риторичность «Путешествия...» предопределяется своеобразным и оригинальным пониманием его жанра Радищевым. В тексте книги можно выделить известные еще с античных времен и распространенные в русской средневековой книжной традиции риторические приемы:

– анафорические конструкции (как соседних предложений, так и частей сложных предложений): *Блажен возрыдавший, надейся на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании* («Выезд»);

– риторические вопросы (они часто образуют циклы, придающие тексту ритмичность и имитирующие ораторскую речь): *Где ты? Где девалось все, что тебя прельщало? Где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта?* («Выезд»);

– риторические обращения: *О возлюбленные наши сограждане! О истинные сыны отечества! Воззрите окрест вас и познайте заблуждение ваше* («Хотиллов»);

– риторические восклицания: *Возможно ли... что в наш век, в Европе, подле столицы, в глазах великого государя совершалось такое бесчеловечие!* («Чудово»);

¹ НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.02.2024).

² Словарь русского языка XVIII в.: в 22 т. СПб.: Наука, 1984–2019 (СРЯ XVIII в.).

³ Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М.: Советская Россия, 1987. 238 с.

— их комбинации: *Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы... толикие производились жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии...?* («Спасская полость») — анафора в риторических вопросах; *О богочеловек! Почто писал ты закон твой для варваров?* («Спасская полость») — риторическое обращение и риторический вопрос;

— параллельные структуры в сложной синтаксической конструкции (внутренний период): *Рассудок скажет: собственное благо; сердце скажет: собственное благо; нерастленный закон гражданский скажет: собственное благо* («Хотилов») — в сочетании с эпифорой; *...тот, кто рачит о устройстве твоих чертогов, тот, кто их нагревает, тот, кто огненную пряность полуденных растений сочетает с холодной вязкостью северных туков для услаждения расслабленного твоего желудка и оцепенелого твоего вкуса, тот, кто воспекает в сосуде твоём сладкий сок африканского винограда, тот, кто умощает окружение твоей колесницы... все сии тунейцы, все сии лелеатели... высются надо мною* («Выдропуск») — в сочетании с анафорой.

«Путешествие...» включает и приемы речевого украшения, свойственные сентиментализму. Они имеют преимущественно заимствованный характер из западной литературы — английской, французской, немецкой (например, «цветистые» перифразы). Перифраз способен стилистически возвысить предмет повествования или рассуждения, а также скрыть что-либо, недостойное изображения с точки зрения канонов сентименталистской эстетики. Как правило, этот прием Радищев использует с определенной долей иронии по отношению к языковым вкусам своих учителей-сентименталистов: *...когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зашел на дворе колокольчик* («София»); *...взялась она за ум и, не находя больше покупателей на обветшалые свои прелести, начала торговать чужими, которые, если не всегда имели достоинство красоты, имели хотя достоинство новости* («Зайцово»).

Умолчание и намеренное сокрытие каких-либо фактов, о которых говорить в условиях жесткой цензуры невозможно, у Радищева всегда имеют иронический

подтекст. Его умолчание звучит подчас сильнее, чем прямое обличение: *Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет по почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить* («Новгород»).

Использует Радищев иронию и как стилистический прием, подразумевая под сказанным прямо противоположный смысл. Данный прием также принадлежит поэтике сентиментализма, но у Радищева он чаще всего применяется к социально-политическим явлениям, а потому не выглядит столь мягко, как у Стерна, Гете или Карамзина. Приведем пример из главы «Хотилов», где речь идет о завоевании европейцами Америки: *Заклав индейцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя бога истины, учителя кровости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают холодно-кровавое убийство порабощения, приобретением невольников куплею*.

Во многих композиционных частях «Путешествия...» звучит не ядовитая сатира, а мягкий юмор, свойственный жанру путешествия в его традиционном виде. Например, поборов в себе желание поколотить нерадивого станционного комиссара и получив свежих лошадей за двадцать копеек, данных ямщикам, автор добродушно замечает: *Итак, двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости* («София»).

Особая патетика «Путешествия...» также имеет сентименталистские истоки и опирается на традиционные для этого направления ключевые образы, объединяющие определенные слова одной лексико-тематической группы: **кровь** (*покраснеть, вспыхнуть* (метафорически — о цвете лица), *побледнеть*); **слезы** (*заплакать, зарыдать*); **гнев** (*ярость, вопль, задрожать, сотрястись*) и т. п.: *Сия мысль всю кровь во мне воспалила; Слезы потекли из глаз моих* («Любани»); *Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец сице* («Зайцово»).

Язык «Путешествия...» отличается яркими образными средствами, преимущественно метафорикой и сравнениями. Радищев использует как высокие метафоры, так и нейтральные (*нахмуренность грусти*;

дорога замучила мои бока; каменные одежды крепости; стезя рассудка; деревенские нимфы; время, вознесши косу, ждет часа удобности). Сравнения представлены в форме сравнительных оборотов и в форме сравнительных придаточных: *И полетел на исполнение, яко ветер...* («Спасская полесь»); *...век за столом сидеть нельзя, так, как всегда быть умным невозможно* («Новгород»).

При создании портретных зарисовок Радищев использовал устойчивые народные сравнения: *брови как смоль, бела как снег, красна как маков цвет, кланяется гусем*.

Характер художественных средств меняется в «Путешествии...» в зависимости от содержания и стиля композиционной части: в повествовательных, бытописательных фрагментах речевые образные средства проще, естественнее, чем в риторических отрывках, где они вычурны, цветисты, подчас напыщенны.

Образность «Путешествия...» сопрягается с важными для автора темами. В первую очередь это свобода, равноправие, честность и благородство. О них повествователь и встречаемые им люди говорят особенно выразительно. Однако нередко и смежные темы получают образное звучание, особенно если они так или иначе связаны с выше-названными первостепенными явлениями. Например, показательно оригинальное метафорическое высказывание почтенного дворянина из Крестьянцев о неразрывной связи вольности духа, твердости понятий и речи человека. Крестьянский дворянин говорит сыновьям:

Преподавая вам сведения о науках, не оставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственный, да умеете на оном изъяснить ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице не производило. <...> Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всех приложениях нужным.

«Путешествие...» отличается разветвленной системой поэтизмов — образных лексем и их сочетаний (чаще всего метафорических), которые регулярно использовались в литературных текстах конца XVIII в. и маркировали высокий «штиль» художественной

речи. Многие из них представляли собой переводы из зарубежных источников, т. е. в основе своей были интернациональны. При обучении в Лейпциге Радищев хорошо усвоил языковые черты художественной манеры своих ровесников — молодых немецких писателей, будущих идеологов «Бури и натиска» (Я. Ленца, Ф. Клингера, Г. Вагнера и др.). Но и русская школа классицизма предоставляла для него богатый арсенал поэтизмов. Так, в «Путешествие...» приходят следующие слова и обороты: *сила шестственного движения; бренность жизни; бродя из умствования в умствование; божественный ужас; грудь воздымается; взоры тускнеют; свет меркнет; ярость бессилия; уста раболепия; затмить взоры; смраднейшее рубище; светозарная риза* и многие другие. Приведенные поэтизмы концентрируются в «субъективно-лирических и патетических фрагментах» произведения, «создавая общую эмоциональную атмосферу, близкую к интонационной структуре торжественной ораторской оды» [Лебедева 2003: 346].

К числу поэтизмов относятся, несомненно, и многочисленные слова высокого «штиля» с приставкой *воз-* (*вос-*), часто используемые Радищевым на страницах «Путешествия...»: *вознущаться, воспомянуть, возрыдать, воскормить, восхотеть, встревожиться* и др. Часть этих слов была достаточно широко распространена и до XVIII в. (например, *воссылать* или *воскормить*), часть — создана в середине века (например, *вознущаться*, впервые употребленное в «Телемахиде» Тредиаковского в 1866 г.), но все они «относятся к различным жанрам высокого слога» [Замкова 1975: 165] и помогают создавать «поэтическую атмосферу» радищевской книги.

В «Путешествии...» нет главы, где бы не присутствовал самоанализ. Автор исследует не только свои чувства и переживания, но и способы их выражения, доступность для читателя. Радищевская рефлексия по поводу манеры передавать внутреннее состояние (творческая рефлексия), несомненно, открывает подобную традицию в русской литературе (о ее связи с эссе см.: [Кайда 2022: 68]). В этом отношении Радищев — предшественник Бестужева-Марлинского, Гоголя, Герцена. Его юмор в таких композиционных фрагментах также вошел в литературную традицию:

Первым речью, читатель. Дай мне карандаш и листочек бумажки. Я тебе во удовольствие нарисую всю честную компанию и тебя причастным сделаю свадебной пирушке, хотя бы ты на Алеутских островах бобров ловил («Новгород»).

К творческой рефлексии способны и лучшие герои Радищева, например его приятель Ч... Именно он, обращаясь к автору-повествователю, произносит весьма показательные в свете приведенной мысли слова:

...что я ни скажу, все слабо будет в отношении моего чувства. Да и если бы я мог достаточно дать черты каждому души моей движению, то слабы еще были бы они для произведения в тебе подобного тем чувствованиям, какие в душе моей возникали и теснились тогда («Чудово»).

В традиционном стиле сентиментализма выстроено общение повествователя с читателем: автор обращается к нему (*Не обличи меня, любезный читатель...*), делает «технические» замечания о ходе композиционного движения произведения в его восприятии (*Но, любезный читатель, ты уже зеваешь. Полно, видно, мне снимать силуэты*), руководит осмыслением излагаемого (*Сравните то и другое; выбор наш не будет затруднителен*) и т. п. Этот композиционный прием общения с читателем станет затем весьма популярен у романтиков и перейдет в литературу последующих эпох.

Имена собственные, употребляемые Радищевым, показывают широкие идейные связи текста «Путешествия...» с европейской культурной традицией: здесь древнегреческие (в том числе мифологические) топонимы (*Пафос, Амафонт, Афины, Спарта, Троя, Карфаген* (в тексте — *Карфага*)); библейские антропонимы (*Моисей, Авраам, Соломон*), имена античных поэтов, философов, законодателей и историков (*Вергилий, Гораций, Сократ, Аристотель, Марк Аврелий, Тит Ливий, Тацит*), европейских реформаторов, просветителей и правоведов (*Лютер* (в тексте — *Лутер*), *Вольтер, Гроций, Монтескье* (у Радищева — *Монтескью*), *Лафатер* (в тексте — *Лаватер*)), фамилии представителей европейского искусства (французского художника-мариниста *Верне* (в тексте — *Вернет*)), путешественников (*О Кук! Почто ты жизнь свою провел в трудах и лишениях?*), богов и богоучителей (*Иегова* (в тексте — *Егова*), *Юпитер, Брама, Конфуций, Зороастра*) и многие другие.

О вписанности «Путешествия...» в историю отечественной и мировой культуры, об огромной эрудиции его автора свидетельствует упоминание прецедентных текстов и имен (в частности, «Недоросля» Фонвизина и его героя Кутейкина в главе «Подберезье», римского республиканца Марка Катона из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха в главе «Крестьяцы», пылкого возлюбленного Леандра из античного мифа про Геро и Леандра в главе «Валдай», Дон Кихота (у Радищева — *Дон Кишот*) в главе «Завидово» и др.). Приводятся в тексте и прямые цитаты из художественных, философских и научных произведений разных народов и эпох; особенно богато ими «Краткое повествование о происхождении цензуры» в главе «Торжок», где цитируются Светоний, Тит Ливий, Тацит, Сенека, Амвросий Ауперт (у Радищева — *Оперт*), Гердер, римский папа Александр VI и др. Здесь же приводятся точные названия их работ, указаны годы написания и прочая информация.

Таким образом, прецедентный фон «Путешествия...» действительно значителен.

В лексической ткани «Путешествия...» важнейшую роль играют, конечно, славянизмы. Среди них преобладают собственно церковнославянизмы: *ты един даешь крепость; сей град; быстрый мраз; отнимало у кормила направление; зреть облачный день; все сие было отринуто; все злое, еже сотворили*.

Большой класс составляют так называемые «стилистические славянизмы» «Путешествия...» [Максимов 1969]: *приличались в обмане; соглядал черты природы; сопутник мой; зритель позорища; словуты в коленях земнородных*.

Показательна для Радищева актуализация отдельных архаических для его времени значений, восходящих к древнеславянской этимологии. Например: *господь* — «господин»: *Недостойные преступники, злодеи! Вещайте, почто во зло употребили доверенность господи вашего?»* («Спасская полесь»); *упругий* — «стянутый, сжатый, твердый»: *едва... они начали от него удаляться, упругая сия душа смягчилась* («Крестьяцы»).

Следует отметить новообразования Радищева, созданные по типу церковнославянизмов: *столпите* камень на камень до самых облаков («Новгород») — «выкладываете

в столп, друг на друга»; *сердце разлило свое избыточество* («Зайцово») — ‘чрезмерную переполненность’; *кормилец нашей тощеты* («Хотилов») — ‘худобы, изможденности’.

Из церковнославянской риторической традиции Радищев черпает особую стилистическую нагрузку сложных слов, которые имеют как устоявшийся языковой статус (для текстов высокого «штиля»), так и отпечаток авторского творческого начала (разного рода новообразования конца XVIII в.). Всего таких слов в «Путешествии...» около четырехсот [Литовченко 1967: 83].

Традиционными для церковной и высокой риторики эпохи Радищева являются, например, следующие слова, часто используемые на страницах «Путешествия...»: *любомудрие, подобострастие, серебролюбивый, раболепие, мягкосердный, вольномыслие, человеколюбивый, тщеславие, любочестие*.

По наблюдению лингвистов [Виноградов 1982; Литовченко 1967], сложные новообразования в «Путешествии...» распределяются по нескольким деривационным группам: 1) созданные по иноязычным образцам, т. е. фактически переведенные: *самоодобрение, времяточие, чиновосочетание, властнодержавный, бредоумствование*; 2) возникшие в эпоху Радищева или несколько ранее на отечественной почве (в том числе по церковнославянским образцам): *маловажный, благоучрежденный, всещедрый, пагубноносный*; 3) неологизмы самого Радищева (также преимущественно славянского типа): *мимоидуций, градодержатель, всесовершенно, законоположение, единожитие; царедворский, зеркаловидный, сладкопение, всеополчение, коловращающийся*.

Обзор неологии Радищева позволяет заключить, что ее «славянские истоки настолько глубоки, что иные его неологизмы почти не отличимы от старых церковнославянских слов, можно сказать, они замаскированы под церковнославянизмы... Отсюда рождается вывод о том, что его новое стояло на твердом основании (фундаменте) старого» [Алексеев 1977: 105].

Особое место в тексте занимает активно формировавшийся во второй половине XVIII в. деривационный класс слов на *-ние*. «Структурно-семантическое единство этих слов, специфика их семантики (опредмеченная процессуальность или

результативность. — Д. Р.) способствовали тому, что на всем протяжении развития языка... именно этот разряд слов служил постоянным источником пополнения сначала книжной, канцелярски-деловой, позднее научной и общепотребительной лексики» [Мальцева и др. 1975: 113]. Это в максимальной степени способствовало стилистическому замыслу Радищева: осязаемая связь с древней церковной, книжной языковой традицией и вместе с тем ее перенесение в литературную и стилистически не маркированную сферу. Подобные существительные встречаются почти на каждой странице радищевского произведения. Среди них можно отметить как уже укрепившиеся в языке формы (*произращение, прокормление, делание, погубление, зыбление, кривление, пожигание*), так и грамматические новообразования автора (*возседание, произречение, настижение, присутствие, спарение, свирепствование*; последнее — наряду со *свирепство*, которое также впервые употреблено в «Путешествии...»).

Показательно, что при наличии в языке грамматических параллелей форм на *-ние* с лексемами без этой финали (например: *властование — власть, надевание — надежда, шумление — шум, любление — любовь* и т. п.) Радищев всегда отдает предпочтение первому. Это объясняется важной для него связью вышеназванных вариантов слов с церковнославянской книжной традицией.

Данная группа лексических единиц отчетливо показывает сознательное стремление Радищева к архаизации языка произведения в соответствующих композиционных частях. Среди конкурирующих форм существительных на *-ние*, образованных от видовых глагольных коррелятов, Радищев выбирает более старые. Например, он использует существительное *расстояние* (*расстояние отца с детьми, последнее расстояние* и др.) от глагола совершенного вида, но не употребляет *расставание*, образованное от глагола несовершенного вида.

В целом же «Путешествие...» показывает общеязыковую тенденцию расширения сферы использования субстантивных форм на *-ние*: их перенесение из книжного и делового дискурса в литературные произведения, отражающие «живую разговорную речь, — дневники, письма, путевые заметки и пр.» [Мальцева и др. 1975: 145],

что свидетельствует о чуткости Радищева к языковым новациям и его влиянии на становление языка последующей русской художественной литературы.

Еще более продуктивный во второй половине XVIII в., чем *-ни-*, суффикс *-ость* послужил для Радищева источником многих грамматических неологизмов (*светозарность, прелестность, оберегательность, нахмуренность* и др.). В «Путешествии...» впервые употреблены такие ныне широко распространенные слова, как *смертоносность, плавность, первобытность, несообразность, девственность, убедительность*.

Иноязычная лексика, новая для того времени, также используется в «Путешествии...». Преимущественно это лексика французская: *Что за манер выезжать из города ночью?* («София»); *...я нашел случай продать дом на выгодных кондициях* («Спасская полесь»); *...в суждениях о вещах нравственных и духовных начинается ферментация* («Подберезье») и др. Изредка встречаются и «свежие» для конца XVIII в. латинизмы и германизмы: *апелляции* на оное нет («Новгород»); *У римлян было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицио, то есть снискание или обхождение* («Крестцы»); *был секретарем в губернском штате* («Подберезье»).

Для «риторического утяжеления» стиля Радищев специально использует отдельные устаревшие для его времени фонетические варианты заимствованных слов. Так, существительное *муза* употребляется Радищевым в качестве родового антропонима и передается как *Мусса* (*убежище Мусс; в жилище, для Мусс уготованном*), а существительное *театр* и прилагательное *театральный* приводятся как *феатр* (*директор феатра*) и *феатральный* (*феатральное сочинение, феатральные девки*), что было характерно для 1710-х гг.

Просторечие присутствует в «Путешествии...», с одной стороны, в речи персонажей и показывает невежество, грубость, низость помыслов и т. д. критикуемых героев; с другой — в авторском нарративе, где служит средством демократизации языка, разрушения классицистических догматов стилистической однородности литературного произведения.

Приведем примеры просторечия (лексического и фразеологического) в авторской

речи: *кибитка толкнулась; вскочил, не продрав еще глаз; что я подтибрил; пялит глаза на всякого мужчину* (из речи жены присяжного в главе «Спасская полесь»); *Трое вдруг молодцов стали около Анютки свататься; но Иван всех отбоярил. Они тем и сем, но не тут-то. А Ванюха тотчас и подцепил...* (из речи возницы в главе «Едрово»).

В просторечном стиле выдержана вставка в главу «Зайцово», которую рассказчик именует «басней», представляющая собой воображаемый разговор двух престарелых кумушек о замужестве (там используются лексемы *женишок, табакерочка, бирюльки, дрянь*, фразеологизм *колесом вертеться*, обращение *матка моя!* и т. п.).

Просторечие свойственно у Радищева преимущественно людям дворянского или купеческого сословия. Речь крестьян вежлива, грамотна, стилистически выдержанна. Простолудины, как правило, умны, исполнены внутреннего достоинства. Вспомним степенного дворового Ивана из главы «Городня» или рассудительного пахаря из главы «Любани». Последний говорит слогом лейпцигского студента: *Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?*

Конечно, Радищев идеализирует крестьян, но делает это вполне сознательно. Такова одна из основных тенденций его произведения — доказать, что народ ничем не хуже своих господ (и говорит точно так же). Разумеется, в этом проявляется влияние сентименталистской традиции. Однако к нему добавляется уникальная для того времени личностная точка зрения Радищева, воспринимавшего боль ближнего как свою собственную. В такой подаче речи героев-крестьян заключено для автора уважение к ним, восприятие их как равных себе и всему дворянскому сословию.

Разумеется, эта речь звучит несколько искусственно и оправдывается исключительно обозначенной выше идейно-художественной тенденцией. Но Радищев был способен воспроизводить и живую речь представителей различных сословий, индивидуализировать ее применительно к конкретному герою. Так, присяжный из «Спасской полести», рассказывающий жене историю про государева наместника, любившего

устрицы, наделен яркой самобытной речевой характеристикой. Во-первых, он сознательно стилизует свою историю под сказку, начиная ее по-народному традиционно *Жил-был...*, а на упрек жены за возможный вымысел отвечает как настоящий сказитель: *...верь, коли хочешь*. Во-вторых, в его речи присутствуют черты разговорного стиля: обильное просторечие (*кто тебя толкает в шею, выпить два крючка сивухи, шасть курьер в двери*), междометия и звукоподражания (*И ну-ну-ну, ну-ну-ну... вплоть до Питера; Тинь-тинь... Едва у городских ворот услышали звон почтового колокольчика...*), пословицы и поговорки (*не подамся вперед ни на палец; Но царь жалует, а псарь не жалует; то бы было не житьё, а масленица*). В-третьих, его речь отличается частными характеристными особенностями: он субстантивирует признаковые слова, опуская определяемые существительные (*— Поспешай, мой друг, — вещает ему униженный орденами, — поспешай...*), придавая субстантиватам ироничное звучание. Ирония — отличительный речевой признак этого персонажа. Именно он произносит с явной улыбкой: *Книга казначейская пошла на ревизию, но устерсами не пахнет*.

Вместе с тем Радищев — в традиции Сумарокова, Фонвизина, Княжнина — подробнее и детальнее создает речевые портреты персонажей деятельных, активных, «бойких» (чаще — отрицательных, но не только их: вспомним, например, так полюбившуюся автору-путешественнику Анюту из главы «Едрово», которая, по замечанию ямщика, *не одному... нос утерла*). Герои-резонеры, в уста которых вкладываются «высокие истины», в том числе и те, с которыми согласен сам автор, в поведенческом плане статичны, а по речевым характеристикам достаточно однообразны и схематичны (например, авторский друг из главы «Чудово» или семинарист из «Подберезья»).

Сам путешественник-рассказчик, способный к яркой разговорной речи (преимущественно на бытовые темы — см. главы «Валдай», «Едрово»), также явно теряет «языковую живость» в тех композиционных частях произведения, которые посвящены моральным и социальным проповедям. Сказанное вполне объяснимо и наследием литературной стилистики XVIII в., и опытом сентиментализма. Проповедник,

нравственный учитель (вроде фонвизинских Правдина и Стародума) должен говорить «высоким слогом», который по набору используемых языковых ресурсов гораздо беднее и прямолинейнее, чем «слог посредственный» и тем более «низкий» (вспомним, например, благоспитанного и мудрого дворянина из Крестьянов, поучающего уезжающих сыновей). Радищев старается композиционно и отчасти жанрово выделить нравоучительную риторiku из общего развертывания повествования. Так, сон героя в «Спасской полести» представлен как своеобразный сказ, подчеркивающий исключительные личностные качества путешественника.

Отдельные фрагменты «Путешествия...» характеризуются столкновением стилистически высоких и сниженных слов, что было свойственно лингвопоэтике произведений конца XVIII в.: *паки захрапел; кусал персты; лижущему мою десницу*.

В обиходно-бытовых фрагментах произведения Радищев использует отдельные канцеляризмы и «финансовые» слова: например, встречающиеся в тексте главы «Спасская полость» слова *жалобница* и *промен* (*напишу жалобницу в высшее правительство; промен берешь со всех, а с ним не делишься*):

Жалобница — Канц. Заявление с изложением жалобы (старое слово, при Екатерине II принятое как официальное наименование прошения на имя государыни вместо челобитной)⁴;

Промен — Плата за обмен или размен одних денег на другие, крупных на мелкие и пр.⁵

В главе «Городня» употребляется термин *экономическое селение* (т. е. селение, переданное в государственную казну после упразднения церковного землевладения).

Устаревшие для эпохи создания произведения грамматические (морфологические) формы являются важной стилистической чертой риторических фрагментов «Путешествия...». В тексте можно отметить архаические формы:

— имен существительных: *бесполезна на земли; первому зодчию; для первого дни*;

⁴ СРЯ XVIII в. Т. 7. С. 92.

⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 3 т. Т. 3. СПб.; М.: Типография Вольфа, 1882. С. 498.

— имен прилагательных: *хвостовство древняя порода; человек робкия души*;
— местоимений: *горесть разлуки моя; содрогания, самая кончины мучительнее*;
— числительных: *в полуторе версте; родился хлеб сам-четверт*;
— глаголов: *изжени чернь; возляги на одре твоём; колико согреших пред вами*;
— причастий: *увидит его изнемогающа в достижении берега; тягчит его согбенна*.

Всегда в архаических формах в «Путешествии...» выступают атематические глаголы: *я есмь Истина, деяния суть жертва; вы есте под властью моею; веси, отец всещедрый*. Радищев воскрешает устарелые собирательные формы: *былие свое, терние и волчец* (в составе библейского фразеологизма), *освободим братию нашу, свое крылие*.

Топоним *Новгород* в «Путешествии...» последовательно склоняется в обеих частях — так, как это было в древнерусских текстах: *от Новгорода, к Новгороду, в Новгороде*.

Радищев создавал отдельные потенциальные грамматические формы по типу древних (например, *предваряй, невозмогай, скончаевает, исполнися*), которые нередко употреблялись не в соответствии с правилами древнерусской и церковнославянской сочетаемости. Г. О. Винокур отмечал, что многие древние грамматические формы у Радищева «нельзя рассматривать для этого времени иначе, чем стилизацию», направленную на создание «стихий гражданского витийства и политического пафоса» [Винокур 1991: 236].

Радищев, как правило, дифференцирует употребление форм инфинитива на *-ти* и на *-ть*. Старые формы на *-ти* (глаголать, селити, воротитися и т. п.) используются преимущественно в авторских социально-политических рассуждениях и риторических частях произведения, написанных от лица как путешественника, так и героев-резонеров. Инфинитивные формы на *-ть* (говорить, ненавидеть, лелеяться и т. п.) чаще встречаются в повествовательных фрагментах и в речи героев-деятелей. На эту особенность литературы конца XVIII в. указывал В. Д. Левин, считавший ее одним из способов маркировки «высокого» и «низкого» в событийном ряду художественного произведения, характеристике героев и т. д. [Левин 1964: 95]. Однако следует отметить,

что в «Путешествии...» Радищева такое противопоставление является лишь общей тенденцией, но не строгой закономерностью. Возможны сопряжения инфинитивов на *-ти* и *-ть* в одном композиционном фрагменте и в одном контексте. Например, в «высоком» отрывке «Проекта в будущем» из главы «Хотилово» читаем: *...не мни убо, что любити можно, его же бояться нудятся*.

Морфологии «Путешествия...» свойственно частое употребление субстантивированных прилагательных и причастий. Это наследие древнерусской риторической традиции: *узрев издали родшего их в такой печали, возрыдали; птенец пернатых не ищет помощи от произведших его*.

Синтаксис «Путешествия...» характеризуется устаревшими формами управления:

1) беспредложное управление в тех случаях, когда по более поздним нормам требуется предлог: *избави скорби, близстоящего меня, протекающий кровь мою*;

2) предложное управление в тех случаях, когда по более поздним нормам предлог не нужен: *облегчил от податей; родил тебя в вожди*;

3) управление, изменившее падеж: *возмогут вся, сочувствовали мою опасность, предстаньте перед судию вашего*;

4) управление, изменившее предлог: *умри на добродетель, заслуга ко обществу*.

Устарелый свободный порядок слов, затрудняющий понимание фраз, свойствен стилю Радищева в большей степени, чем стилю Державина, хотя именно последнего считают «мастером синтаксических неурядиц»: *Но следоватъ возмнвивый рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец* («Крестьяны»); *Запустелые нивы сего обновленного сильными природы потрясениями полукружия почувствовали соху...* («Хотилово»).

Частотны для риторических фрагментов текста архаические формы присоединения придаточных в сложноподчиненных предложениях: *Достойно бо, да вкусит трудившийся плода трудов своих* («Спасская полость»); *Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде не делатель ее?* («Хотилово»).

Среди них особое место занимает древняя синтаксическая конструкция с дательным самостоятельным, которая отсылает читателя к поэтике древнерусской литературы: *Возвещашиу сие старцу, юношеский румянец*

покрыл сморщенные ланиты его («Крестьяцы»); В училищах, юным вам сущим, преподавали вам основания права... («Хотилово»).

Синтаксической архаикой является использование подлежащего в придаточном предложении и его пропуск в главном, если придаточное препозитивно: *Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин* («Крестьяцы»).

Вместе с тем Радищев использовал синтаксические новшества, приемы образной разговорной речи, которые появлялись в частях «Путешествия...», лишенных риторики и публицистичности. Примером может служить парцелляция при ироничном рассказе о гулящих девицах: *Любовная летопись гласит, что валдайские красавицы от любви не умирали... разве в больнице* («Валдай») — или ряд однородных членов с метафорическими повторами и антитезой при сравнении городских и сельских девушек: *У вас на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажка* («Едрово»).

Заметно в синтаксисе «Путешествия...» иноязычное влияние. Радищев использует калькированные немецкие синтаксические конструкции (например, с «осложненным инфинитивом в составе сказуемого» [Мещерский 1981: 177]): *...намерение мое при сем было то, чтобы сделать его чистосердечным* («Спасская полость»). К числу стилистико-синтаксических германизмов относятся и конструкции с метафорической грамматической основой, воспринятой Радищевым, как правило, из произведений немецкого сентиментализма: *Превращенные точностью воинского повиновения в куклы, отъемлетя у них даже движения воля, только живым веществам свойственная* («Хотилово»).

К числу заимствованных из французского языка принадлежат независимые дееспричастные обороты: *Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира* («Любани»); *Совершив мою молитву, ярость вступила в мое сердце* («Чудово»).

В стиле «Путешествия...» диалектически сочетаются прямо противоположные тенденции: стремление к риторической исконно русской архаике и чуткость к самым свежим иноземным новшествам, желание сделать слог «высоким» и обильное использование сниженных элементов, расчет на

просвещенного, образованного читателя и внедрение простонародных речевых форм. Это обусловлено спецификой воззрений Радищева на различные предметы изображения, в этой диалектике заключается сущность его мировоззрения как уникальной личности и как представителя своего (переходного и противоречивого) времени. Несмотря на любовь к древней книжной культуре Руси, писатель — активный сторонник демократизации общественного устройства, языка и подходов к образованию. В главе «Тосна» он откровенно сатирически представляет стремление отдельных дворян доказать древность своего рода и иронизирует над собратьями, кичащимися своим боярством и гербами. Стряпчему, собирающему бумаги о дворянах «древней породы», путешественник советует продать их в Петербурге «на вес разносчикам для обертки». Убежденность дворян в их превосходстве над другими сословиями он называет «злом».

В тексте «Путешествия...» впервые используются сделанные автором записи произведений устного народного творчества. В ставшей классикой отечественной филологии «Истории фольклористики» М. К. Азадовский отмечал: «Рекрутская причеть в «Городне» является первым известным нам образцом этого вида народного творчества. <...> Подлинность плача совершенно бесспорна» [Азадовский 1958: 98]. Нужно отметить, что Радищева особенно привлекали малые фольклорные жанры, которые ныне включаются филологами в сферу «фразеологии в широком понимании»: пословицы, поговорки, меткие слова и речения (афоризмы) и т. д. Приведем примеры из текста «Путешествия...»: *С погодою не сладишь; по пословице: тише едешь — далее будешь, — вылез я из кибитки и убежал в первую избу; не дал бы им покоя денно-ночно* («Спасская полость»); *Лекарство со мною хотя всегда ездило в запасе, но, по пословице: на всякого мудреца довольно простоты, — противу бреду я себя не предостерег...* («Подберезье»).

Пушкин упрекал Радищева в том, что тот в «Путешествии...» не «поговорил о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии» [Пушкин 1964: 292]. Но Радищева интересовал не сам фольклор, а то в народном творчестве, что

дает повод «поговорить» (если пользоваться пушкинским словом) о социальных проблемах. Действительно, Радищев не записывал народных песен, сказок, былей. Зато, по наблюдениям А. А. Костина, по дороге в Сибирь и из Сибири он тщательно фиксировал легенды, топонимические и исторические предания. На аналогичных подлинно народных текстах (анекдотах, преданиях, слухах), которые Радищев называл «повестями», «основаны некоторые важные эпизоды "Путешествия из Петербурга в Москву"» [Костин 2013: 319]. Реальную подоплеку народных преданий можно отметить в сюжетах «Валдая», «Едрова», «Городни». В сластолюбивом барине из «Едрова» сама Екатерина II узнала А. В. Салтыкова, которого крестьяне хотели убить во время Пугачевского бунта и «слух» о мерзостях которого достиг даже императорских ушей [Бабкин 1952: 161].

Радищев создает весьма примечательную собственную афористику, которая хотя и не получила широкого распространения, тем не менее весьма заметна и важна в самом произведении, ставшем одним из символов русской культуры и просвещения. Эта афористика в значительной мере способствует продвижению главных идей автора и организует «проблемные сгустки» текста: *На казенные денежки дыр много; Кто пал мертв или обездорожен, тот и виновен; Запрещать дурачество есть то же, что его поощрять; Но власть когда краснела?!*

Текст «Путешествия...» стилистически неоднороден. Радищев существенно меняет языковой «рисунок» глав в зависимости от их содержания и авторской интенции. Когда событийное содержание уступает ведущую роль размышлениям, когда изображаются видения или сны, когда какой-либо случай иллюстрирует уже выдвинутый автором тезис, язык книги значительно утяжеляется: появляется больше церковнославянизмов, устарелых грамматических форм, предложения удлиняются, синтаксис приближается к вязи «плетения словес». И наоборот, когда Радищев изначально отталкивается от какой-либо жизненной ситуации, свидетелем которой он был или о которой достоверно знает, когда его в первую очередь занимает желание максимальной правдивости, точности изображения, когда он воспроизводит реально

наблюдаемые картины, язык повествования заметно оживляется: появляются элементы просторечия, фразеология, «эlegantные» слова иноязычного происхождения, синтаксис существенно облегчается и упрощается.

Подобная стилистическая динамика иногда свойственна одной главе, если она включает несколько объемных и неоднородных по содержанию композиционных фрагментов. Например, глава «Спасская полесь» распадается на четыре стилистические части: ночной разговор присяжного с женой, который неволью слышал путешественник; рассказ молодого купца, попавшего в сети судейских несправедливостей; размышления автора о прослушанной «горестной повести»; сон, пригрезившийся путешественнику, взволнованному судьбой встреченного молодого человека. По мере композиционного развертывания главы стиль все более «утяжеляется». Особенно архаично и риторически грузно написан сон автора. Вот пример одной синтаксической конструкции из него:

Подобно как в мрачную атмосферу, густым туманом отягченную, проникает полуденный солнца луч, летит от жизненной его жаркости сгущенная парами влага и, разделенная в составе своем, частью, улегаясь, стремительно возносится в неизмеримое пространство эфира и частью, удержав в себе одну только тяжесть земных частиц, падает низу стремительно, мрак, присутствовавший повсюду в небытии светозарного шара, исчезает весь вдруг и, сложив поспешно непроницаемый свой покров, улетает на крыльях мгновенности, не оставляя по себе ниже знака своего присутствования, — тако при улыбке моей развеялся вид печали, на лицах всего собрания поселившийся; радость проникла сердца всех быстромерно, и не осталось косо-го вида неудовольствия нигде.

Следует отметить, что рассказ молодого купца, опутанного судейскими злодеем, казуистически трактуемыми законами, и доведенного в отчаянии почти до самоубийства, открывает в отечественной литературе горькую традицию изображения бессилия честного человека перед мнимой беспристрастностью власти. Безнадежная эмоциональная тональность этой композиционной части «Спасской полести» будет затем в точности (осознанно или бессознательно) воспроизведена в драме

А. В. Сухова-Кобылина «Дело». А гротесковые стилистические нагромождения заключительной части этой радищевской главы (сна путешественника) с новой силой зазвучат в конце 1860-х гг. в «Смерти Тарелкина» и станут ее основной лингвопоэтической чертой. В XX в. эту традицию продолжит Е. И. Замятин в антиутопии «Мы».

Выводы. Книга Радищева неоднозначно оценивалась как современниками, так и потомками. Признавая ее идейную ценность, предельную честность и беспрецедентную смелость автора, критики и филологи отмечали тяжеловесность и неуклюжесть стиля, композиционную неоднородность, диспропорциональность частей, чрезмерную риторичность и т. п. За Радищевым многие, начиная с Пушкина, не признавали оригинального писательского таланта. Между тем в отечественной литературе трудно найти произведение столь же глубоко продуманное во всех его составляющих. Радищев, ставя на первый план идеологические задачи, вместе с тем тщательно разрабатывал и форму своей книги.

Отталиваясь от канонов сентиментализма и отдавая им дань, опираясь на регламентирующие достижения классицизма, он создал своеобразный стиль, синтезирующий как минимум три разнородные языковые стихии: литературную эмоционально-чувственную, публицистическую гражданственно-риторическую и разговорную повседневно-обиходную. Радищев подчинил стилистическим задачам композицию своего произведения, точно подобрал конкретно-языковое наполнение каждого из названных стилистических регистров и добился их неукоснительного служения идейному замыслу.

В результате в русской литературе возникла единственная в своем роде книга, искренностью и выразительностью не оставляющая равнодушными уже многие поколения читателей. Она оказала влияние на развитие русского литературного языка, укоренив в нем ряд лексических новообразований автора и создав важный прецедент творческого использования разноречивых по происхождению ресурсов. Эта книга повлияла на становление и лингвистическое оформление отечественной эссеистики, общественно-политической публицистики, сатирических

жанров, стала заметным этапом в эволюции жанра путешествия. «Своей колоссальной амплитудой стилистических колебаний “Путешествие...” наметило обширную область, внутри которой разместилось реальное множество текстов того и последующего времени» [Алексеев 1977: 109].

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. Истрия русской фольклористики: в 2 т. Т. 1. М.: Учпедгиз, 1958. 479 с.
2. Алексеев А. А. Старое и новое в языке Радищева // XVIII век. Сборник 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л.: Наука, 1977. С. 99–112.
3. Бабкин Д. С. Процесс А. Н. Радищева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 360 с.
4. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
5. Винокур Г. О. Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина // Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. С. 228–296.
6. Замкова В. В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. Л.: Наука, 1975. 223 с.
7. Кайда Л. Г. Эссе: стилистический портрет. М.: Флинта, 2022. 182 с.
8. Костин А. А. А. Н. Радищев как фольклорист // XVIII век. Сборник 27: Пути развития русской литературы XVIII века. СПб.: Наука, 2013. С. 310–325.
9. Лебедева О. Б. Жанровая система русской сентименталистской прозы в творчестве А. Н. Радищева // Лебедева О. Б. История русской литературы XVIII века. М.: Высшая школа, 2003. С. 327–365.
10. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. (Лексика). М.: Наука, 1964. 407 с.
11. Литовченко Е. И. Сложные слова в «Путешествии» А. Н. Радищева // Ученые записки Омского государственного педагогического института. Вып. 29. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1967. С. 82–93.
12. Максимов Л. Ю. Славянизмы в языке «Путешествия из Петербурга в Москву» // Русский язык в школе. 1969. № 6. С. 8–15.
13. Мальцева И. М., Молотков А. И., Петрова З. М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. Л.: Наука, 1975. 375 с.
14. Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л.: ЛГУ, 1981. 279 с.
15. Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Наука, 1964. С. 268–305.

REFERENCES

1. Azadovsky M. K. The history of Russian folkloristics: in 2 vol. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz Publ., 1958. 479 p. (In Russ.)
2. Alekseev A. A. The old and the new in Radishchev's language. *XVIII vek. Sbornik 12: A. N. Radishchev i literatura ego vremeni = 18th century. Collection 12: A. N. Radishchev and the literature of his times*. Leningrad: Nauka Publ., 1977. P. 99–112. (In Russ.)
3. Babkin D. S. The process of A. N. Radishchev. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952. 360 p. (In Russ.)
4. Vinogradov V. V. Essays on the history of the Russian literary language of the 17th–19th centuries. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1982. 528 p. (In Russ.)
5. Vinokur G. O. The heritage of the 18th century in Pushkin's poetic language. *Vinokur G. O. O yazyke khudozhestvennoi literatury = On the language of fiction*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1991. P. 228–296. (In Russ.)
6. Zamkova V. V. Slavicism as a stylistic category in the Russian literary language of the 18th century. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 223 p. (In Russ.)
7. Kayda L. G. An essay: a stylistic portrait. Moscow: Flinta, 2022. 182 p. (In Russ.)
8. Kostin A. A. A. N. Radishchev as a folklorist. *XVIII vek. Sbornik 27: Puti razvitiya russkoi literatury XVIII veka = 18th century. Collection 27: Ways of development of Russian literature of the 18th century*. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2013. P. 310–325. (In Russ.)
9. Lebedeva O. B. The genre system of Russian sentimentalist prose in the works of A. N. Radishchev. *Lebedeva O. B. Istoriya russkoi literatury XVIII veka = History of Russian literature of the 18th century*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2003. P. 327–365. (In Russ.)
10. Levin V. D. Essay on the stylistics of the Russian literary language of the end of the 18th and beginning of the 19th centuries (Lexicon). Moscow: Nauka Publ., 1964. 407 p. (In Russ.)
11. Litovchenko E. I. Compound words in "Journey" by A. N. Radishchev. *Uchenye zapiski Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 29 = Scientific notes of Omsk State Pedagogical Institute. Iss. 29*. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izd-vo, 1967. P. 82–93. (In Russ.)
12. Maksimov L. Yu. Slavisms in the language of "A Journey from St. Petersburg to Moscow". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1969;(6):8–15. (In Russ.)
13. Maltseva I. M., Molotkov A. I., Petrova Z. M. Lexical neologisms in the Russian language of the 18th century. Leningrad: Nauka Publ., 1975. 375 p. (In Russ.)
14. Meshchersky N. A. History of the Russian literary language. Leningrad: LSU Publ., 1981. 279 p. (In Russ.)
15. Pushkin A. S. Journey from Moscow to Petersburg. *Pushkin A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 10 t. T. 7 = Complete Works: in 10 vol. Vol. 7*. Moscow: Nauka Publ., 1964. P. 268–305. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор

Dmitry A. Romanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 25.04.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 25.04.2024.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-61-69>

Лингвопоэтический анализ рассказа В. М. Шукшина «Приезжий» (к 95-летию со дня рождения)

Галина Васильевна Ануфриева

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия, agybarnaul@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6140-690X>

Аннотация. Данная статья посвящена изучению поэтики малой прозы В. М. Шукшина. Цель работы заключается в представлении целостного лингвопоэтического анализа отдельно взятого произведения и в описании образа автора в нем. Материалом для изучения послужил рассказ «Приезжий», относящийся к периоду позднего творчества В. М. Шукшина. Анализ текста проводился на основе лингвопоэтического подхода в сочетании с функционально-имманентным и ретроспективно-проекционным методами. В работе охарактеризована жанровая природа рассказа, проанализированы формально-содержательная организация, композиционно-речевая структура и уровень языковых средств, репрезентирующих речевые партии повествователя и персонажей. Установлено, что с точки зрения жанровой характеристики рассказ «Приезжий» представляет собой новеллистическое повествование, которому свойственны сюжетная емкость, лаконичность повествования, ретроспективность, формирующая бытийный хронотоп, парадоксальность ситуации, сценичность, остроконфликтная динамика сюжета, неожиданность концовки, одномоментное познание жизни. В результате анализа выявлено, что в композиционно-речевой структуре рассказа доминирующим речевым слоем является речевая партия персонажа, представленная диалогом или внутренним диалогизированным монологом. Диалог формирует остроту конфликтного столкновения персонажей – носителей разных хронотопов. Речевая партия повествователя реализует функцию драматической ремарки комментирующего характера. В статье определена особенность проявления авторского «я» в рассказе «Приезжий». Образ автора отличается динамичностью, которая задается, с одной стороны, диалогом как основной формой речи, с другой стороны, перемещением повествователя по пространственно-временной перспективе текста.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, «Приезжий», лингвопоэтический анализ, композиционно-речевая структура текста, образ автора

Для цитирования: Ануфриева Г. В. Лингвопоэтический анализ рассказа В. М. Шукшина «Приезжий» (к 95-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 61–69. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-61-69>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Linguopoetic analysis of V. M. Shukshin's short story "The Visitant" (to the 95th anniversary of the birth)

Galina V. Anufrieva

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia, agybarnaul@inbox.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6140-690X>

Abstract. The article studies the poetics of V. M. Shukshin's short prose. The research aims to present a holistic linguopoetic analysis of a particular work and to describe the author's image in it. The material for the study was the short story "The Visitant" dating back to the period of V. M. Shukshin's later writings. The text was examined on the basis of a linguopoetic approach in conjunction with functional-immanent and retrospective-projective methods. The paper characterises the short story genre, analyses its formal and content organisation, compositional and speech structure, as well as the level of the linguistic means representing the narrator's and the characters' speech parts. The study has established that, from the standpoint of the genre characteristics, "The Visitant" is a novella. It is characterised by a succinct plot, laconic narrative, retrospective episodes that form the existential chronotope, a paradoxical situation, theatricality, controversial plot dynamics, an unexpected ending, and instantaneous insight into life. The analysis reveals that in the compositional and speech structure of the short story the dominant speech layer is the speech part of the character. It is represented by dialogue or internal dialogised monologue. The dialogue shapes the severity of the conflict between the characters, i. e. the bearers of different chronotopes. The narrator's speech performs the function of

a dramatic commentary remark. The article identifies the peculiarity of the manifestation of the author's "I" in the story "The Visitant". The author's image is characterised by dynamism, which is determined, on the one hand, by dialogue as the main form of speech, and on the other hand, by the narrator's shifting across the spatiotemporal perspective of the text.

Keywords: V. M. Shukshin, "The Visitant", linguopoetic analysis, compositional and speech text structure, author's image

For citation: Anufrieva G. V. Linguopoetic analysis of V. M. Shukshin's short story "The Visitant" (to the 95th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):61–69. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-61-69>.

Введение. Обращение к литературно-художественному творчеству В. М. Шукшина продиктовано исследовательским интересом к идиостилю автора¹. Опираясь на результаты изучения произведений писателя как функционирующей динамической целостности [Кофанова 1998], как особой эвокационной структуры [Чувакин 19996], филологи XXI в. вновь обратились к анализу поэтического мира В. М. Шукшина [Карташова 2021; Кукуева 2020; Куляпин 2016; Москвина 2023; Токатова, Белоусова 2020; Хачикян, Конькова 2019]. Исследовательский вектор шукшиноведов направлен на выявление взаимосвязи языка и стиля прозы писателя с авторской художественной концепцией познания человека и мира.

Актуальность данного исследования обусловлена также тем, что выбранный для анализа рассказ «Приезжий» не становился предметом пристального изучения. Можно отметить лишь отдельные статьи алтайских литературоведов, представленные в Энциклопедическом словаре-справочнике, т. 3, по творчеству В. М. Шукшина². Авторы данных работ описывают проблематику произведения, символику, предпринимают попытку анализа образов персонажей, указывают на то, что «рассказ чрезвычайно интересен как в аспекте творческой эволюции писателя, так и характером

отражения его зрелой мировоззренческой концепции»³.

Рассказ «Приезжий» был написан в 1969 г., а опубликован в 1975 г. в журнале «Аврора». В черновых набросках можно увидеть несколько вариантов названия — «Месь», «Домик над Мятлою», «Он уехал?». Поиск более точного, емкого заглавия — это своего рода попытка писателя передать читателю суть содержания при первом же обращении к тексту.

Цель статьи — представить целостный лингвопоэтический анализ рассказа В. М. Шукшина «Приезжий» и выявить особенности организации образа автора в данном произведении.

Методы исследования. Для полного понимания того или иного художественного текста недостаточно постичь фабулу, важно рассмотреть взаимосвязь его жанровой характеристики со словесно-речевой структурой и композицией. Лингвопоэтический анализ дает возможность описать текст как единство формальных, содержательных и композиционно-речевых сторон, ведущих к пониманию образа автора. Именно поэтому в работе использована методика лингвопоэтического анализа, позволяющая «рассмотреть структурно-содержательную и речевую стороны текста в связи со всеми лингвопоэтическими свойствами материала» [Кукуева 2008: 56].

В ходе работы также применялись приемы функционально-имманентного и ретроспективно-проекционного анализов [Виноградов 1980], которые помогли выявить и описать жанровые особенности текста и принципы организации его художественно-речевой структуры.

Анализ. В типологии малой прозы, выделенной самим В. М. Шукшиным, рассказ

¹ Подробнее об этом см.: Куляпин А. И. Другой Шукшин: заметки о современном шукшиноведении // Сибирский филологический форум. 2020. № 2(10). С. 39–52.

² Москвина Е. А., Сафронова Е. Ю. Приезжий // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Т. 3: Интерпретация художественных произведений В. М. Шукшина. Публицистика В. М. Шукшина. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2007. С. 229–237.

³ Там же. С. 229.

«Приезжий» относится к рассказу-судьбе. Перед читателем предстает образ человека, невинно осужденного в период сталинских репрессий и реабилитированного только после смерти вождя. Долгожданная встреча с дочерью одновременно раскрывает смысл жизни героя. Мы видим, что В. М. Шукшин в этом рассказе усложняет эстетическую задачу: для него важно не просто изобразить отдельно взятый случай (о роли которого он неоднократно писал в своей публицистике), а показать ситуацию, которая высвечивает всю жизнь человека. Здесь мастерство писателя раскрывается благодаря воспроизведению хроники жизни отдельной личности и целого общества. Финский исследователь J. Tilli пишет, что «особая поэтика поздних произведений Шукшина заключается в стремлении автора видеть мир с учетом многочисленных социальных-психологических перемен, в желании принимать во внимание многообразную культурную и моральную дифференциацию современного общества» [Tilli 1979: 8].

Жанровые характеристики. Событийность и калейдоскопичность, свойственные повествованию, по мнению литературоведа С. М. Козловой⁴, сближают данный рассказ с традиционной формой новеллы – романом в миниатюре. По сути, перед нами экранная версия рассказа, которую В. М. Шукшин называл новеллой. Он считал, что подобное построение основывается на «событийности», четкой структурированности как важнейших критериях, обязательных для кино: «Мне надо делать кино. А в кино нужен “шлейф событий”... События могут быть самые заурядные, ничем особенно не примечательные, но они должны постоянно сопутствовать главной мысли, работать на нее все полтора часа экранного времени» [Шукшин 1981: 170]. Канонический жанр рассказа, сочетая описательные, психологические, лирические и субъективно-оценочные элементы, не соответствует законам сценарной техники. Синкретическая природа новеллы, заключающаяся в генетической связи устного

повествования, драмы с кинематографическим видением событий, вполне может служить реализации экранного рассказа.

На всех уровнях организации анализируемого текста реализуется спектр жанровых признаков новеллы: сюжетная емкость, лаконичность повествования, важность ретроспективных эпизодов, формирующих бытийный хронотоп, парадоксальность ситуаций и поступков персонажей, сценичность, остроконфликтная динамика сюжета, неожиданность концовки, одновременное познание жизни. Ключевыми жанрообразующими признаками являются: лаконичность повествования, сценичность, парадоксальность, столкновение бытового и бытийного хронотопов, острый конфликт с неожиданной развязкой.

Как правило, доминантные признаки проявляются в их взаимодействии. Так, например, сценичность происходящих событий сохраняется на всем протяжении повествования. Данный жанровый признак усиливается благодаря закрученной интриге, связанной с образом приезжего:

– Но как ты нашел?... Как ты попал сюда?
– Случайность...

Важную роль в содержании рассказа играют:

мотив игры:

– Вот это да! Тоже тихо сказал приезжий.
– Как в кино; Валя, я выдержу эту комедию,

парадоксальность встречи со взрослой дочерью и острая, неожиданная развязка:

– Не надо, папа. Я всегда знала, что ты есть – живой. Никто мне об этом не говорил... я сама знала <...> – Почему ты меня прогнала? – Ты мне показался жалким.

Эта встреча становится для главного героя единственной возможностью проявить себя не в маске чужака, а в образе родного человека, отца, способного открыто и смело сказать свое слово на исходе жизненных сил: *Я слаб здоровьем. Я не мог умереть, не увидев тебя... такой.*

Формально-содержательная характеристика. Композиционно текст делится на три части с четким указанием места события: беседа с председателем в сельсовете, неожиданная встреча в доме Синкиных, разговор главного героя с дочерью на

⁴ Козлова С. М. Литературные жанры // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: в 3 т. Т. 2: Эстетика и поэтика прозы В. М. Шукшина. Диалог культур. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2007. С. 43–61.

автобусной станции. Повествование в рассказе лаконичное и динамичное, что соответствует жанровой природе новеллы. Содержание концентрируется вокруг загадочного визита персонажа. Зачин новеллы сразу погружает читателя в ситуацию диалога двух собеседников: председателя и визитера. Отсутствие повествовательных фрагментов, вносящих ясность в ситуацию, не дает возможности читателю понять, кто этот гость и какова цель его приезда. Повествователь перемещается вслед за героем из одной локации в другую, раскручивая тем самым образ по спирали и усиливая этим интригу. Он именует его *приезжим, художником с золотыми зубами, гостем*, ближе к кульминации рассказа появляется имя героя — *Игорь, Игорь Александрович*, в финале мужчина обретает лишь на мгновение свою желанную роль отца: дочь называет его *папой*. Парадоксальный накал конфликтной ситуации звучит в речи главного героя. Оказывается, он приехал не отдыхать, а встретиться с дочерью, с которой его разлучили трагические обстоятельства:

Твое отчество — Игоревна. Я твой отец. Я попал в заключение... Тебе тогда было... полтора года.

Именно эти реплики становятся для читателя ключом к пониманию происходящего. Важную роль в содержании играют элементы ретроспекции, выстраивающие не только пространственно-временной каркас повествования, но и раскрывающие суть образа главного героя. Фрагменты прошлого, прорисованные пунктиром, формируют бытийный хронотоп новеллы. В диалоге Валентины с приезжим звучат только им понятные фразы-полунамеки: — *Когда ты вернулся? — В пятьдесят четвертом*. В беседе с Синкиным герой произносит реплики, проливающие свет на его прошлую жизнь: *Я, правда, предпочитаю северо-восточные ветры*. В кульминации герой словно сбрасывает с себя маску, признается, что он настоящий отец, объясняет причину своего отсутствия:

— Нет, в плену я не был. При мне — все мои документы, партийный билет и все ордена. Предателям этого не возвращают.

Смысловыми метками прошлого: *пятьдесят четвертый, северо-восточные ветры*,

не был в плену, не был предателем — очерчивается жизненный путь героя. Мужчина, прошедший через горнило репрессий, понял цену жизни. Ситуация встречи с бывшей женой, жизнь которой сложилась вполне успешно, с ее теперешним мужем (*Женщина посмотрела на мужчину — словно ей неловко было сказать, что она живет хорошо, словно ей надо извиняться за это*) — это бытовой хронотоп. В содержании новеллы бытовое время статично. Оно имеет четкую локацию — «кабинет председателя», «дом Синкиных». Замкнутость пространства указывает не только на физические координаты, но и на координаты нравственного пространства персонажей. Бытовой хронотоп актуализирует принцип «единства сцены», свойственный драматическому повествованию. В столкновении хронотопов проявляется вся сила конфликта:

С этой минуты в большом, уютном доме Синкиных на какое-то время хозяином сделался гость. У него появилась откуда-то твердость, трезвость. И он совсем не походил на того беспечного, ироничного, веселого, каким только что был.

Участники этой встречи четко осознают, что внезапный гость осуществит то, ради чего он сюда пришел: увидит дочь и расскажет ей всю правду.

Композиционно-речевая организация. Ядерным компонентом композиционно-речевой структуры текста является речевая партия персонажа, репрезентируемая диалогом, в котором представлены краткие и емкие реплики. Частотны безремарочные диалоги персонажей, которые не просто произносятся, они «разыгрываются» перед публикой. Рассмотрим фрагмент беседы председателя с главным героем в зачине рассказа:

— Как это? — *не мог понять председатель*. — Просто — куда глаза глядят?

— Да. Взял подробную карту области, — *ткнул пальцем* — Мякишево. М-м, Мякишево... Попробовал на вкус — ладно. Приезжаю, узнаю: речка — Мятла. О господи!.. еще вкуснее. Спрашивается, где же мне отдыхать, как не в Мякишеве, что на речке Мятле?

— Ну, а на юг, например? В санаторий...

— В санаториях — нездорово.

— Вот те раз!..

— Вы бывали?

– Бывал, мне нравится.

– А мне не нравится. Мне нравится, где не подстрижено, не заплевано... Словом, у вас возражений нет, если я отдохну в вашем селе? Паспорт у меня в порядке...

– Не нужен мне ваш паспорт. Отдыхайте на здоровье. Вы что, художник? – *Председатель кивнул на этюдник.*

В диалоге представлены три интерпозитивные ремарки, в двух из которых содержится жестовый комментарий: *ткнул пальцем, кивнул на этюдник*. В целом беседа представлена репликами персонажей, в которых доминируют неполные ситуативные и контекстуальные предложения. Эллипсизация ремарочного компонента ведет к внешней несвязности фраз, к нарушению смысловых переходов от одного речевого слоя к другому. Создается впечатление устного рассказа, разворачивающегося перед читателем «здесь и сейчас». Благодаря такому построению диалога жизненный факт репрезентируется как «речевая действительность».

Конфликтность ситуации на уровне композиционно-речевых форм просматривается в использовании диалога непонимания, отражающего столкновение пространственно-временных хронотопов персонажей:

– У нас, главное, – воздух. Мы же – пятьсот двадцать над уровнем моря, – рассказывал хозяин.

– Нет, – *мы значительно ниже*. Хотя у нас тоже неплохо. Но у вас!.. У вас очень хорошо!

– Причем учтите: здесь преобладают юго-восточные ветры, а там – никаких промышленных предприятий.

– Да нет, что там говорить! Я, правда, предпочитаю северо-восточные ветры, – но юго-восточные – это великолепно. И там никаких промышленных предприятий?

– А откуда? Там же эти...

– Нет, это великолепно! *А как у вас с текущим ремонтом?*

Хозяин засмеялся:

– *Во-он вы куда!..* Нет, тут сложнее. Могу только сказать: юго-восточные ветры на текущий ремонт влияния не оказывают. К сожалению...

В речи Игоря Александровича с Синкиным явно просматривается нервное напряжение, их точки зрения представлены прямо и контрастно. Приезжий задает странные вопросы, делает смысловые акценты на фразах, непонятных собеседнику. В реплике *нет, мы значительно ниже* главный герой

намекает на то, что его жизнь сложилась не так успешно с бытовой точки зрения, как у Синкина. Муж Валентины упивается своим превосходством, осознанием того, что его жизнь – полная чаша: радушно приглашает гостя к столу, деловито обращается к жене, называя ее *мать, мамочка*. Приезжий принимает условия игры, отсюда повторяющиеся оценочные предложения: *У вас очень хорошо!; Нет, это великолепно!*

Диалог персонажей сочетается с театрализованным перевоплощением участников коммуникативного акта, что говорит о реализации признака сценичности на уровне речевой партии персонажей. Главный герой играет несколько ролей. Он наслаждается выбранной тактикой, подстраивается под собеседника: *Ему нравилось отвечать на вопросы. Наверное, он с удовольствием отвечал бы даже на самые глупые*. В соответствии с маской герой выбирает модель общения с другими персонажами. Сцена саморазоблачения ведет к парадоксальному и неприятному финалу:

Он не замечал, что торопится. Как будто и в самом деле скорей хотел где-то на дороге, за невидимой чертой, оставить едкую боль, которая железными когтями рвала сердце.

Экспансия диалога формирует драматическую манеру письма, соединенную с законами киносценарной техники, предполагающей свертывание авторского монолога и воспроизведение устной персонажной речи. В подтверждение сказанному сошлемся на точку зрения А. А. Чувакина: диалог «в системе композиционно-речевых форм прозы Шукшина приближает ее – прозу эпическую – к кино- и театральной прозе, делает ее лаконичной и плотной» [Чувакин 1999а: 142].

Речевая партия повествователя в новелле выведена на второй план. Повествователь предстает в разных ипостасях. В начале рассказа стилистика авторского слова приближена к устной разговорной речи: повествователь выступает как сельский житель, хорошо знающий председателя. Включенность автора в ситуацию подчеркивается лексемами, передающими его восприятие: *боком к столу, в новеньком необъятном кресле*. На какое-то время автор становится сторонним наблюдателем, о чем свидетельствуют неопределенные наречия и частица со

значением предположения в ремарках, сопровождающих беседу Игоря Александровича с бывшей женой: *Он вяло как-то сказал; Он как-то устал вдруг; Мужчина вроде опять повеселел.* В ситуации встречи героя с дочерью автор представлен в ипостаси режиссера событий, фиксирующего быструю смену кадров, поэтому речь повествователя уподобляется драматическому ремарочному компоненту. Зачастую она оформляется парцелированными конструкциями:

Ольга все еще не пришла в себя... Она села на стул... И во все глаза смотрела на родного отца.

Подобная организация авторского слова позволяет реализовать зрелищный принцип кинематографа — «чтобы все было видно». В соответствии с этим принципом в речи повествователя прорисовывается портрет героя: *не старый, седой мужчина, худощавый, в прекрасном светлом костюме, чуть хмельной.* Зрелищность и сценичность сохраняются во всех фрагментах авторского повествования ремарочного типа. Рассмотрим примеры:

Женщина говорила негромко. И смотрела, смотрела, — не отрываясь, смотрела на мужчину. Тот тоже смотрел на нее, но на лице у него не было и следа насмешливого, иронического выражения;

Мужчина прислонился к воротному столбу. Молчал. Женщина ждала. Долго молчали.

Речевая сцена вбирает в себя все описание ситуации в целом. Авторское слово формирует действие в кадре с помощью коротких фраз-ремарок, парцелированных конструкций, глагольной лексики. Такое построение позволяет читателю воспринимать происходящее непосредственно, чувственно.

Развязка конфликтной ситуации представлена монологическим словом повествователя, синтаксическая и лексическая организация которого воспроизводит психологическое состояние главного героя:

Игорь Александрович вышел... Вслепую толкнул ворота... Оказалось — надо на себя. Он взял в одну руку чемодан и этюдник, открыл ворота. Этюдник выпал из руки, посыпались кисти, тюбики с краской. Игорь Александрович подобрал, что не откатилось далеко, кое-как затолкал в ящик, закрыл его. И пошел по улице — в сторону автобусной остановки. Погода стояла редкостная — ясно, тепло, тихо. Из-за

плотной смотрели круглолицые подсолнухи, в горячей пыли дороги купались воробьи — никого вокруг, ни одного человека.

В приведенном примере показательны неполные предложения с умолчанием, парцелированные конструкции, которые передают душевный надлом героя. С помощью глаголов изображается растерянность, суетливость Игоря Александровича: *вышел, толкнул, взял (этюдник), открыл (ворота), выпал (этюдник), посыпались (кисти, тюбики), подобрал, затолкал, закрыл, пошел.* Угнетенное психологическое состояние героя усиливается приемом контраста при описании природы: царящие в ней спокойствие, тишина и гармония словно погружают приезжего в эмоциональный вакуум. Ему не с кем поделиться своей болью: *никого вокруг, ни одного человека.*

Особую смысловую нагрузку в композиционно-речевой структуре несет внутренний монолог главного героя. Данный тип речи представлен в финальной части рассказа. Монолог репрезентирует такой признак новеллистического повествования, как интенсификация конфликта героя с самим собой. Рассмотрим фрагмент текста:

— Как тихо! — сказал сам себе Игорь Александрович. — Поразительно тихо. — Он где-то научился говорить сам с собой. — Если бы однажды так вот — в такой тишине — перешагнуть незаметно эту проклятую черту... И оставить бы здесь все боли и все желания, и шагать, и шагать по горячей дороге, шагать и шагать — бесконечно. Может, мы так и делаем? Возможно, что я где-то когда-то уже перешагнул в тишине эту черту — не заметил — и теперь вовсе не я, а моя душа вышагивает по дороге на двух ногах. И болит. Но почему же тогда болит? Пожалуйся, пожалуйся... Старый осел. Я шагаю, я — собственной персоной. Несу чемодан и этюдник. Глупо! Господи, как глупо и больно.

Напряженность внутреннего конфликта создается за счет диалогизации монолога. Герой спорит с самим собой, пытаясь тем самым объективно осознать, что дочь его отвергла и он потерял последнюю надежду, утратил смысл жизни. В этом внутреннем споре происходит глубинная «сшибка» бытового и бытийного хронотопов. Желание перешагнуть черту изломанной жизни (бытовой хронотоп) и представление о том, что все-таки он уже ее перешагнул

(бытийный хронотоп) — *и теперь вовсе не я, а моя душа вышагивает по дороге на двух ногах* — в итоге оборачиваются невыносимой болью, которая возвращает Игоря Александровича в бытовую континуум, на дорогу, ведущую в никуда. В этом обостренном конфликте скрыта важная для шукинских героев мечта о празднике, который так и остается воображаемым миром свободы и совершенства. Элементы рассуждения, репрезентируемые риторическими вопросами и восклицаниями, вместе с процессом диалогизации придают повествованию особый психологизм.

Уровень языковых средств, оформляющих речевые партии повествователя и персонажей, демонстрирует жанровые признаки новеллистического повествования. Важную роль в ремарочной компоненте играют прилагательные и наречия — конкретизаторы глагольного действия. Они способствуют раскрытию внутреннего психологического состояния Игоря Александровича, которое меняется на протяжении всего повествования. Наиболее показательными являются ремарки, описывающие мимику и жесты героя в каждой сцене. В беседе с председателем приезжий *озарил свое продолговатое лицо ясной золотой улыбкой*. При встрече с бывшей женой *на лице у него не было и следа насмешливого, иронического выражения; голос мужчины окреп, он... вдруг посмотрел зло и решительно*. В ситуации знакомства со взрослой дочерью *Игорь Александрович смотрел на дочь — требовательно. И вместе с тем — умоляюще*.

Среди синтаксических конструкций в речевой партии повествователя доминируют простые, неполные предложения, парцелированные конструкции, выполняющие функцию драматической ремарки с ядерным глагольным компонентом, позволяющим читателю зримо представить ту или иную сцену:

Приезжий *оторопел*... Голос *показался* ему *знакомым*. Он *вошел*... Прямо перед ним на крыльце с тазом в руках *стояла* женщина... Лет, наверно, пятидесяти, красивая в прошлом, ныне полная — очень. Она тоже *оторопела*.

Вставки и пояснения, оформленные скобками либо тире, в авторском слове сигнализируют о воспроизведении ситуаций, оставшихся за рамками повествования:

Против председателя сельсовета, боком к столу, утонув в новеньком необъятном кресле (*председатель сам очень удивился, когда к нему завезли эти мягкие, пахучие громадины — три штуки!* «Прям как бабы хорошие», — сказал он тогда) сидел не старый еще, седой мужчина...

В приведенном примере вставка выполняет две важные функции. Во-первых, способствует диалогизации авторского монолога за счет воспроизведения цитатных реплик персонажа. Во-вторых, расширяет повествовательное пространство текста благодаря пунктирной прорисовке имплицитных событий.

Вступление персонажей в ситуацию реального диалога, организующего интенсивность и конфликтность повествования, подтверждается в их речевых партиях обилием глагольной лексики, простым синтаксисом с особо значимыми односоставными, эллиптическими и неполными предложениями.

Конфликтное столкновение хронотопов демонстрируется лексикой бытового (*большой дом с террасой, бюрократы*) и бытийного характера (*река, дорога, душа, праздник, сердце*). Игровое начало, соединенное со сценическим действием, просматривается в использовании персонажами устойчивых выражений *медом не корми, и дело с концом, грызет гранит науки*, а также лексических единиц с семантикой *игры как в кино, комедия, художник-фотограф*.

Выводы. Итак, проведенный лингвопозитический анализ позволил выявить следующие особенности поэтики рассказа В. М. Шукшина «Приезжий».

Новеллистическая природа произведения определила его формально-содержательную сторону, художественно-речевую организацию и уровень языковых средств. Ядерным компонентом анализа выступила художественно-речевая структура как важнейшая текстовая категория, ведущая к пониманию образа автора.

Речевая партия повествователя в новелле служит экспозиционным оформлением персонажного слоя. Она организуется с учетом приема «раскадровки кадров», что ведет к сжатию авторского слова до драматической ремарки. Следуя данному кинематографическому приему, выстраиваются и языковые средства, оформляющие речевую партию: неполные, контекстуальные,

односоставные предложения, вставные элементы. В ходе анализа установлено, что глагольная лексика и парцелированные конструкции реализуют целый спектр функций: придают динамику повествованию, формируют сценичность ситуации, передают накал внутреннего состояния героя.

Доминантой композиционно-речевой структуры текста является речевая партия персонажа в ее сюжетообразующей функции. Диалог и внутренний диалогизированный монолог служат ядерными речевыми формами для передачи слова персонажей. Диалог движет сюжет к неожиданной драматической развязке. Внутренний монолог реализует психологизм новеллы. Лексические и синтаксические средства, оформляющие речевую партию героя, способствуют, с одной стороны, воспроизведению стихии живой разговорной речи, с другой — эксплицируют в диалоге непонимания скрытый конфликт между персонажами как представителями двух разных миров.

Образ автора в новелле «Приезжий» раскрывается через воспроизведение коммуникативно активной речевой партии главного героя, инициирующей направление разговора в каждой ситуации. Ретроспективные эпизоды, пунктирно прорисованные в речи повествователя, в соединении с беседами персонажей репрезентируют ситуацию столкновения бытового и бытийного хронотопов, что усиливает психологическую составляющую в проявлении авторского начала.

Киносценарная техника, лежащая в основе новеллистического повествования, позволяет сформировать динамичность и многогранность проявления образа автора в речевой композиции рассказа. Перемещение автора по повествовательной перспективе текста в позднем творчестве В. М. Шукшина служит приемом, посредством которого эпически изображается судьба человека.

В результате проведенного исследования представлен целостный лингвопоэтический анализ отдельно взятого рассказа, относящегося к зрелому периоду творчества В. М. Шукшина. Предложенная в статье методика описания материала может быть использована для разбора других текстов автора. К перспективам дальнейшего исследования стоит отнести сопоставительное изучение рассказов и более крупных жанровых форм в творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы: избранные труды. М.: Наука, 1980. 358 с.
2. *Карташова Е. Н.* Творчество В. М. Шукшина: перспективы лингвистических исследований // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1(40). С. 82–87 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-m-shukshina-perspektivy-lingvisticheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 23.01.2024).
3. *Кофанова Е. В.* Творчество В. М. Шукшина как функционирующая целостность: проблемы, поиски, решения // Творчество В. М. Шукшина как целостность: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1998. С. 3–11.
4. *Кукуева Г. В.* Рассказы В. М. Шукшина: лингвотипологическое исследование. Барнаул: БГПУ, 2008. 284 с.
5. *Кукуева Г. В.* Деталь в текстах рассказов-очерков В. М. Шукшина // Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX–XXI веков: направления и течения. 2020. № 1. С. 12–22. <https://doi.org/10.26170/ufv20-01-01>.
6. *Куляпин А. И.* Семиотика художественного пространства В. М. Шукшина. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2016. 160 с.
7. *Московкина Е. А.* Образ церкви и архитектурный экфрасис в рассказах В. М. Шукшина // Филология и человек. 2023. № 3. С. 32–48. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)3-03).
8. *Токатова Л. Е., Белоусова Е. А.* Концептуальные доминанты рассказов «Одни» и «Сельские жители» В. М. Шукшина // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. Т. 14, № 3. С. 24–33. <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.3>.
9. *Хачикян Е. И., Конькова М. А.* Типология героев в малой прозе В. М. Шукшина // Сибирский филологический форум. 2019. № 3(7). С. 25–35. <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-15>.
10. *Чувакин А. А.* Художественно-речевая структура // Творчество В. М. Шукшина в современном мире: сб. науч. ст. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 1999. С. 140–144 [Чувакин 1999a].
11. *Чувакин А. А.* Язык В. М. Шукшина в энциклопедическом словаре-справочнике его творчества // Известия Алтайского государственного университета. 1999. Вып. 4. С. 85–93 [Чувакин 1999b].
12. *Шукшин В. М.* Вопросы самому себе. М.: Молодая гвардия, 1981. 256 с.

13. Tilli J. Suksin, taiteilija, nero. *Kansan Uutiset-Helsinki*. 1979. Syys. 30, № 263. P. 8.

REFERENCES

1. Vinogradov V. V. On the language of literary prose: selected works. Moscow: Nauka Publ., 1980. 358 p. (In Russ.)
2. Kartashova E. N. Creativity of V. M. Shukshin: perspectives of linguistic research. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki = Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2021;(1):82–87 [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-m-shukshina-perspektivy-lingvisticheskikh-issledovaniy> (accessed: 23.01.2024). (In Russ.)
3. Kofanova E. V. The creativity of V. M. Shukshin as a functioning integrity: problems, searches, solutions. *Tvorchestvo V. M. Shukshina kak tselostnost': sb. nauch. st. = The creativity of V. M. Shukshin as an integrity: a collection of scientific articles*. Barnaul: AltSU Press, 1998. P. 3–11. (In Russ.)
4. Kukueva G. V. V. M. Shukshin's short stories: a linguo-typological study. Barnaul: BSPU Press, 2008. 284 p. (In Russ.)
5. Kukueva G. V. Detail in texts of stories-essays by V. M. Shukshin. *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya: Russkaya literatura XX–XXI vekov: napravleniya i techeniya = Ural Philological Herald. Series Russian literature of XX–XXI centuries: directions and trends*. 2020;(1):12–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.26170/ufv20-01-01>.
6. Kulyapin A. I. Semiotics of V. M. Shukshin's artistic space. Barnaul: AltSPU Press, 2016. 160 p. (In Russ.)
7. Moskovkina E. A. Image of church and architectural ekphrasis in V. M. Shukshin's stories. *Filologiya i chelovek = Philology & Human*. 2023;(3): 32–48. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/filichel\(2023\)3-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2023)3-03).
8. Tokatova L. E., Belousova E. A. The conceptual dominants in "All alone" and "The villagers" stories by V. M. Shukshin. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya = The Science of Person: Humanitarian Researches*. 2020;14(3):24–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.3.3>.
9. Khachikyan E. I., Kon'kova M. A. Typology of Shukshin's characters (based on small prose). *Sibirskii filologicheskii forum = Siberian Philological Forum*. 2019;(3):25–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2019-7-3-15>.
10. Chuvakin A. A. Artistic and speech structure. *Tvorchestvo V. M. Shukshina v sovremennom mire: sb. nauch. st. = V. M. Shukshin's creativity in the modern world: collection of scientific articles*. Barnaul: AltSU Press, 1999. P. 140–144. (In Russ.) [Chuvakin 1999a].
11. Chuvakin A. A. V. M. Shukshin's language in the encyclopedic dictionary-reference of his work. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University*. 1999. Iss. 4. P. 85–93. (In Russ.) [Chuvakin 1999b].
12. Shukshin V. M. Questions to oneself. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1981. 256 p. (In Russ.)
13. Tilli J. Shuksin, artist, genius. *Kansan Uutiset = People's News*. 1979;30(263): 8. (In Finnish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Галина Васильевна Ануфриева, доктор филологических наук, доцент, профессор

Galina V. Anufrieva, Doctor of Sciences (Philology), Assistant professor, Professor

Статья поступила в редакцию 29.02.2024; одобрена после рецензирования 19.04.2024; принята к публикации 27.04.2024.

The article was submitted 29.02.2024; approved after reviewing 19.04.2024; accepted for publication 27.04.2024.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-70-78>

Предложно-падежные конструкции с предлогом *от* в поэзии Ф. И. Тютчева

Наталья Викторовна Атаманова¹, Наталья Викторовна Трошина²

^{1,2} *Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, г. Брянск, Россия*

¹ *atamanova2001@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1212-1435>*

² *natalya_troshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9639-1808>*

Аннотация. Служебные слова, в частности простые предлоги, обладают значительным смыслообразующим потенциалом и являются важным элементом грамматического строя текста, который наряду с лексическим участвует в создании образности художественного произведения. Недостаточная изученность смысловой нагруженности простых предлогов в поэтических текстах Ф. И. Тютчева обусловила актуальность данного исследования, целью которого стала типология предложно-падежных конструкций с предлогом *от* и определение их места в авторском словаре языка поэта. При анализе 118 употреблений сочетаний с предлогом *от*, представленных в «Конкордансе полного собрания стихотворений Ф. И. Тютчева. А–Я», использованы следующие методы: описательный метод с приемами наблюдения, обобщения материала; метод компонентного анализа (выявление семантических компонентов значения предлога *от*); метод дистрибутивного анализа, позволяющий выявить сочетаемость предлога *от* с другими языковыми единицами. При описании значений предложно-падежных конструкций с предлогом *от* учтены морфологические и семантические особенности слов, входящих в подчинительное сочетание – главного и зависимого. Выявлены и проанализированы объектные, обстоятельственные (локативные, темпоральные, причинные, образа действия), атрибутивные отношения, реализуемые в предложно-падежных конструкциях, отмечены отдельные дополнительные смыслы, приобретаемые предложными сочетаниями в поэтическом тексте. Показано, что конструкции с предлогом *от* формируют фрагмент авторского словаря языка Ф. И. Тютчева.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, поэзия, предлог *от*, предложно-падежная конструкция, семантика, смысловые отношения

Для цитирования: Атаманова Н. В., Трошина Н. В. Предложно-падежные конструкции с предлогом *от* в поэзии Ф. И. Тютчева // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 70–78. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-70-78>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Prepositional case constructions with the preposition *ot* (English *from*) in the poetry of F. I. Tyutchev

Natalya V. Atamanova¹, Natalya V. Troshina²

^{1,2} *Bryansk State University named after academician I. G. Petrovsky, Bryansk, Russia*

¹ *atamanova2001@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1212-1435>*

² *natalya_troshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9639-1808>*

Abstract. Function words, for instance, simple prepositions, have significant potential for meaning making and are an important element of the grammatical structure of the text, which, along with the lexical one, is involved in creating the imagery of an artwork. The insufficient knowledge of the semantic charge of simple prepositions in F. I. Tyutchev's poetic texts determined the relevance of this study. The research aims to develop a typology of the prepositional-case constructions with the preposition *ot* (English *from*) and determine their place in the authors' dictionary of the poet's vocabulary. To analyse the 118 uses of phrases with the preposition *ot* obtained from the "Concordance of the Complete Poems of F. I. Tyutchev. A–Z", we employed the descriptive method in conjunction with observation techniques; generalisation of the material; componential analysis (identification of semantic components of the meaning of the preposition *ot*); distributional analysis that enabled us to identify the combinability of the preposition *ot* with other linguistic units. When describing the meanings of prepositional-case constructions with the preposition *ot*, we considered the morphological and semantic features of the head and dependent words included in the phrases with case government. The study identified and analysed the object, adverbial (locative, temporal, causal, of manner), and attributive relations realised

in prepositional-case constructions. Additionally, we specified additional meanings acquired by prepositional combinations in poetic texts. The research shows that constructions with the preposition *ot* form a fragment of the authors' dictionary of F. I. Tyutchev's language.

Keywords: F. I. Tyutchev, poetry, preposition *ot*, prepositional case construction, semantics, semantic relations

For citation: Atamanova N. V., Troshina N. V. Prepositional case constructions with the preposition *ot* (English *from*) in the poetry of F. I. Tyutchev. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2024;85(4):70–78. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-70-78>.

Введение. На современном этапе развития тютчеведения значительное внимание уделяется изучению языковых особенностей поэтических текстов Ф. И. Тютчева. В центре внимания лингвистов оказываются вопросы функционирования метафоры в идиостиле поэта [Банникова 2014; Лавошников 2016], специфики фразеологического состава его стихотворений [Сычёва 2014], семантики звукообозначений [Атаманова 2012]; исследуется грамматическая составляющая лирических текстов Ф. И. Тютчева [Петрова 2017]. Предметом изучения становятся и служебные слова. Так, в научных статьях А. Л. Голованевского [Голованевский 2006а, 2006б], посвященных семантическому и лексикографическому анализу служебных слов в поэтических текстах Ф. И. Тютчева, отмечено, что предлоги, союзы, частицы являются высокочастотными элементами грамматического строя языка поэта и обладают разнообразным спектром значений.

Богатая полисемия простых предлогов обусловлена особыми условиями их функционирования — включением в предложно-падежную конструкцию как составную часть подчинительного словосочетания. Семантика предлога складывается с учетом морфологических свойств и лексических значений главного и зависимого слов синтаксической конструкции, и именно их многообразие обуславливает широкий спектр смыслов, приписываемых служебному слову.

По замечанию В. В. Виноградова, «ни в одном другом типе слов, кроме развее сочинительных союзов, не совмещается так много разнообразных значений и оттенков, как в первичных предлогах» [Виноградов 2001: 566]. Предлог *от* в этом плане не исключение. Его многозначность отмечается всеми словарями русского языка. Так, «Словарь русского языка» под ред.

А. П. Евгеньевой (МАС)¹ фиксирует 13 значений, «Словарь современного русского литературного языка» (БАС)² — 6 семантических классов употребления и 21 значение, в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С. А. Кузнецова³ представлено 12 значений, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой⁴ — 9. «Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса» Г. А. Золотовой представляет широкий спектр значений предложно-падежных форм имен существительных с предлогом *от* как свободных, обусловленных и связанных синтаксисом⁵.

Слово *от* занимает особое место в системе простых предлогов, встречающихся в поэтических текстах Ф. И. Тютчева. Как и другие служебные слова, данный предлог в грамматическом плане играет вспомогательную роль по сравнению со словами самостоятельными, но на уровне смыслообразования в контексте поэтического высказывания его роль оказывается весьма значительной. В «Поэтическом словаре

¹ Словарь русского языка: в 4 т. Т. II: К—О / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. 736 с. (МАС).

² Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. VIII / под ред. В. И. Чернышева. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 1840 стлб. (БАС).

³ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. (БТСРЯ).

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1998. 944 с.

⁵ Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. 3-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с. (Золотова 2006).

Ф. И. Тютчева»⁶ А. Л. Голованевский отмечает следующие отношения, выражаемые сочетаниями с предлогом *от*: объектные, пространственные, причинные, временные, определительные. Указанные отношения в словаре представлены обобщенно, тогда как богатый иллюстративный материал дает возможность дальнейшей дифференциации названных смыслов.

Анализ. Проведенное исследование позволило выделить объектные, обстоятельственные и определительные смысловые отношения, реализуемые предложно-падежными конструкциями с предлогом *от* в поэзии Ф. И. Тютчева. Данным типовым значениям соответствует целый спектр частных смыслов.

1. Объектные отношения

1. Словоформы с предлогом *от* могут управляться глагольными формами с семантикой избавления от нежелательного действия, состояния, явления, предмета, влияния и т. п.: *освободить(ся), освободить(ся), очнуться, будить, пробудить(ся), уйти, таить(ся), прятать(ся), хранить(ся), бежать, спасти(сь), скрыть(ся)* и др. В таких контекстах сочетания существительного/местоимения с предлогом *от* указывают:

а) на 'предмет, явление и т. п., которые устраняются, от которых освобождаются и т. п.; на состояние, из которого выходят, которое прекращается'⁷; при этом в стихотворениях Тютчева в большей степени представлено указание на избавление не от конкретного предмета, а от состояния:

И вот он очнулся *от* райского сна...
(«С озера веет прохлада и нега...»)⁸;

Грудь дышит легче и вольней,
Освобожденная *от* зною.
(«Летний вечер»), —

и даже конкретно-предметная лексика становится источником метафорически осмысленного состояния, действие которого завершается:

⁶ Голованевский А. Л. Поэтический словарь Ф. И. Тютчева. Брянск: РИО БГУ, 2009. С. 487–488.

⁷ БТСРЯ.

⁸ Тексты стихотворений цит. по: Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений. Письма: в 6 т. Т. 1–2 / сост. В. Н. Касаткина. М.: Издательский Центр «Классика», 2002.

Италия *от* sklep железных освобождает...
(«Урания»).

Стоит отметить частотность в исследуемых поэтических текстах сочетания *от сна*:

...Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.
(«Черное море»);

И пробудила всех *от сна*.
(«Как летней иногда порою...»).

Лексема *сон*, обозначающая процесс пробуждения, не только является частотной в поэзии Тютчева (76 словоупотреблений — по данным «Конкорданса полного собрания стихотворений Ф. И. Тютчева. А—Я»⁹), но и раскрывает характерную для него идею воздействия космоса на состояние природы и человека [Карако 2022: 26];

б) на людей, от которых следует скрыться или утаить информацию, предмет и т. д. В таких контекстах частотны личные местоимения:

Да утаит *от них* приход ужасный свой!
(«Mala aria»);

И с первым сном она бежит *от них*.
(«На юбилей князя Петра Андреевича Вяземского»);
Неистовый Сатурн укрыть *от нас* хотел!
(«Урания»).

Реже встречаются имена существительные:

От грубых прячась *сторожей*...
(«Какие песни, милый мой...»).

Особую группу существительных, значимых для реализации данного значения, составляют слова, связанные с семантикой зрительного восприятия:

Не утаится Град *от* зрения людского...
(«11 мая 1869 года»);

Сокрыт предел твой и начало
От слабых смертного *очей*!
(«На новый 1816 год»), —

основанные на метонимическом переносе значения создают поэтический образ того, кому недоступно восприятие;

⁹ Конкорданс полного собрания стихотворений Ф. И. Тютчева. А—Я / сост. Н. В. Атаманова, А. Л. Голованевский. Брянск: Курсив, 2013. 395 с.

в) на угрозу, нежелательное состояние, положение, которые удалось или хочется избежать:

От смерти не спасут!
(«На новый 1816 год»);
Ее спасали *от насилия...*
(«Чему молилась ты с любовью...»);
Хранившая тебя *от всех соблазнов зла...*
(«Тебе, болящая в далекой стороне...»);
Да сохранит вас милосердный Бог
От всяких дрязг, волнений и тревог,
И от бессонницы ночной.
(«Князю Вяземскому»).

Используя конструкции с такой семантикой, поэт показывает сложность взаимоотношений человека с окружающим миром, другими людьми; многообразие потенциальных угроз автор подчеркивает целым рядом словоформ с предлогом *от*:

Спаси тогда нас, добрый гений,
От малодушных укоризн,
От клеветы, от озлоблений
На изменяющую жизнь;
От чувства затаенной злости
На обновляющийся мир,
Где новые садятся гости
За уготованный им пир;
От желчи горького сознания...
(«Когда дряхлеющие силы...»).

2. Словоформа с предлогом *от* указывает на предметы, лица и т. п., от которых кто-, что-либо отделяется:

Навек *от нас* ушло...
(«Успокоение»);
И *от вас* дух жизни улетел!
(«Одиночество»).

В таких контекстах частотны управляющие глаголы или причастия с приставкой *от-*:

Свет *отделяется от тьмы...*
(«Ю. Ф. Абазе»);
От прежних уз отрешена...
(«Он, умирая, сомневался...»).

3. Словоформа с предлогом *от* обозначает лица, явления, предметы, которые являются источником чего-либо:

а) в комплексе с формой дательного падежа, обозначающей получателя, называет отправителя:

Чехам от московских славян
(«Чехам от московских славян»);

б) может указывать на происхождение предмета, его качеств, владельца отчуждаемого предмета:

Иным достался *от природы*
Инстинкт пророчески-слепой...
(«Иным достался от природы...»);
И здесь, где всё — *от благодати* твоей...
(«Урания»);

примечательно, что источником происхождения предмета часто становятся явления, имеющие природное или божественное начало;

в) указывает на источник света, запаха, звука, тепла и т. д.:

От лиры искры побежали...
(«Огнем свободы пламенея...»);
А в ней какую негой веет
От каждой ветки и листа!
(«Смотри, как роща зеленеет...»);

в качестве источника восприятия в таких контекстах выступает не только человек, но и мир природы, конкретные артефакты [Атаманова 2012: 68];

г) обозначает источник негативных действий:

Погибнет *от руки* твоей...
(«Недаром милосердным Богом...»);
Не *от меча* погибнет он земного...
(«Encyclica»);

д) называет лицо — источник каких-либо сведений, знаний и др.:

...Молитв не требуй *от меня.*
(«Не дай нам духу празднословия...»);
Чего вы *от меня* хотите...
(«Чего вы от меня хотите...»);

такие словоформы, зависящие от глаголов с модальной семантикой, по теории Г. А. Золотовой, имеют значение «опосредованного субъекта потенциального действия или качества»¹⁰.

II. обстоятельственные отношения А. Локативные

1. Форма родительного падежа существительного с предлогом *от* указывает на отправную точку движения, направленного действия. Данное значение отмечается в сочетаниях при глаголах с семантикой движения или пространственной протяженности:

¹⁰ Золотова 2006. С. 78.

И песнь ее звучала,
И *от* заветного крыльца
Гнала и буйного нахала,
Гнала и пошлого льстеца.
(«Графине Е. П. Ростопчиной»).

В подобных конструкциях может наблюдаться сближение предлога *от* с предлогом *из* при акценте на месте возникновения какого-либо явления и характеристики лица или предмета по его происхождению из указанного места. Такое значение свойственно, например, предложно-падежному сочетанию в стихотворении «Уrania», где поэт пишет о М. В. Ломоносове:

Восстал *от* Холмогор, — как сильный
кедр, высокой...
(«Уrania»).

2. Частотно использует Ф. И. Тютчев предлог *от* в модели *от + род. падеж — до + род. падеж*. Словоформа с предлогом *от* обозначает начальную (отправную) точку меры расстояния, с предлогом *до* — конечную точку.

При глаголах движения или направленного действия у словоформы в обозначенной модели актуализируется «оттенок транзитный (пути движения)»¹¹; проявляется векторная направленность — от одного до другого:

Вот *от* моря и до моря
Нить железная бежит...
(«Вот от моря и до моря...»);
Спустил ее *от* неба до земли?
(«Дым»).

Но чаще в стихотворениях Тютчева названная модель имеет иное значение: акцент делается не на направленности движения, действия, а на характеристике пространства, разворачивающегося в указанных границах, на его масштабности. Значение такой комплексной характеристики пространства в статике чаще свойственно предложениям с именными предикатами:

И *от* земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне...
(«Певучесть есть в морских волнах...»).

Особенность использования Ф. И. Тютчевым конструкции *от + род. падеж — до +*

род. падеж заключается в том, что эта модель становится основой для реализации особой риторической фигуры, популярной в поэзии XVIII–XIX вв. Эту стилистическую фигуру, сыгравшую заметную роль в русской политической и патриотической поэзии, Л. В. Пумпянский назвал «формулой протяжения России», или «империльной формулой» [Пумпянский 1983: 22–24]. Такая формула и синонимичная ей конструкция *от + род. падеж — за + вин. падеж* встречаются в стихотворении «К Ганке», где поэт обозначает огромные по протяженности границы славянского мира, создает картину обширного пространства, воплощающего всю «Славянскую землю»:

Горы, степи и поморья
День чудесный осиял,
От Невы до Черногорья,
От Карпат до за Урал.

Та же масштабность свойственна описанию расширяющегося до баснословных пределов пространства «царства русского» в стихотворении «Русская география», где указанная формула и синонимичная ей модель *от + род. падеж — по + вин. падеж* используются четырехкратно:

От Нила до Невы, *от* Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, *от* Ганга до Дуная.
Вот царство русское...

3. В сочетаниях с наречиями предложно-падежная форма с предлогом *от* используется для характеристики местоположения, где имеется исходная точка для ориентации в пространстве, но не указана конечная. Такие конструкции особенно подходят для выражения переносных смыслов, свойственных поэтическому тексту:

Так *от* земного далеко...
(«Анненковой»);

И мне ли петь сей гимн веселый,
От близких сердцу вдалеке...
(«Друзьям при посылке “Песни радости”»);

Вдали *от* солнца и природы,
Вдали *от* света и искусства,
Вдали *от* жизни и любви
Мелькнул твой молодые годы...
(«Русской женщине»).

Примечательно, что в роли управляющих наречий, называющих расстояние, у Тютчева часто выступают слова с семантикой

¹¹ Золотова 2006. С. 74.

дальности расположения, что подчеркивает значимость для поэтического пространства такого элемента, как даль, воплощающего оторванность, одиночество.

Б. Темпоральные

1. Сочетания слов, имеющих темпоральную семантику (*день, год, первый*), с предлогом *от* указывают на точку отсчета во времени, момент, за которым начинается какое-либо состояние, положение, действие:

Итак, *от нынешнего дня*
Ты в силу нашего условия
Молитв не требуй от меня.
(«Не дай нам духу празднословья...»).

При этом значимой в поэтическом контексте становится особая точка отсчета жизни — рождение, которая образно представлена, например, в стихотворении «Недаром милосердным Богом...»:

Вот птичку девушка вскормила.
От первых перышек, с гнезда,
Взлелеяла ее, взрастила...

2. В комплексе с сочетанием *до + род. падеж* предложно-падежная форма существительного с предлогом *от* обозначает отрезок времени. Для поэта важно, что формула «от—до» позволяет выразить полноту развития какого-либо явления во времени, не случайно автор использует эту модель для описания жизненного пути человека:

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы...
(«Две силы есть — две роковые силы...»).

3. Частотно использование Тютчевым предлога *от* в составе фразеологизма *от века*. В ряде контекстов, где речь идет о явлениях, существовавших испокон века, устойчивое сочетание имеет значение 'издревле, с незапамятных времен, от начала бытия мира; всегда':

Так все *от века* мирно и темно!
(«Итальянская villa»);
...И тем она верней
Своим искусом губит человека,
Что, может статься, никакой *от века*
Загадки нет и не было у ней.
(«Природа — Сфинкс...»).

Однако, если предметом характеристики становится, например, человек — современник поэта, фразеологизм приобретает значение 'изначально, с самого рождения':

Замеченный *от века*
Великою господней благодатью...
(«Александру Второму»).

4. При повторении существительного с семантикой времени предлог *от* образует наречные сочетания, указывающие на усиление признака, динамику его изменения:

Час от часу жар сильнее...
(«В небе тают облака...»).

В. Причинные

Словоформы с предлогом *от*, управляемые глаголом, выражают значение источника и происхождения действия. Особенностью поэтических текстов Ф. И. Тютчева является то, что среди слов, сочетающихся с предлогом *от*, преобладают имена существительные и прилагательные, обозначающие чувства, эмоциональное состояние:

Пускай *от зависти* сердца зоилов ноют.
(«Пускай *от зависти* сердца зоилов ноют...»);

И вздрогнуло *от грусти и блаженства!*
(«Из "Путевых картин Гейне"»);

И на лице его *от умиления*
Предсмертная вдруг озарилась тень.
(«19 февраля 1964»).

Даже боль в восприятии поэта предстает не как физическое страдание, а как душевные муки:

Еще болит *от старых болей*
Вся современная пора...
(«Славянам»).

Не случайно в этом плане соположены оказываются слова *боль* и *бессилие*:

И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит *от боли и бессилья...*
(«О, этот юг, о, эта Ницца!...»).

Подобного рода релятивные конструкции с общим значением 'указание на причину, поясняющую поведение субъекта' [Ширишкова 2023: 85] актуализируют внутреннюю мотивировку — не внешние обстоятельства становятся источником состояний, действий,

качеств субъекта, а его чувства, переживания, эмоции. При этом важной для поэта становится и степень их проявления, в таком случае причинное значение словоформы с предлогом *от* дополняется градуированным:

Вдруг *от избытка чувств, от полноты*
сердечной,
Вся трепет, вся в слезах, ты повергалась ниц...
(«С какою негою, с какой тоской...»).

Примеры использования существительных с предлогом *от* для обозначения внешней причины в тютчевских текстах единичны. И даже в этих случаях автор не просто указывает на условия, но акцентирует внимание на действии (в сочетаниях с главным словом — глаголом), состоянии и характеристике (в сочетаниях с главным словом — именем прилагательным), которые возникают в результате внешней причины:

Брег, зыблясь, стонет *от его рыканья...*
(«Из “Федры” Расина»);
Я сух и тощ *от книг...*
(«Харон и Каченовский»).

Г. Отношения образа действия

С существительным *душа* предлог *от* образует фразеологизированное наречное сочетание, указывающее на способ, характер действия:

И *от души* их поздравляем.
(«Обоим Николаям...»);
И *от души* он их благословил.
(«19 февраля 1864»).

Данное сочетание включается в контексты со словами, обозначающими пожелание, напутствие, и выражает искреннее отношение, особое душевное расположение говорящего к адресату.

III. Атрибутивные отношения

Определительная семантика свойственна словоформам с предлогом *от*, которые управляются именами существительными. При этом спектр частных значений, выражаемых указанной предложно-падежной формой, различен.

Частотно в стихотворениях Тютчева использование предлога *от* в сочетаниях, обозначающих источник исхождения света или тени:

Тогда, разлившись, свет *от северных сияний...*
(«Урания»);

Но есть созвездия иные
От них иные и лучи...
(«Есть много мелких, безымянных...»);
...Тень *от* Львиного Крыла.
(«Венеция»).

За такими грамматическими конструкциями скрывается важная для тютчевского поэтического мира игра света и тьмы, их «своеобразное двоемирие» [Арутюнов и др. 2019: 192], воплощенное не только во внешних образах природы, но и во внутреннем состоянии лирического субъекта.

Не менее значимым для поэтического мира Тютчева становится звук. Источник исхождения звука также может быть представлен словоформой с предлогом *от*:

...тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон,
Как шум *от стаи* журавлиной...
(«Вечер»).

В данном контексте наблюдается характерная для поэтического языка Тютчева трансформация семантики лексемы *шум*: «наряду с основным признаком “громкие, нетоновые звуки” приобретает вторичный признак звучности, мелодичности» [Атаманова 2012: 127].

Предложно-падежное сочетание с предлогом *от* может использоваться в конструкциях с указанием на часть от целого:

...Да ветвию *от древа* Аполлона...
(«Неверные преодолев пучины...»);
И *от креста луны* поблекший рог...
(«Не в первый раз волнуется Восток...»).

В данном случае родительный падеж существительного выражает значение целого состава.

В некоторых контекстах предложно-падежное сочетание с предлогом *от* обозначает опосредованный субъект:

Вам не снискать признанья *от Европы...*
(«Напрасный труд...»);
...Без возмездья *от богов и смертных!*
(«Вы мне жалки, звезды-горемыки...»).

Предлог *от* усиливает акцент на определительно-субъектном значении словоформ, называющих деятеля.

Субъектное значение свойственно словоформе и при назывании отправителя — в комплексе с формой дательного падежа

(с предлогом *к* и без него), обозначающей получателя:

Письмо *к нему от нас*, его друзей!
(«Его светлости князю А. А. Суворову»);
Привет еще *тебе от тени* той...
(«Тебе, болящая в далекой стороне...»).

Выводы. Анализ предложно-падежных конструкций с предлогом *от* в стихотворениях Ф. И. Тютчева свидетельствует о многообразии смысловых отношений, реализуемых указанными словоформами. Объектные отношения свойственны в основном сочетаниям, управляемым глагольными формами со значениями избавления, отделения, происхождения; сами словоформы с предлогом *от* указывают на объект, в качестве которого могут выступать предмет, лицо, явление. Богатый спектр смыслов свойствен предложно-падежным конструкциям с обстоятельственной семантикой: управляемые глагольными или наречными формами, они выражают отношения локативные, темпоральные, причинные, образа действия. Атрибутивную семантику реализуют словоформы, которые управляются именами существительными и указывают на источники света, звука, часть от целого, субъект. В целом многообразие смысловых отношений, выражаемых предложно-падежными формами с предлогом *от*, характеризует специфику лексической и грамматической семантики присоединяемых падежных форм, а также опорных слов. Комплекс значений, выражаемых предлогом *от* в поэтических текстах Ф. И. Тютчева, позволяет «в определенной степени реконструировать авторское ощущение возможных отношений между человеком, природой, миром» [Муратова 2012: 56].

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманова Н. В. Семантика звукообозначений в поэзии Ф. И. Тютчева. Брянск: Ладомир, 2012. 215 с.
2. Арутюнов Г. Г., Латыева Е. В., Назарова Н. Е. В. В. Набоков и Ф. И. Тютчев: двойное бытие // Концепт: философия, религия, культура. 2019. № 3(11). С. 189–200. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-3-11-189-200>.
3. Банникова М. С. Метафорическое представление номинаций движущейся воды в поэзии Ф. И. Тютчева // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/035-015.pdf> (дата обращения: 15.07.2023).

4. Виноградов В. В. Русский язык: грамматическое учение о слове / под ред. Г. А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

5. Голованевский А. Л. Семантическая структура лексемы *а* в «Поэтическом словаре Ф. И. Тютчева» // Русский язык в школе. 2006. № 6. С. 52–55 [Голованевский 2006а].

6. Голованевский А. Л. Частица *как бы* в языке поэзии Ф. И. Тютчева // Актуальные проблемы лингвистики. Тихоновские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию профессора А. Н. Тихонова. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. Т. II. С. 73–78. [Голованевский 2006б]

7. Карако П. С. Ф. И. Тютчев как певец природы и представитель русского космизма // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2022. № 3. С. 23–30.

8. Лавошникова Ю. А. Тютчевская традиция антропоморфной метафоры в поэтике В. С. Соловьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1–1(55). С. 140–144.

9. Муратова Е. Ю. Роль служебных частей речи в формировании художественных смыслов поэтического текста // Язык и культура. 2012. № 2(18). С. 53–61.

10. Петрова А. В. Перцептивные глаголы в поэтической речи (на примерах поэтических текстов Ф. И. Тютчева) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2(32). С. 242–248.

11. Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII – начала XX века в общественно-культурном контексте (XVIII век. Сб. 14). Л., 1983. С. 3–44.

12. Сычёва Е. Н. Фразеология «денисьевского цикла» Ф. И. Тютчева // Русская речь. 2014. № 4 (июль–август). С. 10–14.

13. Ширишкова А. А. Перекрестная функционально-синтаксическая омонимия предлогов: сущность, роль и место в системе языка // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 3. С. 79–89. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V266>.

REFERENCES

1. Atamanova N. V. Semantics of sound denotations in the poetry of F. I. Tyutchev. Bryansk: Ladomir Publ., 2012. 215 p. (In Russ.)
2. Arutyunov G. G., Latyeva E. V., Nazarova N. E. V. V. Nabokov and F. I. Tyutchev: double

being. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura = Concept: philosophy, religion, culture*. 2019;(3):189–200. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2019-3-11-189-200>.

3. Bannikova M. S. Metaphorical representation of nominations of moving water in the poetry of F. I. Tyutchev. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2014;(2) [Electronic resource]. URL: <http://scientific-notes.ru/magazine/archive/number/35> (accessed: 15.07.2023). (In Russ.)

4. Vinogradov V. V. Russian language: grammatical doctrine of the word / G. A. Zolotova (ed.). Moscow: Russkii yazyk Publ., 2001. 720 p. (In Russ.)

5. Golovanevsky A. L. Semantic structure of the lexeme *a* in "The Poetic Dictionary of F. I. Tyutchev". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2006;(6):52–55. (In Russ.) [Golovanevsky 2006a].

6. Golovanevsky A. L. The particle *as* in the language of F. I. Tyutchev's poetry. *Aktual'nye problemy lingvistiki. Tikhonovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu professora A. N. Tikhonova = Actual problems of linguistics. Tikhonov Readings: Proceedings of the International Scientific Conference devoted to the 75th anniversary of Prof. A. N. Tikhonov*. Elets: I. A. Bunin EGU, 2006. Vol. 2. P. 73–78. (In Russ.) [Golovanevsky 2006b].

7. Karako P. S. F. I. Tyutchev as a singer of nature and a representative of Russian cosmism. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya = Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;(3):23–30. (In Russ.)

8. Lavoshnikova Y. A. Tyutchev's tradition of an anthropomorphous metaphor in the poetics by V. S. Solovyev. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2016;1–1(55):140–144. (In Russ.)

9. Muratova E. Yu. The role of secondary parts of speech in the forming of artistic meanings in a poetic text. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2012;(2): 53–61. (In Russ.)

10. Petrova A. V. Perceptual verbs in poetic speech (on examples of poetic texts of F. I. Tyutchev). *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*. 2017;(2):242–248. (In Russ.)

11. Pumpiansky L. V. Lomonosov and the German school of mind (XVIII century. Collection 14). *XVIII vek. Sbornik 14: Russkaya literatura XVIII – nachala XX veka v obshchestvenno-kul'turnom kontekste = 18th century. Collection 14: Russian literature of the 18th – early 20th century in the social and cultural context*. Leningrad: Nauka Publ., 1983. P. 3–44. (In Russ.)

12. Sycheva E. N. Phraseology of the "Denisiev Cycle" by F. I. Tyutchev. *Russkaya rech' = Russian Speech*. 2014;(4):10–14. (In Russ.)

13. Shirshikova A. A. Crossing functional-syntactical homonymy: its essence, role and place in the language system. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) Federal'nogo Universiteta imeni M. V. Lomonosova. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*. 2023;23(3):79–89. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V266>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья Викторовна Атаманова, кандидат филологических наук, доцент

Наталья Викторовна Трошина, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка

Natalya V. Atamanova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Natalya V. Troshina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian language

Статья поступила в редакцию 09.08.2023; одобрена после рецензирования 11.10.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 09.08.2023; approved after reviewing 11.10.2023; accepted for publication 25.12.2023.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-79-89>

Особенности русских сочинительных союзов с позиций деятельностного подхода

Евгения Викторовна Бирюкова¹, Елена Георгиевна Борисова², Игорь Сергеевич Калятин³

^{1, 2, 3} *Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия*

¹ *evb1303@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8741-983X>*

² *borisovaeg@mgu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3878-5344>*

³ *kaljatin-igor-93@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7794-2192>*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности русских сочинительных союзов – в первую очередь первичных *и, а, но, да* с позиций деятельностного подхода к описанию языковых единиц, т. е. с учетом действий говорящего, данные союзы употребляющего, и слушающего, который благодаря им получает нужную информацию для понимания последовательно излагаемого текста. Особое внимание первичным союзам уделяется в связи с их ключевой ролью в организации текста, на фоне которой многочисленные более сложные союзы и предлоги только развивают некоторые тонкости связи. Привлекаются также данные ряда иностранных языков для расширения картины, поскольку система простых сочинительных союзов в русском является уникальной и в других языках не находит точного соответствия. Союзы получают семантическое описание с учетом их общих значений и функций, причем для союза *да* предлагается новый вариант толкования. Функции союзов связываются с деятельностью участников общения, в ходе которого говорящий частично подготавливает, с информацией какого рода столкнется слушающий. В частности, союз *и* и его аналоги во многих других языках показывают, что будет сообщаться нечто схожее с предшествующим сообщением. Союз *но* показывает нарушение ожидания адресата, и эта функция тоже очень широко распространена в языках мира. В ряде языков есть более тонкие указания на содержание дальнейшего сообщения. В частности, в русском существует возможность с помощью союза *а* предупредить о том, что будет сообщено нечто новое, но необязательно противоречащее предыдущему. Наконец, остается возможность сообщить о добавлении информации, предполагающей ее исчерпанность, что в ряде своих значений осуществляет союз *да*. Маркировка именно таких семантических отношений позволяет сделать вывод о возможных связях между предложениями в тексте и имеющейся в нем presupпозиции относительно хода повествования.

Ключевые слова: сочинительные союзы, однородные члены, связь между предложениями, действия говорящего, семантика союзов, функция союзов, информация, говорящий, слушающий

Для цитирования: Бирюкова Е. В., Борисова Е. Г., Калятин И. С. Особенности русских сочинительных союзов с позиций деятельностного подхода // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 79–89. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-79-89>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Specific features of Russian coordinating conjunctions from the activity approach perspective

Evgenia V. Biryukova¹, Elena G. Borisova², Igor S. Kalyatin³

^{1, 2, 3} Moscow City University, Moscow, Russia

¹ evb1303@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8741-983X>

² borisovaeg@mgpu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3878-5344>

³ kalyatin-igor-93@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7794-2192>

Abstract. The article examines the specific features of Russian coordinating conjunctions, first and foremost primary *i* (English *and*), *a* (English *while, and*), *no* (English *but*), *da* (English *but, and*). The prepositions are examined from the standpoint of the activity approach to the description of linguistic units, i. e., considering the actions of the speaker using these conjunctions, as well as the listener who, thanks to them, receives the information necessary to understand a coherent text. Particular attention is given to the primary conjunctions due to their key role in text organisation. Numerous compound conjunctions and prepositions only develop some of the subtleties of connection against the background of text organisation. Data from several foreign languages are also used to expand the picture since the system of simple coordinating conjunctions in Russian is unique and finds no exact correspondence in other languages. The conjunctions are semantically described taking into account their general meanings and functions. A new interpretation is proposed for the conjunction *da*. The functions of the conjunctions are associated with the communicators' activity. During interaction, the speaker partially prompts what kind of information the listener will get. In particular, the conjunction *i* and its analogues in many other languages indicate that something similar to the previous message will be communicated. The conjunction *no* shows a violation of the addressee's expectation, and this function is also very common in the world's languages. In a few languages there are more subtle indications of the subsequent message content. For example, one can use the conjunction *a* in Russian to warn that something new, but not necessarily contradictory to the previous information, will be communicated. Finally, it remains possible to signal the addition of information suggesting its exhaustiveness, which is expressed with the conjunction *da* in a few of its meanings. Marking precisely such semantic relations enables one to draw a conclusion about possible connections between sentences in the text and the presupposition in it regarding the course of the narration.

Keywords: coordinating conjunctions, homogeneous parts, inter-sentential connection, speaker's actions, conjunctive semantics, function of conjunctions, information, speaker, listener

For citation: Biryukova E. V., Borisova E. G., Kalyatin I. S. Specific features of Russian coordinating conjunctions from the activity approach perspective. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):79–89. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-79-89>.

Введение. Нынешний этап развития лингвистики характеризуется возвратом к проблематике, которая была временно отставлена в предыдущую, структуралистскую эпоху. В частности, интерес к сверхфразовым единствам получил воплощение в изучении коннекторов — средств маркировки связи между отстоящими на определенном расстоянии предложениями, а иногда и между более сложными фрагментами текста [Инькова 2018]. Это, в свою очередь, заново поставило вопрос о семантике и функциях союзов и других слов, способных выполнять роль связывания фрагментов текста.

Функции союзов среди прочих служебных слов представляются наиболее очевидными и потому хорошо изученными: они служат для связи членов предложения, а нередко и простых предложений в сложносочиненные. Обычно в русской грамматической традиции различают соединительные, противительные и разделительные сочинительные союзы (другие классы образуют преимущественно производные союзы). Разделительные союзы *или, либо*

и т. п. выделяются по своей функции: указывать на то, что из предложенных вариантов выбирается только один. Два других типа оказываются более тесно взаимосвязанными: соединительный союз *и* может выражать и противоречие:

(1) Отличник — и ругаешься!

Союзы *а* и *но* могут оказаться взаимозаменяемыми:

(2) Я его уговаривал, а он не согласился

и

(3) Я его уговаривал, но он не согласился [Николаева 2004].

Если разделительные союзы отражают функцию, понятную во многих языках, то прочие сочинительные союзы в разных языках приобретают своеобразные дополнительные оттенки.

Особенности русских сочинительных (соединительных, сопоставительных и противительных) союзов многократно описывались как в словарях, так и в трудах по

синтаксису [Кручинина 2009]. Наиболее значимыми являются труды В. З. Санникова [Санников 1989] и Е. В. Урысон [Урысон 2011]. Имеются и отдельные исследования тех или иных союзов [Инькова 2018; Malchukov 2004; Kapatsinski 2009]. Тем не менее существует проблема как конкретного описания свойств отдельных союзов (для русского в первую очередь *а* и *да*), так и роли союзов в устной и письменной связной речи, а именно вклада служебных слов в порождение и понимание речи, что привлекает сейчас внимание исследователей различных языков [Fetzer 2018].

В статье рассматриваются общие семантические и синтаксические характеристики союзов, которые появляются в ходе речевой деятельности. Исследования по выводимости производных значений из основных [Куцова 2004] приводят к описанию семантики служебного слова, выявляя его принципиальное отличие от других слов со схожими функциями, что и демонстрируется в данной статье по отношению к базовым сочинительным союзам.

Для подчеркивания специфики русской системы сочинительных союзов авторы прибегли к сопоставлению с союзными системами ряда иностранных языков. В большинстве языков — как европейских, так и восточных — имеются средства присоединения однородных членов и предложений. Во многих случаях основной функцией сочинительных союзов (кроме разделительных) является оппозиция «ожидаемое — противоречие ожиданию».

Так, в немецком языке сочинительные союзы используются для соединения слов в рамках одного члена предложения и для соединения двух простых предложений в рамках сложносочиненного предложения. Эти союзы могут иметь следующие значения, находящие соответствие в русском языке. Соединительное значение выражается союзом *und* (*и, а*), а кроме того, большой группой сложных союзов, включающих наречие *sowie* (*а также, и*), *wie* (*а также, и*), *sowohl... als auch* (*как..., так и*), *sowohl... wie auch* (*как..., так и*), а также специальные средства выражения присоединения в условии отрицания: *nicht nur... sondern auch* (*не только..., но и*), *weder... noch* (*ни..., ни*). Иногда это интерпретируется как наличие трехчленной системы элементарных

сочинительных союзов, в отличие от английской и французской, признаваемой двучленной. Противоречие ожиданию, называемое в грамматиках «рестриктивное (ограничительное) значение», а в русских «противительное», выражается союзом *aber* (*но, а, однако*), а также значительным набором частиц и наречий: *allein* (*только, но, однако*), *nur* (*только*), *jedoch* (*все же, однако*), *doch* (*однако, все же*)¹.

Заметим, что сочинительный союз *denn* в немецких и ряде других грамматик характеризуется объяснительным экспликативным значением; ср.: нем. *denn* ('ибо, ведь'). К этой группе в русском языке относятся союзы *а именно, то есть, или, как то*. Однако союзы *ибо, ведь* отнесены к подчинительным, поскольку основным критерием классификации сложных предложений в русском языке выступает факт соединения неравноправных частей. В немецкой грамматике главным критерием является порядок слов в придаточном предложении, определяемый использованием данного союза, а союз *denn* не влияет на порядок слов в немецком предложении и передается на русский язык союзом *так как* (*Ich gehe nicht in die Schule, denn ich bin krank — Я не пошел в школу, так как болен*).

Поэтому в немецком языке, в котором имеются строгие ограничения для порядка слов в сложных предложениях, существует разграничение функций союзов.

В остальном же в немецком, как и в русском и во многих других языках, мы наблюдаем примерно одинаковую картину средств выражения связей слов и предложений: имеется несколько базовых элементарных сочинительных союзов, а кроме того, большое количество частиц, наречий, их сочетаний, которые могут использоваться — с данными союзами или помимо них — для маркировки связей между словами и предложениями. Причем в роли базовых обязательно выступают союзы присоединения и противопоставления, а в некоторых случаях — и выражающие другие смыслы

¹ Языкознание: сравнительная типология немецкого и русского языков: учебник для бакалавриата и магистратуры / Е. В. Бирюкова, О. А. Радченко, Л. Г. Попова; отв. ред. Л. Г. Викулова. М.: Юрайт, 2019. 173 с.

или их оттенки. И в этом случае изучение союзов русского языка представляет для исследователей наибольший интерес.

Целью исследования является описание действий говорящего при управлении действиями адресата, а именно — при порождении и восприятии связного текста и его фрагментов. Для этого предполагается решить две задачи: описание основных присоединительных и противительных сочинительных союзов и создание модели разворачивания связного повествования. В результате решения этих задач выстраивается модель деятельности участников общения при передаче и восприятии связного текста. В таком подходе заключается новизна данного исследования. Ввиду значительности второй задачи отмечаются только некоторые особенности этой модели, непосредственно связанные с маркировкой отношений именно описываемыми союзами.

Методы и материалы. Материалом для данной статьи являются фрагменты письменных текстов из Национального корпуса русского языка, словарей и исследований, а также зафиксированные авторами самостоятельно.

Семантика союзов, как и вообще служебных слов, описывается по схеме «Общее значение — функции — частные значения», предназначенной для характеристики усилительных частиц [Борисова 2021]. В принципе эта схема могла бы быть приемлема для любой лексемы. Однако для полноточных частей речи представление о функции (назначении слова) менее важно.

При описании смысла высказываний, в которых встречались сочинительные союзы, осуществлялся семантический анализ, в том числе и анализ имплицитных смыслов [Борисова, Мартемьянов 1999].

Результаты. Семантический анализ присоединительных и противительных союзов позволяет говорить о наличии некоторых оппозиций, определяемых семантикой и выполняемыми функциями союзов: как исходных, так и синонимичным им сложных. В ряде языков представлена базовая оппозиция: «Присоединение схожего — добавление противоречащего ожиданиям», что в грамматических работах передается терминами *присоединительные*,

сопоставительные и *противительные* союзы. В европейских языках сопоставление и противопоставление выражается одним и тем же средством: англ. *but*, фр. *mais*, нем. *aber*, *sondern* (наряду с частицами) и т. п. Впрочем, некоторые члены этой оппозиции имеют очень ограниченное применение, появляясь только в предложениях с отрицанием: нем. *nicht... sondern*.

Прежде чем определить семантическую систему сочинительных союзов в русском языке, дадим описание значений с учетом выражаемых функций.

Союз и. Союз *и* выполняет функцию, являющуюся базовой для связи слов и предложений: указывает на то, что присоединяемый фрагмент а) связан с предыдущим, б) в чем-то похож на предыдущий. «Похожесть» может интерпретироваться как простое сходство:

(4) Было тихо: я молчал, и малыш не шумел.

В других случаях возможна интерпретация присоединяемой части высказывания как ожидаемой, логически выводимой:

(5) Погас свет, и поднялся занавес.

Сходную функцию выполняют союзы или наречия *тоже*, *также* и сложные союзы и предлоги *а также*, *наряду с*, *помимо* и некоторые другие. Эти случаи в том или ином виде отражаются во всех словарях и многих работах по синтаксису.

Насколько нам известно, союз, служащий для присоединения однородной непротиворечивой информации, имеется во всех языках, хотя объем значения может различаться, что видно хотя бы на примере немецкого языка, где соединительный союз *und* может использоваться в ситуации, когда в русском нужно употребить *а*:

(6) Ich habe heute die Prüfung bestanden und morgen bekomme ich das Zeugnis. — Я сегодня сдал экзамен, а завтра получу аттестат.

Аналогично для английского *and*:

(7) Joy bought ice-cream and Jill coke and both were happy. — Джой купила мороженое, а Джил газировку, и обе были довольны.

Присоединение при помощи союза допускает различные представления о подобии присоединяемого:

(8) Прозрачный лес один чернеет, // И ель сквозь иней зеленеет, // И речка подо льдом блестит².

В этом примере фактически сообщаются разные характеристики: лес — чернеет, а ель — зеленеет и т. п. Однако в этом случае автор подчеркивает сходство, подобие различных объектов с точки зрения принадлежности к одному пейзажу.

Следовательно, выявление подобия или новизны во многих случаях осуществляется на усмотрение говорящего, имеющего право на собственную интерпретацию картины.

В словарях нередко в отдельное значение выделяется значение логического следования:

(9) Она поет, и сердце тает³.

Это, несомненно, имеет отношение к присоединению подобного: если есть причинно-следственная связь, то добавляемое воспринимается как ожидаемое, подобное исходному по вхождению в единый фрейм ситуации. Однако в данном примере сказывается сходство со значением частицы *и*, когда границу между союзом и данной частицей провести трудно.

Видимо, отдельно следует рассматривать и двойной союз *и... и*, не имеющий аналогов во многих языках. Хотя его связь с одиночным союзом *и* несомненна: речь идет о сходстве присоединяемого, выполняется совсем другая функция.

Семантическую структуру союза *и* можно описать следующим образом:

Общее значение: добавление схожей информации. Функция 1: присоединение непротиворечащей информации в виде однородного члена или простого предложения. Значение 1. *X и Y* = добавляется информация *Y*, которая схожа с *X*. Функция 2: сообщение о наступающем вследствие *X*. Значение 2. *X и Y* = *Y* можно было ожидать как результат *X*.

Союз *но*. Союз *но* традиционно включается в состав сочинительных, несмотря на

дополнительное значение уступки, которое выражается с помощью некоторых подчинительных союзов:

(10) Мы согласны терпеть, но (хотя) не хотим делать это долго.

Заметим, что в немецком языке, где сочинительные и подчинительные союзы требуют разного порядка слов, союз *aber* ведет себя как сочинительный.

Обычно отмечается, что союз *но* указывает на нарушение ожидания или логического следствия [Фужерон 2004]; ср.:

(11) Усталые, но довольные они возвращались домой.

Вероятное логическое следствие того, что люди усталые — недовольство, поэтому используется союз *но*.

Аналогичное противопоставление ожидаемого (логического следствия из первого утверждения) может быть выражено различными союзами: как сочинительными (*однако*), так и подчинительными (*хотя, пусть*), которые ставят в подчиненное положение первую часть, что не исключает и использование *но* со второй частью. Имеется также целый ряд предлогов — *несмотря на, вопреки*, выражающих то же значение — и уже не требующих употребления *но*.

Семантическую структуру союза *но* можно описать следующим образом:

Общее значение: добавляется информация, нарушающая ожидание слушающего. Функция: противоречие ожидаемому. Значение: *X, но Y* = из *X* следует не *Y*, имеет место *Y*.

Заметим, что у противительных союзов западных языков имеется и данная функция, и функция «непохожести», соответствующая второй функции союза *и*, т. е. наблюдается симметрия этих союзов.

В русском языке значение противоречия ожидаемому может принимать различные оттенки, например:

(12) Редька вкуснее, но на любителя, а я как раз им и являюсь⁴.

Что связано с возможностью помещения на место *X*, т. е. того, чему противопоставляется, синтаксически разных единиц

² Пушкин А. С. Зимнее утро. Ру.Стих [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/aleksandr-pushkin-zimnee-utro/> (дата обращения: 21.02.2023).

³ Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом славянской книги, 2008. С. 210 [Ушаков 2008].

⁴ Ушаков 2008. С. 365.

и фрагментов смысла, вплоть до имплицитного. В частности, в данном случае противоречие возникает по сравнению с имплицитным фрагментом смысла «Вкуснее — значит, для всех».

Союз *a*. Союз *a* не входит в бинарную оппозицию *и—но*, представленную во многих языках. Более того, там, где оппозиция тренарная, его место не совпадает (или частично не совпадает) с местом третьего члена. Таким образом, союз *a* можно считать специфически русской языковой единицей [Зализняк 2015]. Союз имеет несколько синтаксических функций, что заставило подробно рассмотреть его поведение в различных контекстах, в том числе в составе сложных союзов [Падучева, Крейдлин 2009].

Описание передаваемых оттенков делает менее выраженным общее значение союза, а именно предупреждение о введении новой информации [Борисова 2018]. Это «перехватывает» часть значения противительного союза в западноевропейских языках. Однако то, что в случае введения новой информации противопоставление не всегда выражается четко, проявляется в том, что иногда используются другие союзы, в частности англ. *while*.

(13) Some people make headlines while others make history (Philip Elmer-DeWitt)⁵. — Некоторые люди попадают в заголовки газет, а другие творят историю.

Семантическая структура союза *a* может быть представлена в следующем виде:

Общее значение: вводится новая информация. Функция: предупреждение о новом. Значение *X*, *a* *У* = имеет место *X*. Сообщается *У* — новое и не выводимое из *X*.

В различных контекстах возможны некоторые оттенки. Поэтому и в словарях, и в некоторых описаниях [Зализняк 2015] приводится несколько значений этого союза. Выделяются случаи, когда сопоставление содержит более четкое противопоставление:

⁵ Philip Elmer-DeWitt [Электронный ресурс]. URL: <https://thecitesite.com/authors/philip-elmer-dewitt/> (дата обращения: 21.02.2023).

(14) Вот и здесь ищешь взглядом очертания приборов, а видишь только шнуры, свисающие сбоку из капюшона куртки...⁶

и примеры, когда присоединяемая информация не противоречит исходной:

(15) Редька вкуснее, но на любителя, а я как раз им и являюсь.

Однако представляется, что различия сводятся к особенностям контекста. В целом проявления новизны сообщаемого могут быть весьма разнообразны.

Заметим, что в некоторых случаях возможны замены союза *a* на *но* или *и* (иногда на оба одновременно). Выбор союза определяется точкой зрения говорящего: считает ли он должным подчеркнуть логические связи — противоречия ожидаемому или совпадения с ним, или ограничивается констатацией новизны сообщения.

Союз *да*. Союз *да* считается периферийным и устаревшим. Поскольку при изучении русского языка овладение им не является обязательным, он описан недостаточно в отличие от других союзов, описание которых во многом базируется на разработках преподавателей русского как иностранного. Тем не менее есть несколько описаний союза *да* как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике [Санников 1989; Kapatsinski 2009]. Заметим, что в некоторых из этих работ в число союзных употреблений попадают те, которые относятся к частице, поскольку граница между союзом и частицей *да* весьма зыбкая.

Союз *да* продолжает активно использоваться и в наши дни, о чем свидетельствуют данные НКРЯ⁷:

(16) Вот и здесь ищешь взглядом очертания приборов, а видишь только шнуры, свисающие сбоку из капюшона куртки, да какие-то вставки на липучках, красующиеся на рукаве⁸.

⁶ Волков А. Одеться с иголки и без ниточки. Электронная библиотека по здоровью, здоровому образу жизни и духовному развитию человека [Электронный ресурс]. URL: https://www.universalinternetlibrary.ru/book/89946/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 20.02.2023).

⁷ НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁸ Волков А. Указ. ресурс.

Данный союз описывается и в толковых словарях, и в отдельных работах, хотя преимущественно как средство соединения не предложений, а однородных членов⁹.

Обычно отмечается, что союз *да* может использоваться в присоединительном значении:

(17) Совет да любовь

и противительном значении:

(18) Мал золотник, да дорог¹⁰.

Несмотря на противоречивость такого совмещения, заставляющего говорить даже об энантиосемии, нам известны и другие примеры проявления противопоставления у союза *да* (присоединительное значение *и*):

(19) Мужчина — да не уступает (место в транспорте)!

Более неожиданной (и практически нигде не обсуждавшейся) кажется возможность использования союза *да* в примерах, где нельзя сказать однозначно, какой именно из двух вариантов значения подходит:

(20) Пьян да умен: два уголья в нем.

Кажется, что это предложение может быть перефразировано с *но*: *Хоть и пьян, но умен...* и с *и*: *Пьян и в то же время умен*. Тем не менее в целом эту поговорку можно понимать и без уточнения.

Особенно интересным нам кажется такое употребление в примере:

(21) Тренеры часто меняют свой план, иногда в последний момент. Да так интересней.

Здесь *да* вставил переводчик фразы, которая в подлиннике не имела никакой маркировки логических отношений между первой и второй частями:

(22) Many trainers change their minds violently, some when the clock's begun striking. Makes life more interesting¹¹.

⁹ Сакулина Е. А. Функционирование сочинительного союза «да» на уровне простого предложения: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2000. 133 с.

¹⁰ Ушаков 2008. С. 189.

¹¹ Фрэнсис Дик. «Движущая сила» ("Driving Force"). BOOK. FROM. NET [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bookfrom.net/>

Использование *да* в его основных функциях нередко не позволяет заменить его синонимами без утраты смысла; ср.:

(23) Малаховка да Красково — вот и вся среда обитания.

Союз *да* передает исчерпанность возможностей перечисления, тогда как союз *и* допускает и завершение перечисления, и возможность его продолжения.

В то же время и обратная замена возможна далеко не всегда, даже когда речь идет о контекстах, традиционных для союза *да*:

(24) Жили-были три брата, и жили они очень бедно¹².

И это в общем объяснимо, так как при полной функциональной избыточности вряд ли союз употреблялся бы в современном русском языке.

Для представления о значении и функциях союза *да* следует добавить и затрудненность (а иногда и невозможность) использования его в ситуации передачи последовательных событий в нарративе:

(25) *Да пошли они солнцем палимы. (Ср.: И пошли они солнцем палимы)¹³.

(26) *Да побежал колобок дальше¹⁴.

В то же время такое употребление возможно при передаче авторской речи:

(27) Мы и так шумели, да учитель закричал: вообще конец света!

На основании отмеченных функций можно сделать вывод о том, что общее значение союза *да* не сводится ни к значению добавления (как у *и*), ни к значению противоречия (как у *но* или *а*): эти оттенки могут выводиться из общего значения, в том числе с узуализацией, т. е. с превращением в отдельные значения этой лексемы — союза

dick-francis/page,23,63580-driving_force.html (дата обращения: 28.02.2023).

¹² Ушаков 2008. С. 204.

¹³ Некрасов Н. Размышления у парадного подъезда. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems/39548/razмышleniya-u-paradnogo-podezda> (дата обращения: 21.02.2023).

¹⁴ Колобок. Русская народная сказка [Электронный ресурс]. URL: <https://rasskajem.ru/kolobok> (дата обращения: 21.02.2023).

да. Общее значение можно сформулировать как ‘говорящий утверждает о наличии дополнительной информации’. Частные значения соответствуют тем случаям, когда есть необходимость в этой информации, т. е. функциям этого союза. Первой мы называем функцию присоединения схожей информации, которую выполняют также союзы *и*, *а также*, *наряду с* и многие другие. Однако, как мы отметили выше, выполнение одной функции не предполагает полного совпадения значений. Для союза *да* значение присоединения может формулироваться как ‘к названному добавляется нечто, на этом сообщение исчерпывается’ или в виде формулы: $Y \text{ да } X = \langle X, \text{и ничто другое} \rangle$.

Заметим, что при такой формулировке употребление *да* невозможно в тех случаях, когда присоединение информации связано с ожидаемостью и логической выводимостью:

(28) Он включил свет, и все увидели... (нельзя

*Он включил свет да все увидели...)

Сюда же попадает и отмеченное выше ограничение на использование союза *да* в последовательном изложении событий.

Что касается второго значения, связанного с противопоставлением, здесь можно тоже исходить из основного компонента — добавления информации. Однако тут в качестве узализированного компонента выступает «добавление не вполне ожидаемого». Степень определенности этого нарушения ожидания, видимо, можно оценивать как небольшую, меньшую, чем при употреблении *но*.

Наконец, третьим — самым редким — значением является употребление союза *да* в тех случаях, когда не выражены в явном виде ни противопоставление, ни присоединение подобного. Точнее, присоединение информации явно присутствует, но она не охарактеризована с точки зрения выводимости и противопоставления: из факта присоединения данной информации слушающий сам может сделать вывод о том, насколько ее можно считать ожидаемой или противоречивой.

Семантическая структура союза *да*:

Общее значение: говорящий добавляет информацию к сказанному, и других добавлений не ожидается.

Функция 1: добавление информации. Значение 1: $X \text{ да } Y = X$ добавляется информация Y , и она схожая с предыдущей.

Функция 2: прибавление информации, противоречащей исходной. Значение 2: $X \text{ да } Y = X$ добавляется Y , которая не соответствует X . Функция 3: прибавление информации. Значение 3: $X \text{ да } Y =$ добавляется информация.

Все остальные моменты смысла (схожее или противоречащее) не вносятся союзом и могут формироваться за счет контекста, а могут совсем не конкретизоваться в тексте.

Обсуждение. Таким образом, выясняется, что в сфере выражения сочинительных отношений в русском языке имеется не одна оппозиция, а три. С одной стороны, у нас есть противопоставление «ожидаемое (логически выводимое) vs противоречие ожидаемому» (*и* — *но*). Далее есть противопоставление «похожее vs новое» (*и* — *а*). Наконец, есть противопоставление союза *да*, имеющего общее значение сообщения о факте присоединения информации, который противопоставлен трем другим союзам, уточняющим присоединяемую информацию (частично союз *да* приобретает оттенки, соответствующие этим союзам).

Осталось определить роль семантики союзов в синтаксической и семантической организации связного текста. Для этого перейдем теперь к описанию поведения адресата при восприятии связного текста. В принципе связность текста в последовательном изложении обеспечивается самой последовательностью сообщений и выбором слов на роль темы. Ср.:

(29) Пуля, им отлитая, просвишет
Над седою вспененной Двиной.
Пуля, им отлитая, отыщет
Грудь мою, она пришла за мной¹⁵.

Последовательность предложений воспринимается как связная, отражающая последовательность действий и причину безо всякого использования союзов.

Иными словами, рассматривая восприятие сообщения, содержащего несколько утверждений, с позиций адресата можно постулировать некоторую общую

¹⁵ Гумилев Н. Рабочий. Ру.Стих [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/nikolaj-gumilev-rabochij/> (дата обращения: 20.02.2023).

операциональную (т. е. связанную с операцией понимания) презумпцию: адресат ожидает услышать продолжение сказанного. Она вытекает напрямую из принципа релевантности: последующее сообщение (высказывание) является развитием сказанного ранее. А вот каким именно развитием: продолжением действия или описания, объяснением его или переходом к чему-либо новому — это варьируется в зависимости от намерений говорящего. Более того, возможно и появление информации, никак не связанной с предыдущим сообщением: говорящий что-то вспомнил, счел необходимым сообщить именно в этом месте и т. п.:

(30) Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки¹⁶.

При наличии связи между первым и вторым простыми предложениями третье не связано с предыдущими, представлено автором как то, что лирическая героиня вспомнила независимо от самого события.

Использование соединительных и противительных союзов означает, что говорящий считает нужным уточнить ожидаемую (выводимую) информацию: подтвердить выводимость или, напротив, ее опровергнуть, подготовить к новой информации, показать ограниченность добавляемого — невыводимость, ненаступление ожидаемого. Схожие выводы для английского и некоторых германских языков можно найти в трудах А. Fetzer [Fetzer 2018], А. Speyer [Speyer 2014].

В целом толкование значений основных союзов позволяет описать возможные ожидания слушающего и необходимость их корректировки (по крайней мере, наиболее важные случаи, получившие закрепленное выражение в языке). В результате получаются следующие функции — А, Б, В, Г, Д, Е:

А) добавляется информация и больше добавляться не будет: *da*;

Б) добавляется похожая информация: *u*, *da*, *and*, *und*;

В) добавляется информация, отличная от предыдущей: *a*, *While*;

Г) информация замещает отрицаемую: *a*, *sondern*;

Д) добавляемая информация противоречит ожиданию: *no*, *da*, *but*, *aber*;

Е) добавляется информация, и об ожидании ничего не говорится: *da*.

Остальные сочинительные союзы в рассматриваемых языках играют роль, близкую к одной из них.

Таким образом, можно сделать вывод о структуре ожиданий слушающего так, как это маркируют средства различных языков (мы здесь не выясняем, различаются ли ожидания в этих языках). Маркируется сам факт наличия добавляемой информации, т. е. указание на то, что дальше нечто последует и оно связано с предыдущим сообщением. Далее может маркироваться сходство информации с предыдущей. В том числе сходство может заключаться в том, что добавляемая информация соответствует ожиданию слушающего, выводима из предшествующего контекста. В этом случае возможна предварительная маркировка, осуществляемая союзом *и... и*, когда сразу же сообщается о приведении схожей информации.

Из описания союзов с точки зрения ожидания слушающего можно сделать и вывод о возможных действиях слушающего при понимании сообщения: у субъекта формируется представление о том, что сообщаемое связано с предыдущим и в основном логически выводимо из него. Потому говорящий должен маркировать противоречие ожиданию (функция Д) и появление чего-то нового (функция В). Функции А, Б и Е показывают, что никаких отклонений ждать не приходится. А функция Г оказывается частью осмысления отрицания. В нескольких языках (в том числе немецком) эта функция маркируется особым словом, а в русском рассматривается как частный случай функции В. Указанные функции представляют ситуацию обобщенно. Наше исследование показывает, что в пределах одной функции могут оказаться различные способы ее выражения. Кроме того, нужно учитывать и то, что эти же функции могут выражаться и другими средствами, которые тоже вносят свои оттенки в семантику высказывания, объединяющего два сообщения или сообщение о двух и более предметах.

¹⁶ Ахматова А. Песня последней встречи. Ру. Стих [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/anna-axmatova-pesnya-poslednej-vstrechi/> (дата обращения: 21.02.2023).

Заключение. В работе были рассмотрены функции и связанные с ними значения нескольких простых сочинительных союзов русского языка и проведено предварительное сравнение с некоторыми союзами ряда европейских языков.

Выявлены основные типы информации, которые могут передаваться при их употреблении.

В первую очередь, это эксплицитное указание на то, что следующая информация связана с предыдущей. Далее слушающий получает предупреждение о том, насколько следующая информация соотносится с только что сообщенной. Представлены два основных типа такого предупреждения: информация будет подобной или информация будет представлять нечто неожиданное. Последнее, в свою очередь, может сводиться к противоречию ожидаемого, отличию от уже отвергнутого сказанного или просто сообщению о новизне дальнейшей информации.

В целом такие уточнения зафиксированы в лексических значениях слов-союзов, и это относится даже к выводимым оттенкам, как, к примеру, оттенку противоречия у союза *и*. Однако эти оттенки смысла не всегда выражаются союзами. В частности, союз *да* может их не выражать, однако он представляет сказанное как исчерпывающее.

Функции союзов оказываются связанными с уточнением, пониманием слушателем сообщения, что свойственно и другим служебным словам, в частности частицам. В случае с союзами коррекция затрагивает представление о логической связи сообщений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е. Г. Управление пониманием. Языковые единицы, регулирующие понимание сообщения // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 6. С. 34–50.
2. Борисова Е. Г. Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики. М.: ФЛИНТА, 2021. 196 с.
3. Зализняк А. А. Лингвоспецифичные единицы русского языка в свете контрастивного корпусного анализа // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы ежегодной Международной конференции «Диалог 2015». 2015. Т. 1, № 14. С. 683–695.
4. Имплицитность в языке и речи: монография / отв. ред. Е. Г. Борисова

и Ю. С. Мартеньянова. М.: Языки русской культуры, 1999. 200 с. [Борисова, Мартеньянов 1999].

5. Инькова О. Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания // Семантика коннекторов: контрастивное исследование: монография / под. науч. ред. О. Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018. С. 5–23. <https://doi.org/10.30826/SEMANTICS18-01>.

6. Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. 2-е изд., испр. М.: URSS, 2009. 216 с.

7. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения: монография. М.: Языки славянских культур, 2004. 472 с.

8. Николаева Т. М. Сочинительные союзы *а*, *но*, *и*: история, сходства и различия // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: кол. монография / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 13–46.

9. Падучева Е. В., Крейдлин Г. И. Значение и синтаксические свойства союза *А* // Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 427–441.

10. Санников В. З. Русские сочинительные конструкции: семантика, прагматика, синтаксис. М.: Наука, 1989. 266 с.

11. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов: лингвистические данные о деятельности сознания: монография. М.: Языки славянской культуры, 2011. 336 с.

12. Фужерон И. И. Еще раз к вопросу о сочинительных союзах // Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей: кол. монография / отв. ред. Т. М. Николаева. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 57–70.

13. Fetzer A. The encoding and signaling of discourse relations in argumentative discourse: Evidence across production formats // The Construction of Discourse as Verbal Interaction. 2018. P. 13–44. <https://doi.org/10.1075/pbns.296.02fet>.

14. Kapatsinski V. Adversative conjunction choice in Russian (*no*, *da*, *odnako*): Semantic and syntactic influences on lexical selection // Language Variation and Change. 2009. Vol. 21, № 2. P. 157–173. <https://doi.org/10.1017/S0954394509990068>.

15. Malchukov A. L. Towards a semantic typology of adversative and contrast marking // Journal of Semantics. 2004. Vol. 21, № 2. P. 177–198. <https://doi.org/10.1093/jos/21.2.177>.

16. Speyer A., Fetzer A. The coding of discourse relations in English and German argumentative // The Pragmatics of Discourse Coherence: Theories and applications Ed. by H. Gruber and G. Redeker. 2014. P. 87–119. <https://doi.org/10.1075/pbns.254.04spe>.

REFERENCES

1. Borisova E. G. Understanding management: language units as indicators of message comprehension. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya = Moscow University Bulletin. Series 9. Philology*. 2018;(6):34–50. (In Russ.)
2. Borisova E. G. An interactive approach to describing vocabulary and grammar. Moscow: Flinta, 2021. 196 p. (In Russ.)
3. Zaliznyak A. A. Linguospecific units of the Russian language in the light of contrastive corpus analysis. *Kompyuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: materialy ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2015» = Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference «Dialogue» (2015)*. 2015. Iss. 14. Vol. 1. P. 683–695. (In Russ.)
4. Implicitness in language and speech: a monograph. Ed. by E. G. Borisova and Y. S. Martemyanov. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1999. 200 p. (In Russ.). [Borisova, Martemyanov 1999].
5. Inkova O. Yu. Linguospecificity of connectors: methods and parameters of description. *Semantika konnektorov: kontrastivnoe issledovanie: monografiya; pod. nauch. red. O. Yu. Inkovo = Semantics of connectors: contrastive study*. Ed. by O. Yu. Inkova. Moscow: TORUS PRESS, 2018. P. 5–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.30826/SEMANTICS18-01>
6. Kruchinina I. N. The structure and functions of the cohesive relation in the Russian language. 2nd ed., revised. Moscow: URSS, 2009. 216 p. (In Russ.)
7. Kustova G. I. Types of derived meanings and mechanisms of linguistic expansion. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2004. 472 p. (In Russ.)
8. Nikolaeva T. M. Conjunctions a, but, and: history, similarities and differences. *Verbal'naya i neverbal'naya opory prostranstva mezhfrazovykh svyazei*. Orv. red. T. M. Nikolaeva = *Verbal and nonverbal supports of the space of interphrase relations*. Ed. by T. M. Nikolaeva. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. P. 13–46. (In Russ.)
9. Paducheva E. V., Kreydlin G. I. Meaning and syntactic properties of the conjunction A. *Paducheva E. V. Stat'i raznykh let = Articles of different years*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. P. 427–441. (In Russ.)
10. Sannikov V. Z. Russian compositional constructions: semantics, pragmatics, syntax. Moscow: Nauka, 1989. 266 p. (In Russ.)
11. Uryson E. V. Experience in describing the semantics of unions: linguistic data on the activity of consciousness. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2011. 336 p. (In Russ.)
12. Fuzheron I. I. Once again to the issue of conjunctions. *Verbal'naya i neverbal'naya opory prostranstva mezhfrazovykh svyazei*. Orv. red. T. M. Nikolaeva = *Verbal and nonverbal supports of the space of interphrase relations*. Ed. by T. M. Nikolaeva. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. P. 57–70. (In Russ.)
13. Fetzer A. The encoding and signaling of discourse relations in argumentative discourse: Evidence across production formats. *The Construction of Discourse as Verbal Interaction*. Ed. by M. de los Á. Gómez González, J. Lachlan Mackenzie. John Benjamins Publ., 2018. P. 13–44. (In Engl.) <https://doi.org/10.1075/pbns.296.02fet>.
14. Kapatsinski V. Adversative conjunction choice in Russian (*no, da, odnako*): Semantic and syntactic influences on lexical selection. *Language Variation and Change*. 2009;21(2):157–173. (In Engl.) <https://doi.org/10.1017/S0954394509990068>.
15. Malchukov A. L. Towards a semantic typology of adversative and contrast marking. *Journal of Semantics*. 2004;21(2):177–198. (In Engl.) <https://doi.org/10.1093/jos/21.2.177>
16. Speyer A., Fetzer A. The coding of discourse relations in English and German argumentative. *The Pragmatics of Discourse Coherence: Theories and applications* Ed. by H. Gruber, G. Redeker. John Benjamins Publ., 2014. P. 87–119. (In Engl.) <https://doi.org/10.1075/pbns.254.04spe>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Евгения Викторовна Бирюкова, доктор филологических наук, профессор

Елена Георгиевна Борисова, доктор филологических наук, профессор

Игорь Сергеевич Калятин, кандидат филологических наук, доцент

Evgeniya V. Biryukova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Elena G. Borisova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Igor S. Kalyatin, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 20.11.2023; одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 23.04.2024.

The article was submitted 20.11.2023; approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 23.04.2024.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-90-98>

Прецедентные тексты как языковые механизмы создания аттрактивности газетного заголовка в медиадискурсе Интернета

Тимур Беньюминович Радбиль¹, Лариса Викторовна Рацибурская²

^{1,2} *Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия*

¹ *timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>*

² *racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>*

Аннотация. В статье рассматриваются газетные заголовки, созданные с использованием прецедентных феноменов и тем самым выступающие как действенные языковые механизмы реализации аттрактивности медиатекста. Материалом исследования послужили газетные заголовки в текстах интернет-версии «Российской газеты» за 2023 и 2024 г. Применяется метод когнитивно-дискурсивного анализа, а также комплексная методика анализа активных процессов в языке. Авторы исходят из положения о том, что заголовок несет определенную информацию о содержании текста и может выполнять текстообразующую и оценочную функции. Осуществлен анализ источников заголовков на базе прецедентных феноменов, типов преобразования прецедентных текстов, функций использования прецедентных текстов для создания газетных заголовков в языке современных интернет-медиа. Показано, что источниками прецедентных текстов в заголовках выступают широко известные произведения литературы и искусства, фразеологизмы и паремии, так называемые крылатые слова, иные устойчивые выражения и клише. Выявлены структурно-семантические, собственно семантические и прагмасемантические модели преобразований исходного прецедентного текста. Охарактеризованы такие функции использования прецедентного текста в заголовках, как информативная, текстообразующая, воздейственная, экспрессивная, оценочная и аттрактивная. Делается вывод о том, что значительный воздейственный, аттрактивный и оценочный потенциал прецедентных феноменов в заголовках чаще всего реализуется в преобразованных прецедентных текстах, что связано с актуализацией культурной информации, известной читателям в силу своей закреплённости за данным прецедентным феноменом, на которую наслаивается новая информация, актуальная для данного автора в данном конкретном тексте, при этом в образной, игровой форме.

Ключевые слова: газетный заголовок, прецедентные феномены, прагматика, трансформация прецедентных текстов, медиадискурс Интернета

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

Для цитирования: Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В. Прецедентные тексты как языковые механизмы создания аттрактивности газетного заголовка в медиадискурсе Интернета // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 90–98. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-90-98>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Precedent texts as linguistic mechanisms for creating an attractive newspaper headline in the Internet media discourse

Timur B. Radbil¹, Larisa V. Ratsiburskaya²

^{1,2} National Research Nizhny Novgorod Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia

¹ timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

² racib@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

Abstract. The article examines newspaper headlines produced using precedent phenomena, and thereby they act as effective linguistic mechanisms for creating media text attractiveness. The research material is comprised of newspaper headlines obtained from the online versions of "Rossiiskaya Gazeta" texts for 2023 and 2024. We used cognitive discourse analysis in conjunction with a comprehensive methodology for examining active processes in language. We assume that headlines convey certain information about the text content and can perform text-forming and evaluative functions. The study analysed the sources of headlines based on precedent phenomena, types of precedent text transformation, functions of using precedent texts to create newspaper headlines in the modern Internet media language. The research shows that precedent text sources in the headings are well-known works of literature and art, phraseological units and proverbs, the so-called catchphrases, other set expressions and clichés. Structural-semantic, semantic proper, and pragma-semantic models for transforming original precedent texts were identified. The paper also characterises such functions of using precedent text in headlines as the informative, text-forming, persuasive, expressive, evaluative, and attraction functions. We conclude that the considerable persuasive, attractive, and evaluative potential of precedent phenomena in headlines is most often realised in transformed precedent texts. This is associated with the foregrounding of cultural information known to readers due to its link to a specific precedent phenomenon. New information relevant to a particular author in a particular text is superimposed on the familiar cultural information in a figurative, playful form.

Keywords: newspaper headlines, precedent phenomena, pragmatics, precedent text transformation, Internet media discourse

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

For citation: Radbil T. B., Ratsiburskaya L. V. Precedent texts as linguistic mechanisms for creating an attractive newspaper headline in the Internet media discourse. *Russkii yazyk v shkole* = Russian language at school. 2024;85(4):90–98. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-90-98>.

Введение. Современный язык массмедиа, особенно в его интернет-версии, отличается установкой на повышенную аттрактивность в контексте оптимальной реализации воздейственной функции [Дускаева 2019]. Особую роль в этой связи играет газетный заголовок, занимающий сильную позицию в тексте и являющийся своего рода центром притяжения читательского внимания. Ученые отмечают высокий экспрессивный фон заголовков: «Выполняя информативную и прагматическую функции, заголовок играет роль первой скрипки в тексте и во всем заголовочном ансамбле и служит ориентиром для читателя» [Ляпун 1998: 48]. Заголовок несет определенную информацию о содержании текста и может выполнять текстообразующую и оценочную функции. Особенно важную роль играет заголовок в электронных СМИ: «...большие объемы данных в интернет-пространстве усиливают конкуренцию между СМИ, привлечь внимание читателя и выделить публикацию в условиях переизбытка информации становится все сложнее»¹. В связи с этим особенно

актуальной оказывается аттрактивная функция заголовка. Он должен содержать мощный воздейственный посыл, поэтому все элементы заголовка приобретают прагматическую значимость [Рацибурская, Торопкина 2015; Торопкина 2017]². Современный газетный заголовок использует практически все возможные средства языковой выразительности. Не последнее место в этом ряду занимают так называемые прецедентные тексты как «носители культурно значимой информации, апелляция к которым в дискурсе позволяет задействовать культурный фон аудитории, культурные знания адресата» [Радбиль, Помазов 2020: 140].

Концепция прецедентных текстов в отечественной науке о языке восходит к идеям Ю. Н. Караулова: «Назовем прецедентными — тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие новообразований в заголовках электронных СМИ XXI в.): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2020. С. 46.

² См. также: Шумилова А. В. Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2011. 298 с.

¹ Куликова В. А. Словообразовательные средства выражения негативной оценки (на материале

сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников; и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной личности» [Караулов 2010: 216]. В «Словаре лингвокультурологических терминов» под ред. М. Л. Ковшовой³ прецедентный текст также определяется как *ментефакт*, хорошо известный большинству представителей национально-лингво-культурного сообщества, апелляция к которому регулярно возобновляется в их речи, актуальный в познавательном и/или эмоциональном планах. При этом о тексте можно говорить как о «прецедентном» «только если он используется не буквально, а в функции вторичного означивания — в качестве средства символизации любой ситуации вне связи с содержанием исходного «пратекста»: ср. активную эксплуатацию в общенародном дискурсе текста, к примеру, “Горя от ума”, при том что средний носитель языка вряд ли помнит содержание комедии» [Радбиль 1999: 35]. Прецедентные тексты выступают как проявление более широкого феномена интертекстуальности, т. е. модели «текст в тексте» [Денисова 2003]. Имплицитная культурно-значимая информация интертекстуального характера в современных медийных текстах выступает одним из репрезентативных способов выражения авторской позиции в тексте, его выразительности и воздейственного эффекта.

В более широком контексте в современной науке принято говорить о прецедентных феноменах, которые не обязательно имеют вербальную природу. Так, В. В. Красных выделяет следующие их типы: 1) *прецедентная ситуация* — некая «эталонная», «идеальная» ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; 2) *прецедентный текст* — законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов

которого не равна его смыслу; 3) *прецедентное имя* — индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило относящимся к прецедентным (*Печорин, Теркин*), или с прецедентной ситуацией (*Иван Сусанин*); 4) *прецедентное высказывание* — воспроизводимый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу: к числу прецедентных высказываний принадлежат цитаты из текстов различного характера (*Не спится, няня!, Кто виноват? и Что делать?, Ждем-с*), а также пословицы (*Тише едешь — дальше будешь*) [Красных 2002]. Также в работе В. Г. Костомарова и Н. Д. Бурвиковой высказана важная для нашего исследования мысль, что «прецедентными» (т. е. значимыми в данных культурных координатах) бывают не только сами тексты, но и, к примеру, стихотворные размеры, строфы, эталонные образцы ритмической организации речи, ораторские приемы и пр. [Костомаров, Бурвикова 1996: 301].

На наш взгляд, наибольший эффект в создании аттрактивности газетного заголовка имеют разнообразные модели преобразования исходного прецедентного текста: «...в этом случае на культурную информацию, уже закрепленную в языковом сознании носителей языка за этим феноменом, наслаивается новая, актуальная уже для данного автора в данном конкретном медиатексте» [Радбиль, Помазов 2020: 140].

В работах [Радбиль 1999]⁴ описаны разнообразные типы преобразования исходного прецедентного текста, которые делятся на три большие группы — **структурно-семантические, собственно семантические и прагматические**. К структурно-семантическим преобразованиям относятся разнообразные типы перестройки структуры исходного прецедентного текста — замена компонента, вставка компонента, перестановка компонентов, исключение (элиминация) компонента, контаминация нескольких прецедентных тестов и др.

³ Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков; отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. С. 116 (СЛТ).

⁴ См. также: Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М.: МПГУ, 2006. 496 с.

К собственно семантическим преобразованиям относятся разнообразные случаи семантических сдвигов в компонентах прецедентного текста без его структурного изменения — «буквализация» семантики одного или нескольких компонентов, обыгрывание многозначности одного или нескольких компонентов (амфиболия), возникновение окказиональной семантики, несвойственной изначально исходному прецедентному тексту, и пр. К прагмасемантическим преобразованиям относятся случаи, когда исходный прецедентный текст без структурных или семантических изменений либо помещается в заведомо неадекватный контекст, либо используется в несоответствующей речевой ситуации. Ср. замечание М. А. Кронгауза: «Этот тип разрушения подразумевает точное воспроизведение речевого клише, но в необычных условиях. Необычность условий может заключаться в нестандартности контекста или нестандартности речевой ситуации, каких-то экстралингвистических обстоятельствах, т. е. контекста в широком смысле слова» [Кронгауз 1998: 189]. Наш материал показывает возможности использования для создания газетного заголовка всех трех указанных типов преобразований прецедентного текста.

Таким образом, цель данного исследования — проанализировать источники заголовков на базе прецедентных феноменов, типы преобразования прецедентных текстов, функции использования прецедентных текстов для создания газетных заголовков в языке современных интернет-медиа.

Методы и материалы исследования. Материалом исследования послужили газетные заголовки в текстах интернет-версии «Российской газеты» за 2023 и 2024 г. (свободная выборка). Из 400 проанализированных заголовков было выявлено 120 на базе прецедентных феноменов.

В статье применяется метод когнитивно-дискурсивного анализа, как он представлен в ряде исследований (см.: [Чернявская 2018; Радбиль 2021]), а также разработанная учеными Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского комплексная методика анализа активных процессов в языке [Радбиль, Рацибурская, Палоши 2021].

Анализ. 1. Источники прецедентных заголовков. Источники заголовков на базе прецедентных феноменов довольно разнообразны. Это могут быть названия широко известных произведений литературы и искусства. Так, публикация «Коварство без любви» (rg.ru 2023. 29 мая) посвящена постановке оперы Верди «Луиза Миллер» по пьесе Шиллера «Коварство и любовь». Название пьесы А. Н. Островского «Волки и овцы» послужило источником для заголовка «Волки и куклы»: «Уроки и открытия международного “Образцовфеста”» (rg.ru 2023. 3 окт.). Название известного романа Энтони Бёрджесса «Заводной апельсин» использовано в качестве заголовка публикации об апельсиновом вине — новом гастрономическом тренде (rg.ru 2023. 9 авг.).

В заголовках нередко используются названия популярных песен, особенно советской эпохи: «Яростный стройотряд. У 200 тысяч студентов начался третий трудовой семестр» (Там же). «Яростный стройотряд» — известная советская песня на музыку А. Пахмутовой и слова Н. Добронравова.

Публикация Павла Басинского с заголовком «Три богатыря» (rg.ru 2023. 29 мая), коррелирующим с названием известной картины Васнецова, посвящена трем крупнейшим отечественным писателям — А. М. Горькому, В. В. Маяковскому и А. И. Солженицыну.

Нередко в качестве источников прецедентных заголовков в «Российской газете» используются названия фильмов. Заголовок «Легко ли быть молодым» (rg.ru 2023. 11 мая) представляет собой трансформированное название документального фильма перестроечного периода «Легко ли быть молодым?» 1986 г. Публикация посвящена использованию подростков в военных, диверсионно-террористических целях и психологических операциях. В публикации с заголовком «Однажды 27 лет назад» (Там же), иронически описывающей обвинения против экс-президента США Дональда Трампа, касающиеся событий 27-летней давности, обыгрывается название советского кинофильма «Однажды 20 лет спустя» 1980 г. Заголовок «Опасные связи» (Там же) статьи, характеризующей недостатки известных мессенджеров, дублирует название популярного российского телешоу 2019 г. В заголовке «Беспилотники вооружены и очень

опасны» (rg.ru 2023. 12 июля) отражено название советского фильма «Вооружен и очень опасен» 1978 г. В заголовке «Старые приключения “Неуловимых”». 100 лет назад на экраны вышел фильм “Красные дьяволята”» (rg.ru 2023. 9 авг.) обыгрывается название популярного советского фильма «Новые приключения неуловимых» 1968 г. Заголовок «Игры киприотов» (rg.ru 2023. 9 окт.) — «Собкора “РГ” на Кипре арестовали по указке ЦРУ» — отталкивается от названия кинофильма «Игры патриотов» 1992 г.

В заголовках могут обыгрываться не только названия литературных произведений, фильмов, но и текстовые фрагменты. Так, заголовок « Попрошу остаться » (rg.ru 2023. 9 авг.) представляет собой фрагмент фразы Мюллера из телесериала «17 мгновений весны»: *Штирлиц, а Вас я попрошу остаться*. Публикация посвящена юбилею фильма. В заголовке «Очень приятно, царь» (rg.ru 2023. 3 окт.) явная отсылка к популярному кинофильму «Иван Васильевич меняет профессию».

В заголовке «А мы по шпалам. “Книжный поезд” остановится в 14 российских городах» (Там же) используется видеоизмененная строчка песни «Последняя электричка» Д. Тухманова и М. Ножкина. Известная фраза из кинофильма «Бриллиантовая рука» отражена в заголовке публикации «Очнулся — гипс» о мошенниках, которые имитировали травмы, чтобы получить страховку (Там же).

Тематика публикаций с прецедентными заголовками, источники которых — произведения литературы и искусства, не обязательно связана с указанными сферами. Это могут быть области юриспруденции («Игры киприотов»), Интернета («Опасные связи»), гастрономии («Заводной апельсин»), харассмента («Однажды 27 лет спустя»), СВО («Беспилотники вооружены и очень опасны»), организации летнего отдыха («Крымские каникулы»), студенческой и молодежной жизни («Яростный стройотряд», «Легко ли быть молодым»).

В заголовках нередко используются имена персонажей и авторов произведений, а также известных личностей из других сфер общественной жизни:

Заветы русского Гомера (rg.ru 2023. 9 авг.); Пищик для ума (rg.ru 2023. 29 мая); Миллионы за вид Мэри Поппинс (rg.ru 2023. 11 июля);

Горячкиной пора (rg.ru 2023. 29 мая); Марио больше не супер (rg.ru 2023. 11 июля).

В заголовке «Пищик для ума» обыгрывается не только устойчивое выражение *пища для ума*, но и прецедентное имя литературного персонажа *Симеонов-Пищик* из пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад»: «А знаете, ведь почему-то все забыли, кто в “Вишневом саду” оказался главным победителем? Помещик Симеонов-Пищик». В тексте публикации «Миллионы за вид Мэри Поппинс» упоминается также название кинофильма: «Роскошный особняк XVIII века из фильма “Мэри Поппинс возвращается” продан за 12 миллионов фунтов стерлингов». В заголовке «Горячкиной пора», перекликающемся с устойчивым словосочетанием *горячая пора*, используется имя известной спортсменки: «У Горячкиной есть шанс второй раз сыграть в матче за корону». В качестве прецедентного имени может выступать окказионализм на базе имени собственного, называющего известную личность. Так, в заголовке «Марио больше не супер» обыгрывается окказионализм *СуперМарио*, который относится к известному футболисту Марио Фернандесу: «Известный тренер Валерий Непомнящий раскритиковал экс-игрока ЦСКА защитника Фернандеса за его скандальный переход в питерский “Зенит”».

В «Российской газете» в качестве прецедентных текстов часто используются устойчивые, расхожие выражения и клише:

Сбавить обороты. Машины с пробегом подешевели (rg.ru 2023. 12 июля); *Прокатиться с ветерком*. Россияне все чаще отдают предпочтение более продвинутому электротранспорту с более высоким средним чеком (rg.ru 2023. 11 мая); *Поговорить по душам*. На Вятке широко внедряют кабинеты психологической помощи (rg.ru 2023. 9 авг.); *Центры притяжения <...>*. Привлечь внимание к малым городам и начать обсуждение образа будущего малых городов России... (rg.ru 2023. 11 мая).

Иногда в качестве исходного прецедентного текста используются пословицы: «Мал автомобиль, да дешев. В Петербурге готовятся запустить производство компактного электромобиля» (rg.ru 2023. 23 мая); ср.: *мал золотник, да дорог*.

Источником для заголовков могут служить фрагменты высказываний известных политиков и общественных деятелей,

а также так называемые крылатые слова. Например, в заголовке «Красные линии Белграда. Армия Сербии приведена в полную боевую готовность на фоне нового витка эскалации насилия в Косово» (rg.ru 2023. 29 мая) используется ставшее популярным в политическом дискурсе последних лет словосочетание *красные линии*.

Как видно из примеров, тематика публикаций отражает актуальные сферы жизни общества: автотранспорт, искусственный интеллект, цифровизацию, градостроение и др.

2. Типы преобразований исходных прецедентных текстов. Некоторые прецедентные тексты используются в заголовках без изменений: «Заводной апельсин», «Опасные связи», «Три богатыря», «Яростный стройотряд», «Сбавить обороты», «Прокачаться с ветерком», «Подожли с умом», «По личному вопросу», «Поговорить по душам», «Дать дорогу» и др. Однако во многих случаях наблюдаются различные типы преобразований прецедентных текстов.

А. Структурно-семантические типы преобразований прецедентных текстов. В ряде заголовков наблюдается замена одного слова исходного прецедентного текста другим, созвучным с ним: «Курортный спор. Курортный сбор туристов, которые приезжают в Санкт-Петербург и останавливаются в гостиницах, хостелах, гостевых домах и других объектах размещения, начнут взимать с 1 апреля 2024 года» (rg.ru 2023. 29 мая); «Тарифный клан. Почему в регионах выросли цены на услуги такси...» (rg.ru 2023. 9 окт.) — исходное *тарифный план*; «Пулыт еды» (rg.ru 2023. 22 нояб.) — о росте цен на продукты, исходное *культ еды*; «Хмели-сумели. Российские пивовары пожаловались на нехватку сырья» (rg.ru 2023. 11 мая) — исходное *хмели-сунели*.

К этой группе преобразований относятся также заголовки, рассмотренные в предыдущем разделе: «Легко ли бить молодым», «Крымские каникулы», «Игры киприотов», «Пищик для ума», «Горячкиной пора».

Одно из слов прецедентного текста не обязательно заменяется созвучным: «Круговорот тары в природе. Теперь больше потребительских товаров будут упаковываться в бумагу, а не в пластик» (rg.ru 2023. 9 авг.), ср.: *круговорот воды в природе*; «Мал автомобиль, да дешев» (rg.ru 2023. 23 мая), ср.: *мал золотник, да дорог*. В последнем

случае можно говорить о новом лексическом наполнении известной модели.

В результате структурно-семантических преобразований возможна вставка компонента или исключение компонентов.

Вставка нового компонента, сопровождаемая искажением прежних компонентов, наблюдается в заголовке «Зерно в сомнении. Пока ни одно требование России в рамках зерновой сделки не выполнено» (rg.ru 2023. 11 мая), ср. устойчивое словосочетание *зерно сомнения*.

Исключение компонента наблюдается в заголовке «Как об стенку», где пропущено слово *горох*: «Людмила Самсонова упустила второй крупный титул WTA-1000 в сезоне» (rg.ru 2023. 3 окт.). В заголовке «Наше дело — право. Сегодня юристам всего мира стоит сесть за стол переговоров, чтобы переосмыслить практические подходы и перезагрузить систему международного права» (rg.ru 2023. 11 мая) отсутствует вторая часть известного высказывания В. М. Молотова в годы Великой Отечественной войны *Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!*

Б. Собственно семантические типы преобразований прецедентных текстов. К собственно семантическим изменениям относятся обыгрывание многозначности и омонимии компонентов прецедентного текста, возникновение окказиональной семантики.

Так, в заголовке «Принимайте на свой счет. Самому себе в другой банк бесплатно можно будет перевести 30 миллионов рублей в месяц» (rg.ru 2023. 9 авг.) каламбурно сталкиваются одно из лексических значений слова *счет*:

...4. Документ, отражающий состояние финансовых расчетов и обязательств, фиксирующих наличие денежных вкладов⁵ —

и совокупное метафорическое значение фразеологизма (*принять*) *на свой счет* 'счесть что-либо относящимся к себе'⁶. Каламбурно взаимодействуют прямое и переносное

⁵ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 944 с. (Ожегов, Шведова 2000).

⁶ Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков и др.; под ред. А. И. Молоткова. М.: Советская

значения слова *вооружение* в заголовке «Возмут на вооружение. Минюст предлагает наделить приставов правом носить оружие» (rg.ru 2023. 3 окт.).

Строчка из известной басни И. А. Крылова *Лебедь рвется в облака, рак пыхтит назад, а щука тянет в воду* обыгрывается в заголовке «Рак должен попятиться» (rg.ru 2023. 9 авг.). Публикация посвящена успехам медицины в борьбе с онкологическими заболеваниями, так что в заголовке каламбурно сталкиваются два омонима: *рак* ‘покрытое панцирем пресноводное или морское членистоногое с клешнями и брюшком’ и *рак* ‘злокачественная опухоль из эпителиальных и кроветворных клеток, канцер’⁷.

В заголовке «Приключения чиполлиний» (rg.ru 2023. 12 июля), перекликающемся с названием известной детской книги итальянского писателя Джанни Родари «Приключения Чиполлино», неодериват представляет собой контаминированное новообразование из трех исходных слов *Чиполлино*, *чип* и *линии*: «В будущем году в развитие новейших технологий вложат больше 230 миллиардов рублей».

В заголовке «Прогулькин нос. Площадок для выгула собак в России катастрофически не хватает...» (rg.ru 2023. 11 июля) в окказионализме *прогулькин* обыгрывается фразеологизм *с гулькин нос*.

Заголовки на базе прецедентных феноменов характеризуются яркой экспрессивно-оценочной функцией. Оценка чаще положительная («Он защищает Родину!», «Три богатыря», «Рак должен попятиться»), но заголовок может содержать негативную оценку («Опасные связи», «Игры киприотов»), включая иронию («Как об стенку», «Очнулся — гипс», «Марио больше не супер»). Некоторые заголовки имеют явно игровой характер: «Зерно в сомнении», «Пищик для ума», «Приключения чиполлиний», «Прогулькин нос» и др.

В. Прагматические типы преобразования прецедентных текстов. К прагматическим преобразованиям прецедентных текстов в заголовках относятся случаи, когда исходный пратекст без семантических

или структурных изменений помещается в несвойственное ему контекстное окружение или реализуется в нестандартной для него экстралингвистической ситуации/сфере употребления.

К явлениям использования неизмененного исходного прецедентного текста в несвойственном ему контекстном окружении относятся примеры расхождения исходного и наведенного в контексте коннотативно-оценочного и/или культурного фона. Например, помещенный в позицию заголовка прецедентный текст «Семеро по лавкам» (rg.ru 2024. 23 янв.) изначально связан с обозначением крайне бедственного положения многодетной сельской семьи и тем самым имеет негативно-оценочную культурную коннотацию. Однако в тексте статьи речь идет о том, что президент подписал указ, который закрепляет статус многодетной семьи в стране, после чего во всех регионах России родители с тремя и более детьми начнут получать равную социальную помощь, что приводит к возникновению у выражения положительно-оценочного фона. Аналогично прецедентное выражение «Златые горы» (rg.ru 2024. 22 янв.), которое первоначально в сочетании с глаголами *сулить*, *обещать* и под. означало неоправданное обещание кому-либо богатства, благополучия, больших денежных выгод⁸ и тем самым носило иронически-сниженный характер, используется в заголовке текста, посвященного повышенному интересу клиентов российских банков к покупке золотых слитков, т. е. явлению в целом позитивному. В этом примере можно видеть и семантическое преобразование, связанное с эффектом «буквализации» переносной семантики прецедентного текста — с употреблением его элемента *златой (золотой)* в прямом значении.

К явлениям использования неизмененного исходного прецедентного текста в нестандартной для него экстралингвистической ситуации относятся примеры несовпадения или расхождения исходной и новой сфер употребления. Так в заголовке «Цены на куриное яйцо пойдут на снижение» (rg.ru 2024. 23 янв.) совмещается исходная экстралингвистическая ситуация использования прецедентного текста

энциклопедия, 1968. 543 с. (Фразеологический словарь 1968).

⁷ Ожегов, Шведова 2000.

⁸ Фразеологический словарь 1968.

пойти на снижение, связанная с профессиональной речью авиаторов — *пойти на снижение* ‘(для самолета) снижаться, пойти на посадку’, и новая, связанная с областью экономики и финансов — с устойчивым выражением *снижение цен*.

Выводы. Исследование позволило выявить значительный аттрактивный и воздейственный потенциал, стоящий за использованием в заголовках газет прецедентных текстов, особенно в преобразованном виде, потому что именно в данном случае авторы добиваются эффекта семантической емкости и концептуальной многоплановости. Это связано с актуализацией культурной информации, известной читателям в силу своей закреплённости за данным прецедентным феноменом, на которую накладывается новая информация, актуальная уже для данного автора в конкретном тексте, при этом в образной, игровой форме.

Материалы «Российской газеты» свидетельствуют об актуальности прецедентных феноменов в современных медиа. В этом плане особенно показательны заголовки, в которых прецедентные тексты и имена представлены как в первозданном, так и в трансформированном виде. Заголовки на базе прецедентных феноменов выполняют различные функции, усиливающие воздейственный потенциал заголовков: информативную, текстообразующую, аттрактивную, экспрессивно-оценочную.

Как свидетельствует проанализированный материал и результаты исследований других авторов, заголовки на базе прецедентных феноменов характеризуются сочетанием явной экспрессивности и оценочности со скрытой/завуалированной оценочностью. Заголовки на базе прецедентных феноменов в ряде случаев призваны «завуалировать чрезмерный субъективизм и сгладить негативную оценочность»⁹. Оценочность в большинстве заголовков «Российской газеты», как правило, имеет социальный характер, а прецедентные феномены, представленные в заголовках, отражают разные социальные сферы, особенно сферу литературы и искусства.

⁹ Куликова В. А. Указ. соч.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
2. Дускаева Л. Р. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2019. № 6(1). С. 4–18. <http://doi.org/10.21638/spbu22.2019.101>.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.
4. Костомаров В. Г., Бурвикова Н. Д. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1996. С. 297–302.
5. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 155 с.
6. Кронгауз М. А. Речевые клише: энергия взрыва // Лики языка: сб. научных трудов. К 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 185–195.
7. Ляпуш С. В. Этика газетного заголовка (по материалам газет «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец») // Филология и журналистика в контексте культуры: материалы Всероссийской научной конференции: Вып. 2. Ростов на/Д: [б. и.], 1998. С. 48–49.
8. Радбиль Т. Б. Прецедентные тексты в языковой картине мира // Языковая картина мира в синхронии и диахронии: сб. научных трудов. Нижний Новгород: НГПУ, 1999. С. 34–41.
9. Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774. [http://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](http://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774).
10. Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 1. С. 140–153. <http://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>.
11. Радбиль Т. Б., Рацибурская Л. В., Палочки И. В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>.
12. Рацибурская Л. В., Торопкина В. А. Языковые и речевые средства негативной оценки политических событий в медийных текстах // Журналист. Социальные коммуникации. 2015. № 1–2 (17–18). С. 115–125.
13. Торопкина В. А. Прагматика деривационных процессов в языке современных массмедиа // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2017. № 3. С. 254–260.

14. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

REFERENCES

1. Denisova G. V. In the world of intertext: language, memory, translation. Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. 298 p. (In Russ.)
2. Duskaeva L. R. Vectors of praxiological analysis in medialinguistics. *Medialingvistika = Media Linguistics*. 2019;6(1):4–18. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.101>.
3. Karaulov Yu. N. Russian language and linguistic personality. 7th ed. Moscow: LKI, 2010. 264 p. (In Russ.)
4. Kostomarov V. G., Burvikova N. D. Precedent text as a reduced discourse. *Yazyk kak tvorchestvo: sb. statei k 70-letiyu V. P. Grigoryeva = Language as creativity: collection of articles for the 70th anniversary of V. P. Grigoryev*. Moscow: V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, 1996. P. 297–302. (In Russ.)
5. Krasnykh V. V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: a course of lectures. Moscow: Gnozis publ., 2002. 155 p. (In Russ.)
6. Krongauz M. A. Speech clichés: the energy of explosion. *Liki yazyka: sb. nauchnykh trudov. K 45-letiyu nauchnoi deyatel'nosti E. A. Zemskoi = Faces of language: a collection of scientific papers. To the 45th anniversary of E. A. Zemskaya's scientific activity*. Moscow: Nasledie Publ., 1998. P. 185–195. (In Russ.)
7. Lyapun S. V. Ethics of the newspaper headline (on the materials of the newspapers "Komsomolskaya Pravda" and "Moskovsky Komsomolets"). *Filologiya i zhurnalistika v kontekste kul'tury: materialy Vserossiyskoi nauchnoi konferentsii: Vyp. 2 = Philology and journalism in the context of culture: materials of the All-Russian scientific conference: Iss. 2*. Rostov-on-Don: [s.n.], 1998. P. 48–49. (In Russ.)
8. Radbil T. B. Precedent texts in the linguistic picture of the world. *Yazykovaya kartina mira v sinkhronii i diakhronii: sb. nauchnykh trudov = Linguistic picture of the world in synchronicity and diachrony: collection of scientific papers*. Nizhny Novgorod: NSPU, 1999. P. 34–41. (In Russ.)
9. Radbil T. B. "Samoizolyatsiya" ("self-isolation") as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect. *Kommunikativnye issledovaniya = Communication Studies (Russia)*. 2020;7(4):759–774. (In Russ.) [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774).
10. Radbil T. B., Pomazov A. I. Precedent phenomena as means of establishing attractiveness in polycode Internet text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie = Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2020;19(1):140–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>.
11. Radbil T. B., Ratsiburskaya L. V., Paloshi I. V. Active processes in the vocabulary and word formation of the Russian language in the era of coronavirus: linguo-cognitive aspect. *Nauchnyi dialog*. 2021;(1):63–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-63-79>.
12. Ratsiburskaya L. V., Toropkina V. A. Language and speech means of negative assessment of political events in media texts. *Zhurnalists. Sotsial'nye kommunikatsii = Journalist. Social Communications*. 2015;(1–2):115–125. (In Russ.)
13. Toropkina V. A. Pragmatics of derivational processes in the language of modern media. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*. 2017;(3):254–260. (In Russ.)
14. Chernyavskaya V. E. Discourse analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? The explanatory power of qualitative and quantitative approaches. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2018;(2):31–37. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор

Timur B. Radbil, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Лариса Викторовна Рацибурская, доктор филологических наук, профессор

Larisa V. Ratsiburskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 01.02.2024; одобрена после рецензирования 20.02.2024; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 01.02.2024; approved after reviewing 20.02.2024; accepted for publication 25.03.2024.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-99-111>

Русскоязычные элементы в эргонимии внутригородских объектов г. Москвы

Наталья Владимировна Матюшина

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия, nwl2002@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Аннотация. Данная статья представляет фрагмент исследования эргонимии внутригородских объектов г. Москвы. Исследование сфокусировано на эргонимах, созданных на базе русского языка. Цель – выяснить, какие номинации коммерческих предприятий более привлекательны для жителей города, какие из них вызывают положительные, нейтральные или отрицательные эмоции. Материалом для изучения послужили названия коммерческих предприятий г. Москвы, при образовании которых были использованы приемы ретрогибридизации, квазиноминации, антиорфографии, наложения слов и аллюзии. В ходе исследования было собрано 2700 названий коммерческих предприятий, расположенных на вывесках, панель-кронштейнах и в витринах заведений центральных улиц г. Москвы. Отобранные эргонимы были классифицированы в соответствии со способами их производства. Также был проведен опрос с участием 90 респондентов разного возраста и образования. Данные, полученные в ходе анкетирования, были обработаны с помощью статистического анализа. По результатам эксперимента удалось установить, что чаще положительных оценок заслуживают эргонимы, написанные с использованием букв дореволюционной графики, они же являются наиболее запоминающимися. Наибольшее количество отрицательных оценок получили названия с намеренным искажением орфографической нормы русского языка. На основе полученных данных сформулированы рекомендации авторам названий коммерческих предприятий, нацеленные на разные возрастные группы потребителей. Результаты работы могут быть использованы в лингводидактике, в частности в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: эргоним, ретрокод, ретрогибридизация, антиорфография, квазиноминация, наложение слов, аллюзия

Для цитирования: Матюшина Н. В. Русскоязычные элементы в эргонимии внутригородских объектов г. Москвы // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 99–111. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-24-99-111>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Russian elements in the ergonymy of intra-urban objects in Moscow

Nataliya V. Matyushina

Moscow City University, Moscow, Russia, nwl2002@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6982-5305>

Abstract. The article presents a fragment of a study examining the ergonymy of intra-urban objects in Moscow. The research focuses on ergonyms created on the basis of the Russian language. The study aims to find out what names of commercial enterprises are more attractive to city residents, which of them provoke positive, neutral, or negative emotions. The material for the study included the names of commercial enterprises in Moscow formed with the techniques of retrohybridisation, quasi-naming, anti-orthography, superimposition of words, and allusion. During the study, 2700 names of commercial enterprises located on the signs, bracket panels, and in the shop windows of establishments in the main streets of Moscow were collected. The selected ergonyms were classified according to their formation methods. A survey involving 90 respondents of different ages and educational backgrounds was conducted as well. The data obtained during the survey were processed using statistical analysis. Based on the experimental results, the study revealed that ergonyms with letters from the pre-revolutionary script had positive evaluations more often. Also, they were the most memorable. The largest number of negative evaluations was given to the names with a deliberate distortion of the Russian orthographic norm. Drawing on the data obtained, the paper formulates recommendations to those who create commercial enterprise names aimed at different age groups of consumers. The results of the work can be used in linguo-didactics, for example, in the process of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: ergonym, retrocode, retrohybridisation, anti-orthography, quasi-naming, word superimposition, allusion

For citation: Matyushina N. V. Russian elements in the ergonymy of intra-urban objects in Moscow. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):99–111. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-99-111>.

Введение. Объектом актуальных лингвистических исследований все чаще выступает городской ономастикон, в частности названия различных коммерческих предприятий. Для подобных наименований в научной литературе можно встретить разные термины, такие как *коммерческое название* [Шаталова 2016], *лингвокреативный урбаноним* [Ремчукова 2015], *эргонеологизм* [Перфильева 2017], *эргорекламоним* [Васильева 2010]. Наиболее распространенным термином в лингвистике признается *эргоним*, который и используется в данной статье.

Эргонимы выступают предметом многих современных лингвистических исследований. Об их актуальности и значимости говорит, в частности, факт поддержки ономастических работ зарубежными [Gayazov 2020] и российскими научными фондами [Гридина 2022; Ремчукова 2015], а также областными администрациями [Красноперова 2022; Шмелева 2019].

География изучаемых номинаций широка. Ученые обращаются к наименованиям московских предприятий [Петрова 2023; Хоанг, Старикова 2017], Белгорода [Шаталова 2016], Великого Новгорода [Шмелева 2019], Башкортостана [Gayazov 2020], Казахстана [Akzhigitova 2014], Сеула [Hong 2020] и др.

Отметим, что современным лингвистам интересны различные аспекты городской номинации, в том числе эргонимов, например: особенности проведения нейминговой экспертизы [Соколова 2016], эпонимы как разновидность эргонимов [Brdar-Szabó 2023], коммуникативный диссонанс в эргонимах [Питина 2020] и др. В ряде современных работ, посвященных лингвоурбанистике, описываются различия коммуникации авторов городских номинаций и адресатов разных возрастных групп [Beklemesheva 2023].

В задачи настоящего исследования входит, во-первых, анализ разнообразия эргонимов внутригородских объектов г. Москвы, имеющих в составе русскоязычные элементы,

во-вторых, изучение мнения жителей города относительно встречающихся вывесок с русскоязычными названиями предприятий.

Остановимся на принципах, на которые мы опирались в ходе настоящего исследования. В. Анзо подчеркивает значимость экспериментов с использованием: 1) изображений различного типа; 2) опросов респондентов из фокус-групп; 3) хорошо зарекомендовавших себя исследовательских процедур. По мнению автора, подобный подход, безусловно, приведет к более точному пониманию предмета исследования [Anzoise 2017: 182]. Автор также отмечает практическую ценность описаний лингвистического ландшафта, утверждая, что в результатах, полученных в рамках ряда урбанистических исследований, заинтересованы представители ненаучных сфер, например органы городского планирования [Там же: 179]. В данной статье мы опирались на экспериментальный опрос респондентов с привлечением фотографий эргонимов внутригородских объектов г. Москвы.

Т. В. Шмелева предлагает рассматривать городскую ономастику в рамках концепции поликодовости. Автор анализирует эргонимы как в плане содержания, так и в плане выражения, выделяя для описания последнего понятия «ретрокод» и «ксенокод». Под *кодом* Т. В. Шмелева понимает особую смысловую призму, «сквозь которую могут быть “прочитаны” разные факты реальности» [Шмелева 2019: 53]. *Ретрокод* и *ксенокод* несут, в свою очередь, «дополнительную информацию о своей архаичности или иноязычности» соответственно [Там же], при этом оба кода могут выражаться в лексике и графике. Примером графического *ксенокода* служит совместное использование разных алфавитов (кириллицы и латиницы) в названии. Отметим, что, следуя идеям Т. В. Шмелевой, в данной работе мы обратились к изучению эргонимов, несущих в себе *ретрокод*. Номинации с *ксенокодом* составляют перспективу исследования.

В настоящей статье внимание сконцентрировано на следующих приемах создания

русскоязычных эргонимов: ретрогибридизация, антиорфография, квазиноминация, наложение слов и аллюзия.

Методы и материал исследования. Материалом для данного исследования послужили эргонимы внутригородских объектов г. Москвы, т. е. названия различных предприятий сферы розничной торговли:

- продовольственные, цветочные и книжные магазины, автосалоны, косметические компании, магазины посуды, одежды и обуви;
- организации предоставления услуг, в том числе заведения общественного питания, медицинские клиники, салоны красоты, обувные мастерские.

Отметим, что помимо вывесок с названиями перечисленных коммерческих объектов были изучены также сопутствующие слоганы на панель-кронштейнах и в витринах заведений.

На первом этапе исследования количество отобранных названий насчитывало 2700 наименований, эргонимы были найдены методом сплошной выборки:

- на оживленных улицах центральной части г. Москвы: проспект Мира, Маросейка, Покровка, Малая Дмитровка, Большая Никитская, Долгоруковская, Новослободская, Бутырская, Шаболовка, Донская, Большая Ордынка, Селезневская, Пятницкая, Краснопролетарская, Новый Арбат, Сергея Радонежского, Александра Невского, Большая Лубянка, Сретенка, Земляной Вал, Садовая-Самотечная;
- в переулках: Оружейный, Конный, Проточный, Климентовский, 1-й и 3-й Самотёчные, Никоновский, Малый Казенный;
- на бульварах: Новинский, Страстной, Тверской, Никитский;
- на площадях: Лубянская, Никитские ворота, Арбатские ворота и др.

На втором этапе исследования из полученного перечня эргонимов были отобраны единицы, в составе которых присутствуют русскоязычные элементы. Число таких эргонимов составило 1160 единиц, т. е. 43 % от общего числа найденных номинаций. Далее названия были классифицированы в соответствии с использованными при их создании приемами.

Третьим этапом настоящего исследования стал опрос респондентов с целью

выявления, во-первых, используемых в эргонимах средств русского языка, наиболее привлекающих внимание москвичей, во-вторых, типов эргонимов, вызывающих положительные эмоции. В ходе опроса участникам была предложена анкета с фотографиями различных вывесок и заданы два вопроса, при желании информанты могли оставить комментарии (см. рис. 1).

Привлекает ли Ваше внимание данная вывеска?

нет да

Какие эмоции вызывает у Вас данная вывеска?

положительные нейтральные отрицательные

Рис. 1. Фрагмент анкеты для опроса респондентов

Fig. 1. Fragment of the questionnaire to survey the respondents

Опрос проходил в марте–апреле 2023 г., в нем приняли участие 90 москвичей разных возрастных групп, имеющих высшее филологическое образование и не имеющих его (см. диагр. 1). В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что информанты с филологическим образованием чаще обращают внимание на подобные вывески.

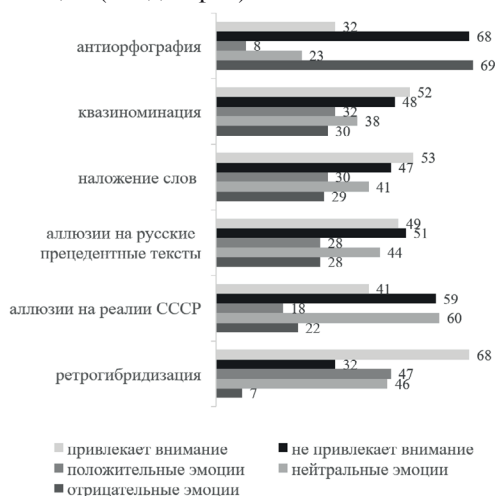
Данные, полученные в рамках анкетирования, были проанализированы с опорой на элементы статистического анализа.

Диагр. 1. Распределение респондентов по разным группам

Diagram 1. Groups of respondents

Анализ. Проведенное исследование показало, что наиболее распространенными приемами создания эргонимов внутригородских объектов г. Москвы с опорой на русскую лингвокультуру являются **аллюзия** на русскую литературу, **ретрогибридизация** и **наложение слов** (по 5 % от 1160 собранных эргонимов с русскоязычными элементами), также встречаются **аллюзии** на реалии СССР (4 %) и **антиорфография** (2 %). Принявшие участие в опросе жители города отметили, что положительное отношение вызывают эгонимы с **ретрогибридизацией** и **квазиноминацией**, **антиорфография** же, наоборот, порождает отрицательные эмоции (см. диагр. 2).

Диагр. 2. Отношение респондентов к эргонимам с опорой на русскую лингвокультуру
 Diagram 2. Attitude of respondents to ergonyms based on Russian linguaculture

Кроме перечисленных языковых приемов в создании эргонимов внутригородских объектов г. Москвы используется рифмовка (*Бутик Парик, Причина Капучино, Оливки & грибочки из бочки*), ритмика (*Лепим и варим, ПРЯНОСТИ&РАДОСТИ, Буду кофе*), аллитерация (*ГНЕЗДО ГЛУХАРЯ, Мой Май, Делюсь Душой*), редупликация, в том числе полная (*ВАСЬ-ВАСЬ, LAVKALAVKA*), дивергентная (*Фрик Фрак*), осложненная (*ЖИВУТ ПОЖИВАЮТ*), эхо-редупликация (*ШАШЛЫК-МАШЛЫК*). Количество подобных эргонимов невелико и составляет менее 1 % от общего числа отобранных для

исследования номинаций. Большое количество названий коммерческих предприятий столицы создано с опорой на различные средства визуализации, например пиктограммы, цифры (*5/2, 33 ЗУБА*), пунктуацию (*Х.Л.А.М.; 9.1.1.БАР*) и т. п. Примерно 25 % собранных эргонимов не представляет интереса для настоящего исследования, поскольку наименования не базируются на использовании специальных языковых приемов (*Продукты от производителя*).

Гипотеза о том, что люди, имеющие высшее филологическое образование, чаще замечают эргонимы, созданные с применением различных языковых средств, не подтвердилась. Только языковая игра привлекла внимание респондентов-филологов, тогда как другие языковые приемы чаще отмечали опрошенные без филологического образования (см. диагр. 3).

Диагр. 3. Доля (в %) положительных ответов о привлечении внимания к эргонимам
 Diagram 3. Proportion (in %) of positive answers about attracting attention to ergonyms

Рассмотрим подробнее средства русского языка, используемые в номинации предприятий г. Москвы. Одним из приемов привлечения внимания потенциальных потребителей различных предприятий и учреждений сферы услуг является **ретрогибридизация** (или **полиграфиксация**) — примерно 5 % от общего числа собранных эргонимов созданы с опорой на данный прием, например: *Грандѣ кофемания, Складѣ, Квасѣ, Грильяжѣ, Клиника на Потановскомѣ, Есаулѣ*.

По результатам опроса жителей города можно заключить, что использование приема графодеривации в эргонимии мегаполиса успешно для привлечения внимания потенциального потребителя, поскольку 68 % респондентов отметили, что подобные вывески обращают на себя внимание. В целом жители города положительно оценивают эргонимы-полиграфиксаты (47 % информантов дали положительные отзывы и 46 % оценили свое отношение как нейтральное). Интересно отметить, что старшее

поколение чаще обращает внимание на вывески с дореволюционными буквами в названии (74 %), чем молодежь (65 %). Однако позитивные эмоции ретрогибриды вызывают в большей степени у респондентов в возрасте от 18 до 25 лет (57 %) в сравнении с информантами из возрастной группы 55+ (43 %).

Данный количественный показатель разрушает традиционные представления о популярности устаревших фактов языка среди возрастного населения. Установленный факт, возможно, имеет определенную практическую значимость и может быть полезен для составителей эргонимов.

Т. В. Шмелева, описывая особенности ретрокода, отмечает, что в графике данный код проявляется параграфемно, т. е. путем использования шрифта, который воспринимается как старый, в частности с применением букв старославянского и древнерусского алфавитов *Ѣ* и *Ѥ* [Шмелева 2019: 53]. Добавим, что среди собранных эргонимов были найдены также наименования, образованные с использованием буквы *і*: *Заморскій товаръ и прочій антикваріатъ*.

О ретрокоде на уровне графемики говорят также другие лингвисты, именуя данный феномен эргонимом с использованием устаревших кириллических средств [Боброва 2014] или дореволюционной орфографии [Тортунова 2012]. Т. О. Прокофьева приводит термин *полиграфиксат*, т. е. эргоним, созданный в целях стилизации «под старину» с использованием элементов дореформенной кириллицы [Прокофьева 2015], отмечая, что полиграфиксат «в качестве символа национальной самобытности, надежности и верности традициям придает названию положительную коннотацию» [Там же: 7]. Т. Х. Ч. Хоанг и Г. Н. Старикова называют подобные образования *ретрогибридами* [Хоанг, Старикова 2017: 126].

Говоря о ретрономинании, В. А. Крыжановская приводит историческую справку о графеме *Ѣ*, подчеркивая, что в 1918 г. буква была удалена из русского алфавита. В связи с этим современным носителям она малоизвестна и, следовательно, эргоним с данной буквой, во-первых, будет сложен для прочтения, а, во-вторых, «у подавляющего большинства адресатов он не вызовет ассоциаций» [Крыжановская 2016: 180].

Кроме того, В. А. Крыжановская отмечает, что немногочисленным представителям социума, а именно славистам, архаичные литеры, перешедшие из статуса графемы в лингвокультурные символы, не только известны, но и вызывают положительные ассоциации. Данные постулаты представляются спорными по двум причинам. С одной стороны, ретрогибриды стали часто появляться на улицах наших городов, что отмечено многими лингвистами [Хоанг, Старикова 2017], благодаря этому среднестатистический носитель русского языка без труда узнает старославянские и древнерусские буквы в названиях различных заведений. Прочтение подобных названий также не вызывает особых трудностей, поскольку даже не умеющий читать по-старославянски горожанин может интерпретировать ретрогибрид, опираясь на контекст, ср. вполне узнаваемые *хлѢб*, *грандѣ* и др. С другой стороны, привлечение ретрономинии призвано вызывать положительные ассоциации у потенциальных клиентов, что вполне оправданно. В результате проведенного эксперимента удалось установить, что название кафе «*ХлѢб насущный*» у 42 % респондентов разных возрастов вызывает положительные ассоциации именно своей отсылкой к старине. Так, среди комментариев можно встретить следующие высказывания: «приятный шрифт», «привлекает старой орфографией», «старорусский язык и прилагательное говорят об основательности и старых традициях» (орфография и стиль комментариев сохранены). Повторим, что среди респондентов присутствовали как филологи, так и люди без специального лингвистического образования. Более того, по данным эксперимента 54 % опрошенных филологов испытывают положительные эмоции при виде ретрогибридов. Количество же информантов, сообщивших о положительном и нейтральном отношении к подобным эргонимам, составило 98 %, т. е. абсолютное большинство. Количество положительных оценок подобных эргонимов среди респондентов-нефилологов составляет 38 %, а число позитивных и нейтральных отзывов, вместе взятых, оказалось равным 85 %. Иными словами, опора на ретрономинию при создании эргонимов распространена и при этом успешна.

По наблюдениям Т. Х. Ч. Хоанг и Г. Н. Стариковой, «в употреблении дореволюционного варианта кириллицы нет последовательности» [Хоанг, Старикова 2017: 126]. По мнению авторов, в названии пекарни «ХлѢб насущный» логично было бы использовать не только Ъ, но и Ѣ, ср. хлѢѢ. К сожалению, единообразие в написании эргонимов отсутствует даже в номинации разных пекарен одной сети: в центре столицы можно встретить названия как с ретрогибридизацией (см. рис. 2), так и без нее (см. рис. 3).

Рис. 2. Пример названия с ретрогибридизацией
Fig. 2. Example of a name with retrohybridisation

Рис. 3. Пример названия без ретрогибридизации
Fig. 3. Example of a name without retrohybridisation

В эргонимии мегаполиса частотны и другие виды графической игры. К ним можно отнести, во-первых, случаи проявления ксенокода (в терминологии Т. В. Шмелевой). Речь идет о словах, написанных на кириллице, но с искажением орфографического облика слова с целью выделения иноязычного слова или элемента внутри русского наименования, например: *Пельмэн*, *БирЛускони* [Шмелева 2019: 54].

Во-вторых, встречается намеренное нарушение орфографической [Бутакова 2013: 147] или пунктуационной нормы [Боброва 2014] для достижения схожести с другими единицами русского языка. Ярким примером подобной **антиорфографии** может служить название службы доставки еды «*Достаевский*», где в фамилии известного писателя произведена замена гласной буквы с целью привлечения внимания к получившемуся фрагменту слова *доста-*, отсылающему к роду деятельности компании.

Аналогичный прием рассматривается также в других лингвистических работах [Питина 2020: 62], при этом «в лингвистике существуют разные позиции при рассмотрении языковой игры в соотношении с языковой нормой» [Бутакова 2013: 146]. Заметим, что нам наиболее близка точка зрения, выраженная М. А. Кронгаузом, подчеркивающим, что языковая свобода «способствует творчеству и делает речь более выразительной», но имеет, однако, и обратную сторону, а именно риск создания языкового хаоса, «когда уже не понимаешь, игра это или безграмотность, выразительность или грубость» [Кронгауз 2019: 31].

В данной статье мы не ставим цели определить положительные или отрицательные с точки зрения филологии стороны приема антиорфографии в номинации предприятий. В задачи исследования входило выявить степень продуктивности данного явления в эргонимии внутригородских объектов г. Москвы и установить отношение к нему жителей столицы разных возрастных групп.

Данный прием не является распространенным на фоне других языковых приемов. Среди отобранных эргонимов лишь 2 % имеют в своем составе искажение норм орфографии. Приведем некоторые примеры эргонимов, созданных с использованием данного приема: *Емо*; *Шаурму х@чу*; *Раён*. Большая часть респондентов (68 %) отметила, что подобные названия не являются привлекательными. Кроме того, почти столько же опрошенных (69 %) выразили негативное отношение к подобным номинациям. Сравнение реакций информантов разных возрастных групп позволило установить, что наиболее лояльны к искажению орфографической нормы респонденты в возрасте от 18 до 26 лет: 19 % из них выразили положительное отношение, 35 % — нейтральное и 46 % — отрицательное. Среди ответов более возрастных опрошенных положительных оценок выставлено не было, а негативные составили в среднем 80 %. Отметим также, что информанты с филологическим образованием более терпимы к антиорфографии в эргонимах: половина из респондентов-филологов оценила данный прием как положительный или нейтральный. Для сравнения: большинство опрошенных без филологического образования (85 %) высказало

отрицательное отношение к искажению орфографической нормы в эргонимах на вывесках города. В качестве объяснения данного факта можно предположить, что филологи видят в антиорфографии определенный стилистический прием, в то время как люди без специального лингвистического образования воспринимают этот прием как проявление безграмотности.

Перейдем к рассмотрению эргонимов, созданных с использованием элементов других языковых уровней, описанных в лингвистической литературе. Примером морфологическим приема создания эргонимов может служить процесс **квазиноминации** [Ремчукова 2015: 134]. В результате соединения корня, несущего основную смысловую нагрузку и сообщающего адресату о роде деятельности компании, и фамильного суффикса *-ов-*, *-ин-*, *-ер-* и т. п. получается антропоэргоним [Хоанг, Старикова 2017: 124], или квазиантропоним [Шмелева 2019]. Частотны случаи подключения к таким названиям ксенокода *-off-*, который является германизированным вариантом русского фамильного суффикса *-ов-*, и ретрокода, ср. *-овъ* [Шмелева 2019]. Т. О. Прокофьева подчеркивает, что «инокомпонент выполняет функцию стилизации под мировые бренды» [Прокофьева 2015: 4]. В целях графической имитации иноязычности [Бутова 2013] может использоваться также описанный лингвокреативный элемент, но переданный кириллицей [Ремчукова 2015: 134].

В ходе настоящего исследования число эргонимов с **квазиноминацией** (или **антропоэргонимией**) составило 4 % от общего числа. В качестве примера можно привести следующие названия: *Хинкалофф*, *Булкер*, *Гусятникофф*, *Утесофф*, *Борщев*, *Батони*. Мнения участников опроса относительно привлекательности подобных эргонимов разделились поровну, кроме того, по трети респондентов оценили вызываемые эмоции как положительные/нейтральные/отрицательные. По всей вероятности, данные опроса свидетельствуют о среднем уровне эффективности приема квазиноминации для создания эргонимов.

Еще одним приемом создания эргонимов является языковая игра с **блендингом** [см. также Бутова 2013], или **наложением слов**, отмеченная в 5 % отобранных названий. В научной литературе также можно

встретить термин *эргоним-трансформер*, обозначающий слово, созданное с применением игрового членения и порождающее какую-либо ассоциативную интеграцию смыслов [Гридина 2022: 41]. Примерами подобных эргонимов-трансформеров могут служить следующие названия: *Куринария* (*куры* + *кулинария*), *Отвинтаж* (*от винта* + *винтаж*), *Русмарин* (*русский* + *розмарин*), *Кофеопия* (*кофе* + *Эфиопия*), *АндерСон* (*Г. Х. Андерсен* + *сон*), *Ням по пути* (*ням-ням* + *нам по пути*), *Кофе с совой* (*сова* + *кофе с собой*), *Котофейня* (*кот* + *кофейня*).

Как и при создании антропоэргонимов, ответы респондентов относительно привлекательности номинаций с наложением слов разделились поровну. Количество положительных, отрицательных и нейтральных оценок данных номинаций также оказалось примерно равным и составило чуть более 30 %.

Таким образом, результаты анкетирования указывают на то, что наложение слов не способствует формированию положительного образа предприятия.

Аллюзию можно назвать довольно распространенным стилистическим приемом в русском языке: она часто встречается в художественной литературе, языке СМИ, речи обывателей, а также в эргонимическом пространстве города. По результатам проведенного исследования аллюзии обнаружены в 10 % собранных эргонимов.

Нельзя не согласиться с З. М. Дударевой, подчеркивающей важность наличия прецедентных текстов российской культуры в визуальной среде города, поскольку они способствуют межпоколенческому взаимодействию [Дударева 2022: 81].

Среди наименований предприятий были отмечены аллюзии, во-первых, на иноязычные прецедентные тексты (6 %), например: *Сестры Гримм* (ср. *братья Гримм*), *Кич Кок* (ср. *А. Хичкок*), *# БРЕД ПИТЬ* (ср. *Бред Питт*), *THE REAL MCCOY* (ср. одноименный художественный фильм 1993 г.) и др. Во-вторых, встречаются аллюзии на советские реалии (4 %), например: *кафе-столовая Кремлевский*, *Главбар*, *Нэпман*, *Антисоветская шашлычная*, *Советские времена*. При этом номинации, в составе которых используются аллюзии к советским реалиям, можно отнести к ретрогибридам, иными словами, на лексическом уровне ретрокод может выражаться историзмами,

в том числе советскими наименованиями [Шмелева 2019: 54]. В-третьих, в названиях предприятий г. Москвы можно найти аллюзии на феномены русской культуры, что составляет 5 % от общего числа найденных эргонимов с русскоязычными элементами.

Остановимся подробнее на описании эргонимов, созданных с использованием аллюзий на различные прецедентные тексты, имена деятелей и реалии русской лингвокультуры. Многие из найденных номинаций имеют отсылку к классическим литературным произведениям. При этом аллюзии могут быть как на названия произведений (*MASTERS & margaritas*, *Лукоморье*, *Обломов*, *Тарас Бульба*, *Dr. ЖИВАГО*, *Ёлки-палки*), так и на литературных персонажей (*Ипполит Матвеевич*, *Аннушка*) или реалии, созданные писателями-классиками в своих книгах (*Первая свежесть*, *New Васюки*). Встречаются также отсылки к русским народным былинам и сказкам, например: *Добрыня*, *Жар-птица*, *По щучьему велению*. Кроме того, в лингвистическом ландшафте г. Москвы распространены номинации коммерческих предприятий, названных в честь русских писателей: *Крылов*, *Бабель*, *Есенин*, *Кафе Пушкинъ*, *Гоголь клуб-кафе*. В качестве материала для аллюзий в эргонимах используются также прецедентные тексты, связанные с кинематографом, в том числе отсылки к названиям художественных фильмов (*Белое солнце пустыни*, *Кавказская пленница*, *Московские каникулы*), героям (*Поручик Ржевский* – отсылка к главному герою фильма «Гусарская баллада», являющегося также героем цикла анекдотов) и реалиям из полнометражных (*Чёрная кошка* – отсылка к названию банды из к/ф «Место встречи изменить нельзя») или мультипликационных фильмов (*Человек и Пароход*, аллюзия на И. Ф. Крузенштерна и крылатую фразу из м/ф «Зима в Простоквашино»). В эргонимии мегаполиса также встречаются аллюзии на живопись (*Петров Водкинъ*) и музыку, в том числе на известных российских певцов (*Шалапин*, *Утесовф*) и современные музыкальные группы (*РУКИ ВВЕРХ*) и песни (*Полковнику никто не пишет*). Кроме того, в эргонимах внутригородских объектов г. Москвы используются аллюзии на исторические личности, например: *Бестужевъ*, *Суворов*, *Годуновъ*, *Князь Одоевский*, *Граф Орлов*.

Остановимся на примерах названий с использованием аллюзий на произведение М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и прокомментируем некоторые положения, выдвинутые другими авторами. С. А. Питина, говоря о коммуникативном диссонансе, приводит пример номинации сетевого центра одного из агропромышленных холдингов «*Магазин первой свежести*». Исследователь считает данное наименование неудачным, поскольку оно благодаря узнаваемой отсылке к тексту вышеназванного романа вызывает иронию, а также «сомнение в качестве продукции» [Питина 2020: 66]. Эта оценка достаточно субъективна. Во-первых, сравнение прецедентного высказывания об «осетрине *второй свежести*» и названия торговой точки «*Магазин первой свежести*» подчеркивает как раз качество товаров в магазине. Во-вторых, проведенный нами эксперимент доказывает отсутствие коммуникативного диссонанса в подобной ситуации. Отметим, что ресторан «*MASTERS & margaritas*» и продуктовый магазин «*Первая свежесть*» расположены недалеко от музея М. А. Булгакова в Москве. Данный пример, на наш взгляд, ярко демонстрирует случай применения *геосемиотики*, в понимании Р. Соколлона и С. Соколлона, т. е. «идеи о том, что физическое местоположение вывески в материальном мире вносит дополнительные элементы в ее значение и интерпретацию» (цит. по: [Mensel 2017: 436]) (перевод наш. – Н. М.). Заметим также, что это не единственный случай опоры на геосемиотику в лингвистическом ландшафте Москвы. Так, на севере столицы, на улице Пришвина, работает ресторан «*Кладовая солнца*», названный, очевидно, в честь одноименной повести писателя. Иными словами, выбор подобных названий можно считать обоснованным.

Проведенный нами эксперимент показал, что носители русской лингвокультуры в возрасте от 18 до 54 лет с легкостью распознают аллюзию на прецедентный текст, испытывая при этом положительные эмоции (92 % молодежи и 77 % взрослого населения выразили свое позитивное или нейтральное отношение к данному эргониму). Среди комментариев относительно оцениваемых названий ресторана и магазина встречались следующие: «любимое произведение», «интересное название, связанное

с популярной среди молодежи книгой», «положительные эмоции, потому что называется в честь известной книги». Иными словами, носители русского языка улавливают замысел авторов названий с опорой на аллюзии из произведений М. А. Булгакова, кроме того, подобные эргонимы вызывают в основном положительные эмоции.

Е. Ю. Позднякова выделяет три группы эргонимов, созданных с привлечением прецедентных феноменов: основанные на именах, на текстах и на высказываниях [Позднякова 2021: 116]. Однако не во всех случаях понятны критерии отнесения эргонима ко второму или третьему типу. Так, название туристического агентства «*Алые паруса*», созданное с опорой на заглавие повести А. Грина, автор справедливо причисляет к эргонимам, основанным на прецедентных текстах. При этом номинации детских магазинов «*Маленькая страна*» и «*Чунга-Чанга*», отсылающие к названиям одноименных песен на стихи И. Р. Резника и Ю. С. Энтина, отнесены к эргонимам не того же типа, а к основанным на прецедентных высказываниях [Позднякова 2021: 116–117].

Подводя итог результатам опроса относительно реакции респондентов на русские аллюзии в эргонимах, можно утверждать: 1) немногим больше половины опрошенных заявили, что их внимание не привлекают подобные названия; 2) треть анкетированных горожан сообщила о положительном отношении к аллюзиям на тексты литературы, кино и т. п.; 3) столько же информантов высказалось против. Отметим, что опрошенные жители города без филологического образования выразили свое позитивное и нейтральное отношение к эргонимам с аллюзиями на русские литературные произведения и их авторов в 65 % случаев, в то время как респонденты, знакомые с теоретическими аспектами филологии, оценивают аллюзии на русские лингвокультурные реалии в эргонимах скорее положительно, поскольку 82 % выразили положительное или нейтральное отношение к таким эргонимам.

Оценки эргонимов с отсылкой к советскому прошлому несколько иные: лишь 18 % респондентов поддержали идею авторов использовать данный стилистический прием в номинации предприятий, 22 % сообщили о своих негативных чувствах,

а 60 % информантов описали свои эмоции как нейтральные. При этом респонденты-филологи относятся к подобным названиям нейтрально (73 %), а опрошенные, не имеющие высшего лингвистического образования, высказались в 30 % «за» и 24 % «против» подобных вывесок. Возрастные группы 18–25 лет и 26–54 года едины в своем отношении: количество отметок о привлекательности эргонимов с аллюзиями к реалиям СССР составляет в названных группах 30 %, однако позитивные эмоции данные номинации вызывают у 16 % молодых респондентов и лишь у 4 % представителей среднего поколения. Информанты старшего поколения замечают вывески с аллюзиями на реалии советского периода в 40 % случаев и выражают положительное к ним отношение в 30 %.

Комментируя оценки эргонимов с отсылкой к советскому прошлому, данные респондентами разных возрастных групп, можно отметить следующее. Опираясь на тезис М. А. Кронгауза о том, что молодые люди (моложе 25 лет) плохо понимают «языковую игру, построенную на смешении стилей» [Кронгауз 2009: 74], можно заключить, что те, кому было 25 лет в 2009 г., в настоящий момент перешли в следующую возрастную категорию, однако сохранили свое негативное отношение к смешению стилей. По-видимому, положительное отношение к аллюзиям на советские реалии у старшего поколения объясняется ностальгией людей пенсионного возраста по ушедшему прошлому, наличием некоторого шарма советских времен для юных носителей русского языка и противоречивым отношением к своему недавнему историческому прошлому у людей, родившихся в СССР, но большую часть жизни проживших уже в современной России. Отметим, что другие авторы приходят к схожим выводам. Так, В. Е. Чернявская подчеркивает, что ностальгия обычно приписывается людям среднего и старшего поколения, «при этом игры с образами советского прошлого характерны и для молодежной аудитории» [Чернявская 2023: 53].

Явление **ретромании** получает в последнее время все большее распространение по всему миру и подвергается всестороннему анализу. В. Е. Чернявская справедливо замечает, что советская ностальгия

представляет собой аморфную мифологию, «в которой современный человек пытается восполнить свои эмоциональные дефициты и запросы на социальную справедливость, предсказуемость, молодость» [Там же]. Автор предлагает считать подобные тексты мультимодальными, т. е. состоящими из вербальных и визуальных ресурсов [Там же: 55].

Ряд лингвистов отмечает практическую значимость проведенных исследований в области эргонимии. Так, Л. Р. Замалетдинова предлагает случаи некорректного написания слов, выступивших в роли урбанонимов, сделать предметом обсуждения с учащимися школ [Замалетдинова 2019: 210].

Д. Гортер, Ж. Сеноз и К. ван дер Ворп подробно описывают применение исследований лингвистического ландшафта в практике преподавания в начальной школе и в магистратуре Испании [Gorter 2021]. С. П. Цветкова рассматривает изучение неографизмов и эргонимов в рамках языковых занятий в вузе с целью формирования языковых компетенций студентов [Цветкова 2023]. В продолжение данной темы хотелось бы отметить потенциал эргонимов, содержащих различные языковые приемы нашей лингвокультуры при изучении русского языка как иностранного. В частности, для изучающих русский язык может быть полезным знакомство с аллюзивными текстами, поскольку это позволит им глубже узнать русскую культуру.

Выводы. На основе данных, полученных в результате проведенного опроса, можно сформулировать рекомендации будущим авторам названий коммерческих предприятий, нацеленных на потенциальных клиентов разных возрастных групп:

1) создавать эргонимы с опорой на ретрогибридизацию и языковую игру как приемы, максимально привлекающие внимание жителей города;

2) избегать использования антиорфографии, поскольку вывески с подобными элементами отнесены большинством опрошенных респондентов к непопулярным и вызывающим негативные эмоции;

3) целесообразно использовать прием наложения слов, поскольку данный прием получил большое количество положительных откликов среди респондентов всех возрастных групп;

4) при создании номинаций предприятий, нацеленных на молодежь, следует применять аллюзии на русские прецедентные тексты и языковую игру;

5) для заведений, рассчитанных на клиентов в возрасте от 25 до 54 лет, подходят названия, содержащие отсылки к советскому прошлому;

6) в ситуации, когда целевую аудиторию составляют представители пенсионного возраста, в названии предприятия целесообразнее не использовать языковую игру и аллюзии на реалии времен СССР.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва М. В. Принципы образования современных эргонимов г. Перми // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. № 9. С. 135–142.
2. Бутакова Е. С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 3(131). С. 146–152.
3. Васильева Т. В. Типологические особенности эргорекламонимов с суффиксами модификационного значения // Ученые заметки ТОГУ. 2010. Т. 1, № 2. С. 41–45.
4. Гридина Т. А., Коновалова Н. А. Лингвокреативный потенциал эргономинимов в аспекте их порождения и восприятия: экспериментальное исследование // Вопросы психолингвистики. 2022. № 2(52). С. 30–45. <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45>.
5. Дударева З. М. Прецедентное имя как эргоним // Казанская наука. 2022. № 4. С. 80–83.
6. Замалетдинова Л. Р. Ономастическое пространство города как источник речевого материала: из опыта учителя-словесника // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 207–222. [http://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).207-222](http://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).207-222).
7. Красноперова Е. С. Грамматические векторы эргонимических номинаций Екатеринбурга // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2022. № 20. С. 205–213.
8. Кронгауз М. А. Во власти слов // Ценности и смыслы. 2009. № 2(2). С. 70–74.
9. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ; Corpus, 2019. 505 с.
10. Крыжановская В. А. Современная эргонимия: основные приемы графической игры // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 3. С. 179–181.

11. *Перфильева Н. В., Новоспаская Н. В., Лазарева О. В.* Эффективность коммерческого имени // Вопросы психолингвистики. 2017. № 33. С. 92–107.
12. *Петрова И. М., Викулова Л. Г.* Семиозис иконичности в естественном языке (на материале эргонимов города Москвы) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2023. Т. 20, № 2. С. 38–44. <http://doi.org/10.14529/ling230206>.
13. *Путина С. А.* Межкультурный коммуникативный диссонанс в эргонимах // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2020. Т. 14. С. 64–67.
14. *Позднякова Е. Ю.* Прецедентные феномены в наименованиях коммерческих предприятий // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40, № 1. С. 111–119. <http://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-1-111-119>.
15. *Прокофьева Т. О.* Типы гибридных образований в эргонимии (на примере номинаций г. Тамбова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4(144). С. 169–177.
16. *Ремчукова Е. Н., Махиянова Л. Р.* Лексико-грамматические механизмы лингвокреативности в сфере городской номинации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 2. С. 132–141.
17. *Соколова Т. П.* Нейминговая экспертиза: организация и производство. М.: Юрлитинформ, 2016. 208 с.
18. *Тортунова И. А.* Эргоним как результат речетворчества // Научный диалог. 2012. № 3. С. 124–137.
19. *Хоанг Т. Х. Ч., Старикова Г. Н.* Московские ресторони́мы в аспекте графики // Язык и культура. 2017. № 38. С. 117–136. <http://doi.org/10.17223/19996195/38/9>.
20. *Цветкова С. П.* Формирование языковых компетенций у студентов вуза посредством метода сканирования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 1(62). С. 214–221. <http://doi.org/10.26456/vtspyped/2023.1.214>.
21. *Чернявская В. Е.* Типографика как социальный индекс: советский ландшафт в современном российском дискурсе // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2023. № 2(36). С. 50–73. <http://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73>.
22. *Шаталова Ю. Н., Медведева А. Н.* Нейминг в региональном аспекте (на материале названий продовольственных магазинов г. Белгорода) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–1(59). С. 167–171.
23. *Шмелева Т. В.* Поликодовость городского ономастикона // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 51–66. <http://doi.org/10.25513/2413-6182.2019>.
24. *Akzhigitova A., Zharkynbekova Sh.* Language planning in Kazakhstan: The case of ergonyms as another scene of linguistic landscape of Astana. *Language Problems and Language Planning*. 2014;38(1):42–57 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/264125547_Language_planning_in_Kazakhstan_The_case_of_ergonyms_as_another_scene_of_linguistic_landscape_of_Astana (accessed: 06.07.2023). <http://doi.org/10.1075/lplp.38.1.03akz>.
25. *Anzoise V., Barberi P., Scandurra G.* City Visualscapes, an Introduction. *Visual Anthropology*. 2017;30(3):177–190 [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/08949468.2017.1296284> (accessed: 13.07.2023).
26. *Beklemesheva N. N., Chekmaeva N. A.* City-to-Resident Communication: Speaking with Seniors and Youth. *Visual Anthropology*. 2023;36(1):54–68 [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/08949468.2023.2168961> (accessed: 13.07.2023). <http://doi.org/10.1080/08949468.2023.2168961>.
27. *Brdar-Szabó R., Brdar M.* Figuratively used product names: From ergonyms to eponyms and paronyms. *Lingua*. 2023;290:1–16 [Electronic resource]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0024384123000761> (accessed: 13.07.2023). <http://doi.org/10.1016/j.lingua.2023.103552>.
28. *Gayazov A., Abdullina G., Fatkullina F., Ilyasova G.* Pan-Turkic ergonyms as a linguocultural and sociocultural phenomenon of the Republic of Bashkortostan. *Advances in Engineering Research*. 2020;191:66–69 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/339360618_Pan-Turkic_Ergonyms_as_a_Linguocultural_and_Sociocultural_Phenomenon_of_the_Republic_of_Bashkortostan (accessed: 13.07.2023). <http://doi.org/10.2991/aer.k.200202.014>.
29. *Gorter D., Cenozaand J., van der Worp K.* The linguistic landscape as a resource for language learning and raising language awareness. *Journal of Spanish Language Learning*. 2021;2(8):161–181 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/3574400832_The_linguistic_landscape_as_a_resource_for_language_learning_and_raising_language_awareness (accessed: 13.07.2023). <http://doi.org/10.1080/23247797.2021.2014029>.
30. *Hong S-Y.* Linguistic landscapes on street-level images. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2020;9(1):57 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/338699788_Linguistic_Landscapes_on_Street-Level_Images (accessed: 13.07.2023). <https://doi.org/10.3390/ijgi9010057>.

31. Mensel L. van, Vandenbroucke M., Blackwood R. Linguistic Landscapes. *The Oxford Handbook of Language and Society* / O. Garcia, N. Flores and M. Spotti (eds.). NY: Oxford University Press, 2017. P. 423–449 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/310615699_Linguistic_Landscapes (accessed: 13.07.2023).

REFERENCES

1. Bobrova M. V. Principles of formation of modern ergonyms of Perm city. *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii = Proceedings of the Kama archaeological and ethnographic expedition*. 2014;(9):135–142. (In Russ.)
2. Butakova E. S. Linguistic creativity in Tomsk ergonymy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2013;(3):146–152. (In Russ.)
3. Vasilyeva T. V. Typological features of ergoreclamonyms with suffixes of modifying meaning. *Uchenye zameki TOGU = Scientific Notes of PNU*. 2010;1(2):41–45. (In Russ.)
4. Gridina T. A., Konovalova N. I. Linguocreative potential of ergonominations in the aspect of their generation and perception: an experimental study. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2022;(2):30–45. <http://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-52-2-30-45>.
5. Dudareva Z. M. Precedent name as an ergonym. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. 2022;(4):80–83. (In Russ.)
6. Zamaletdinova L. R. Urban onomastic landscape as a source of speech material: from a philology teacher's experience. *Kommunikativnye issledovaniya = Communication Studies (Russia)*. 2019;6(1):207–222. (In Russ.). [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).207-222](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).207-222).
7. Krasnoperova E. S. Grammatical vectors of ergonymic nominations of Yekaterinburg. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoi deyatel'nosti = Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*. 2022;20:205–213. (In Russ.)
8. Krongauz M. A. In the power of words. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. 2009;(2):70–74. (In Russ.)
9. Krongauz M. A. The Russian language is on the verge of a nervous breakdown. Moscow: AST; Corpus, 2019. 505 p. (In Russ.)
10. Kryzhanovskaya V. A. Modern ergonymy: the main techniques of graphic play. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of Kostroma State University*. 2016;22(3):179–181. (In Russ.)
11. Perfil'yeva N. V., Novospasskaya N. V., Lazareva O. V. Effect of the commercial name. *Voprosy psikholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2017;(33):92–107. (In Russ.)
12. Petrova I. M., Vikulova L. G. Semiosis of iconicity in natural language (on the material of ergonyms of Moscow). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics*. 2023;20(2):38–44. (In Russ.)
13. Pitina S. A. Intercultural communicative dissonance in ergonyms. *Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov = Topical Issues of Philology and Methods of Foreign Language Teaching*. 2020;14:64–67. (In Russ.)
14. Pozdnyakova E. Yu. Precedent phenomena in commercial organizations' proper names. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya = Issues in Journalism, Education, Linguistics*. 2021;40(1):111–119. (In Russ.). <http://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-1-111-119>.
15. Prokof'yeva T. O. Types of hybrid formations in ergonymy (on the example of nominations of Tambov city). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2015;(4):169–177. (In Russ.)
16. Remchukova E. N., Makhiyanova L. R. Lexical and grammatical mechanisms of linguistic creativity in the sphere of urban nomination. *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzby Narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika = RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2015;(2):132–141. (In Russ.)
17. Sokolova T. P. Naming expertise: organization and production. Moscow: YurLitinform Publ., 2016. 208 p. (In Russ.)
18. Tortunova I. A. Ergonim as a result of speech creation. *Nauchnyi dialog*. 2012;(3):124–137. (In Russ.)
19. Hoang T. H. T., Starikova G. N. Restoronyms of Moscow in the aspect of graphic. *Yazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2017;(38):117–136. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/19996195/38/9>.
20. Tsvetkova S. P. Formation of language competencies among university students through the scanning method. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Herald of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology*. 2023;(1):214–221. (In Russ.) <http://doi.org/10.26456/vtspsped/2023.1.214>.
21. Chernyavskaya V. E. Typography as social index: Soviet landscape in the modern Russian discourse. *Praksema. Problemy vizual'noi semiotiki = IIPAЭHMA. Journal of Visual Semiotics*. 2023;2:50–73. (In Russ.) <https://doi.org/10.23951/2312-7899-2023-2-50-73>.
22. Shatalova Yu. N., Medvedeva A. N. Naming in the regional aspect (on the material of names of food stores in Belgorod). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2016;5–1:167–171. (In Russ.)

23. *Shmeleva T. V.* Polycode phenomenon of urban onomasticon. *Kommunikativnye issledovaniya = Communication Studies (Russia)*. 2019;6(1):51–66. (In Russ.) [https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6\(1\).51-66](https://doi.org/10.25513/2413-6182.2019.6(1).51-66).
24. *Akzhigitova A., Zharkynbekova Sh.* Language planning in Kazakhstan: The case of ergonyms as another scene of linguistic landscape of Astana. *Language Problems and Language Planning*. 2014;38(1):42–57 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1075/lplp.38.1.03akz> (accessed: 06.07.2023). (In Russ.)
25. *Anzoise V., Barberi P., Scandurra G.* City Visualscapes, an Introduction. *Visual Anthropology*. 2017;30(3):177–190 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1080/08949468.2017.1296284> (accessed: 13.07.2023). (In Russ.)
26. *Beklemesheva N. N., Chekmaeva N. A.* City-to-resident communication: speaking with seniors and youth. *Visual Anthropology*. 2023;36(1):54–68 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1080/08949468.2023.2168961> (accessed: 13.07.2023). (In Russ.)
27. *Brdar-Szabó R., Brdar M.* Figuratively used product names: From ergonyms to eponyms and paragons. *Lingua*. 2023;290:103552 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2023.103552> (accessed: 13.07.2023). (In Russ.)
28. *Gayazov A., Abdullina G., Fatkullina F., Ilyasova G.* Pan-Turkic ergonyms as a linguocultural and sociocultural phenomenon of the Republic of Bashkortostan. *Advances in Engineering Research*. 2020;191:66–69 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/339360618_PanTurkic_Ergonyms_as_a_Linguocultural_and_Sociocultural_Phenomenon_of_the_Republic_of_Bashkortostan (accessed: 13.07.2023). (In Russ.) <https://doi.org/10.2991/aer.k.200202.014>.
29. *Gorter D., Cenozaand J., van der Worp K.* The linguistic landscape as a resource for language learning and raising language awareness. *Journal of Spanish Language Learning*. 2021;2(8):161–181 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.1080/23247797.2021.2014029> (accessed: 13.07.2023). (In Russ.)
30. *Hong S-Y.* Linguistic landscapes on street-level images. *ISPRS International Journal of Geo-Information*. 2020;9(1):57 [Electronic resource]. URL: <https://doi.org/10.3390/ijgi9010057> (accessed: 13.07.2023). (In Russ.)
31. *Mensel L. van, Vandenbroucke M., Blackwood R.* Linguistic landscapes. *The Oxford Handbook of Language and Society* / O. Garcia, N. Flores and M. Spotti (eds.). NY: Oxford University Press, 2017. P. 423–449 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/310615699_Linguistic_Landscapes (accessed: 13.07.2023). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Матюшина, кандидат
филологических наук, доцент

Nataliya V. Matyushina, Candidate of Sciences
(Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята
к публикации 20.01.2024.

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication
20.01.2024.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'23.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-112-119>

Е. С. Скобликова, языковед и педагог
(к 100-летию со дня рождения ученого)

Надежда Алексеевна Илюхина

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва, г. Самара, Россия, ilnadezhda@rambler.ru, <http://ocid.org/0000-0003-3368-2725>

Аннотация. Статья посвящена характеристике научного наследия профессора Е. С. Скобликовой (01.06.1924 – 12.08.2016), известного отечественного языковеда, специалиста в области синтаксиса современного русского языка, русской диалектологии, русской орфографии, автора монографий, вузовских учебников и пособий, циклов статей по центральным лингвистическим дисциплинам, составителя и редактора посмертных изданий вузовских учебников и фундаментальных научных работ профессора А. Н. Гвоздева, члена-корреспондента АПН РСФСР. Актуальность научных работ Е. С. Скобликовой определяется отличительной особенностью теоретической и методологической направленности ее трудов: приверженностью традиционным подходам в решении дискуссионных вопросов, сопряженностью научной и педагогической мысли – принципом, остающимся значимым в условиях исследовательского плюрализма.

Ключевые слова: Е. С. Скобликова, синтаксис современного русского языка, русская диалектология, русская орфография, методология и методика преподавания русского языка, учебник для вуза, научная лингвистическая школа

Для цитирования: Илюхина Н. А. Е. С. Скобликова, языковед и педагог (к 100-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 112–119. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-112-119>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

E. S. Skoblikova, a linguist and a teacher
(to mark the centenary of the scientist's birth)

Nadezhda A. Ilyukhina

Samara National Research University named after S. P. Korolev, Samara, Russia, ilnadezhda@rambler.ru, <http://ocid.org/0000-0003-3368-2725>

Abstract. The article characterises the scientific legacy of Professor E. S. Skoblikova (1 June 1924 – 12 August 2016), a prominent Russian linguist, a specialist in modern Russian syntax, Russian dialectology, Russian orthography. The scientist authored monographs, university textbooks and manuals, series of articles on basic linguistic disciplines. She also compiled and edited the posthumous editions of university textbooks and fundamental scientific works of Professor A. N. Gvozdev, a corresponding member of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. The relevance of E. S. Skoblikova's scientific works is determined by the distinctive feature of the theoretical and methodological orientation of her works, namely the adherence to the traditional approaches in resolving controversial issues and the interconnection of scientific and pedagogical thought. This principle remains significant in the conditions of the equally important principle of scientific pluralism.

Keywords: E. S. Skoblikova, A. N. Gvozdev, modern Russian syntax, Russian dialectology, Russian orthography, methodology and methods of teaching Russian language, university textbook, scientific linguistic school

For citation: Ilyukhina N. A. E. S. Skoblikova, a linguist and a teacher (to mark the centenary of the scientist's birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):112–119. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-112-119>.

Введение. Жизнь и трудовая биография Елены Сергеевны Скобликовой связаны с Самарским (Куйбышевским) и Пензенским краем. Родилась, окончила школу и начала работать она в Пензенской области, с которой сохраняла связь до последних дней жизни, а профессиональная вузовская деятельность целиком связана с Куйбышевым (Самарой) — Куйбышевским педагогическим институтом, в котором работала преподавателем в 1949–1971 гг., защитила кандидатскую и докторскую диссертации, и Куйбышевским (позднее Самарским) государственным университетом, в котором трудилась более 40 лет.

Родилась Е. С. Скобликова 1 июня 1924 года в поселке фабрики «Мир хижинам» Кузнецкого района Пензенской области, в семье учителей. Учеба в старших классах и в институте, начало трудовой деятельности совпали с Великой Отечественной войной и трудными послевоенными годами. Сразу после окончания школы в 1942 г. Е. С. Скобликова начала педагогическую деятельность и в течение двух лет сочетала учительскую работу с учебой на заочном отделении Куйбышевского педагогического института. После перевода в 1944 г. на дневное отделение Пензенского педагогического института студентка, имеющая опыт практической работы со школьниками, постигала не только методическую сторону профессии, но и лингвистическую науку сквозь призму этого педагогического опыта, учительского восприятия. Это обстоятельство, как можно полагать, способствовало впоследствии формированию предпечений в подходах к решению дискуссионных проблем.

После окончания института в Пензе Е. С. Скобликова окончательно переезжает в Куйбышев. В 1946–1949 гг. она проходит обучение в аспирантуре Куйбышевского педагогического института.

Годы аспирантуры и преподавательской работы (1949–1971) в Куйбышевском пединституте оказались весьма плодотворными для Е. С. Скобликовой еще и потому, что это был период расцвета

лингвистической научной школы в этом городе — Куйбышев стал крупным научным лингвистическим центром, местом создания ряда широко признанных вузовских учебников. Главой научной школы был профессор А. Н. Гвоздев, член-корреспондент АПН РСФСР (родной дядя Е. С. Скобликовой), автор авторитетного 2-томного учебника современного русского языка и сборника упражнений по современному русскому языку, специалист в области диалектологии, стилистики, крупный исследователь детской речи. Кафедрой русского языка заведовал профессор В. А. Малаховский, Заслуженный деятель науки РСФСР, возглавлявший Зональное объединение кафедр русского языка Среднего и Нижнего Поволжья, руководитель межобластного кабинета 10-го тома «Диалектологического атласа русского языка», специалист в области диалектологии, методики преподавания русского языка, автор ряда учебных пособий¹. Выходцами из куйбышевской аспирантуры этого периода являются впоследствии широко известные ученые — доктора филологических наук, профессора В. Д. Бондалетов, И. П. Распопов, Л. Н. Мурзин, Б. И. Осипов и другие.

В 1971 г. Е. С. Скобликова переходит на кафедру русского языка в открытом в Куйбышеве классическом университете, которую возглавил в молодом вузе ее муж Дмитрий Иванович Алексеев (1918–1988), один из первых исследователей русской аббревиации, автор «Словаря сокращенных слов» (1963; 1977; 1983; 1984) и монографии «Сокращенные слова в русском языке» (1979; 2010). Е. С. Скобликова вместе с Д. И. Алексеевым сделала много для становления коллектива и особенно для подготовки кадров на кафедре. Елена Сергеевна стала руководителем аспирантуры по русскому языку. В целом в двух самарских вузах она подготовила 36 кандидатов филологических наук, в большинстве своем тоже

¹ Подробнее о языковедах куйбышевских/самарских вузов см. статью Е. С. Скобликовой [Скобликова 1997].

ставших вузовскими преподавателями. В вопросах подготовки специалистов для высшей школы внимание Елены Сергеевны Скобликовой было неизменно обращено на формирование не только исследовательских навыков, но и методико-педагогических — вместе с Д. И. Алексеевым она руководила кафедральными научным и методическим семинарами, школой педагогических знаний, методологическим семинаром лингвистических кафедр факультета. В 1984–1989 гг. Е. С. Скобликова руководила кафедрой русского языка.

Анализ. Долгая профессиональная жизнь Елены Сергеевны посвящена преподаванию русского языка и исследованиям в этой области, непосредственно обращенным к нуждам преподавания.

Не будучи методистом в узком смысле этого слова, в своих лингвистических работах, собственно научных трудах и учебных пособиях, она неизменно исходила из научно-методологической целесообразности в выборе принципов концептуального осмысления системы языка и подачи материала в своих пособиях, предназначенных не только для студентов-филологов, но и для учителей. В этом профессор Е. С. Скобликова была последовательным продолжателем научных идей своих учителей.

За более чем 60-летнюю научно-педагогическую деятельность она получила известность и признание в качестве одного из ведущих синтаксистов, а также специалистов в области русской диалектологии и русской орфографии, в том числе методики ее преподавания. Е. С. Скобликова — автор свыше 280 научных, научно-методических и учебно-методических работ (полный систематизированный список ее публикаций содержится в книге [Елена Сергеевна Скобликова 2014]). Многие ее работы выходили либо были впоследствии переизданы в центральных издательствах.

Диалектология положила начало исследовательской работе молодого ученого в период работы над кандидатской диссертацией под руководством профессора В. А. Малаховского. Впервые Елена Сергеевна оказалась причастной к диалектологической науке еще в период работы в школе, когда ее как учительницу, студентку-заочницу и одновременно местную

жительницу привлекли к сбору диалектного материала в составе небольшой группы студентов Пензенского пединститута под руководством Е. М. Иссерлин. В аспирантский период она много работает в Куйбышевском диалектологическом кабинете, где были собраны материалы более чем по тысяче населенных пунктов Поволжья, а также в Институте русского языка АН СССР, располагавшем обширными материалами по говорам на территории РСФСР. Завершением этого этапа научной деятельности стала защита кандидатской диссертации «Диалектные особенности в падежных формах личных местоимений» в 1951 г. Работа имела для своего времени масштабный характер, так как закономерные диалектные явления в ней были прослежены на обширной территории, охватывавшей говоры всей европейской части России.

Другие, более поздние ее диалектологические изыскания, а также исследования, выполненные под ее руководством преподавателями кафедры и аспирантами, охватывают более широкий круг проблем, связанных с изучением различных фонетических и морфологических явлений в русских говорах, историей формирования систем среднерусских говоров в Поволжье. По ее инициативе организовано участие самарских диалектологов в крупном проекте — создании Атласа говоров Среднего и Нижнего Поволжья, а следом усилиями доцентов Т. Ф. Зибровой и М. Н. Барабиной выполнена коллективная работа по созданию и изданию Атласа говоров Самарского края.

Однако основной областью интересов и научной работы для Елены Сергеевны Скобликовой стала синтаксическая система русского языка. Именно с ней связаны наиболее крупные результаты ее научной деятельности: докторская диссертация «Согласование и управление как способы синтаксической организации слов в русском языке» (1969), тема которой, по ее словам, была подсказана А. Н. Гвоздевым; вузовские учебники по синтаксису современного русского языка², монографии по

² Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. М., 1979. 236 с.; Самара, 1997. 324 с.; М., 2006. 320 с.;

проблемам синтаксиса [Скобликова 1977; Скобликова 1990; Скобликова 2016], цикл статей, рецензий, а также учебно-методические издания.

Как отмечалось при оценке наследия ученого, «синтаксическая концепция Е. С. Скобликовой, помимо прочего, формировалась под сильным влиянием специфических областей лингвистики: ее как языковеда отличает глубокое знание процессов истории русского (и общеславянского) языка, свободная ориентация в истории развития и современном состоянии диалектных систем русского языка и изучение (в работе с архивом А. Н. Гвоздева) закономерностей развития детской речи, становления языка у ребенка» [Илюхина 2016: 5].

Выраженным своеобразием Е. С. Скобликовой как синтаксиста, особенно заметным в условиях активного развития в нашей стране целого ряда синтаксических (и в целом — лингвистических) школ, является то, что в разработке всех проблем, которыми она занималась, сказалась ее принципиальная приверженность традиционным концепциям как исходной системе методологических координат. Такая позиция предопределила ее преимущественное внимание к объективно наиболее сложным синтаксическим явлениям, к дискуссионным проблемам, в отношении которых учеными предлагались принципиально разные теоретические концепции, отражающие неодинаковые исходные методологические позиции и конкретные цели исследования.

Изучение синтаксической системы в ее трудах выразилось во внимании к четырем крупным блокам: пониманию словосочетания в его соотношении с предложением, интерпретации типов синтаксической связи в словосочетании, интерпретации второстепенных членов предложения, классификации сложноподчиненных предложений.

Первым крупным результатом в ее синтаксических изысканиях стали труды, посвященные теоретической интерпретации типов синтаксической связи: докторская диссертация «Согласование и управление как способы синтаксической

организации слов в русском языке» (1969) и монография «Согласование и управление в русском языке» (М.: Просвещение, 1971).

Разработка этой проблематики велась в условиях теоретической полемики прежде всего вокруг явления «слабого управления» (по А. М. Пешковскому): факты этого рода, как известно, противоречат классическому определению управления как способа синтаксической связи слов, сводящему фактор выбора предложно-падежной формы зависимого слова к валентным характеристикам («требованию») главного слова. Для разрешения этого противоречия одни ученые (чья точка зрения отражена, в частности, в РГ-70) были склонны предпочесть и последовательно реализовать критерий «сильной связи» между главным и зависимым словами в составе словосочетания и как следствие — вывести из состава управления многочисленные факты «слабого управления», не соответствующие этому принципу, и включить их в состав примыкания как способа синтаксической связи на правах «именного примыкания». Другие, в том числе Е. С. Скобликова, которой принадлежит, пожалуй, наиболее важная роль в утверждении этой точки зрения, обосновывали иную теоретическую позицию — связывали выбор предложно-падежной формы при управлении (как «слабом», так и «сильном») не с валентными свойствами главного слова, а с характером смысловых отношений, выражаемых в словосочетании, например: *варить суп* («сильное» управление) — *варить из грибов, варить в кастрюле, варить после обеда, варить на костре, варить к ужину, варить для семьи* и мн. др. («слабое» управление). Важнейшей задачей в таком решении дискуссионного вопроса Е. С. Скобликова считала не только отражение одной из значимых сторон объективно сложного явления, но и сохранение единства принципа дифференциации трех типов синтаксической связи, основанного на морфологической природе зависимого компонента.

Проблема выбора методологической призмы наиболее сложна при интерпретации и типологии членов простого предложения и во многом изоморфной ему, по справедливому мнению Е. С. Скобликовой, единицы — сложноподчиненного предложения, а также односоставных предложений и бессоюзных сложных предложений.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. Самара, 1993. 226 с.; М., 2006. 262 с.

В условиях объективно «неустраимого» расхождения структурной (формальной) и семантической стороны такого рода синтаксических единиц предпочтение она отдает семантической.

Такую методологическую позицию профессор Е. С. Скобликова именovala категориальным подходом, который последовательно исповедовала как в преподавании синтаксиса, так и в его исследовании.

Подход Е. С. Скобликовой к члену предложения как синтаксической категории (в равной мере это касается главных и второстепенных членов) исходит из психологической реальности этой единицы для носителей языка, участников коммуникации.

Наиболее органичным и оправданным такой подход выглядит в концепции парадигматической системности второстепенных членов предложения. Известно, что этот участок синтаксической системы на всем протяжении его научного осмысления и теоретической интерпретации в отечественном языкознании относился к наиболее дискуссионным и до сих пор в работах разных исследователей получает разное концептуальное представление.

В соответствии с названным выше подходом в работах Е. С. Скобликовой член предложения рассматривается как категория, в основе которой лежит обобщенная синтаксическая семантика (категориальный признак), частные варианты которой организуют системные соотношения множества разноструктурных средств ее выражения. По отношению именно к синтаксическим категориям, как известно, не приходится говорить об однородности и замкнутом характере системы средств экспликации практически любой категории — как главных, так и второстепенных членов предложения, выражаемых словами разных частей речи.

Однако в условиях неоднородности разночастеречных средств выражения любого второстепенного члена предложения и принципиальной открытости их состава, пополняемого в живой речи за счет новых элементов, в том числе под влиянием конструкций другого языка в условиях глобализационных процессов (костюм *от Юдашкина*, фильм *от создателей блокбастера* и под. в сфере определения)

Е. С. Скобликова усматривает системные семантические отношения, объединяющие эти средства. Эти отношения в широком смысле сводятся к синонимии, антонимии и другим видам сопоставленности единиц, выражающих общее категориальное значение в его вариантах. Поясним суть ее квалификации системных отношений в сфере второстепенных членов на нескольких примерах.

Наиболее показательна картина системных соотношений разноструктурного множества в сфере обстоятельств, хотя применительно к разным типам обстоятельств состав и характер семантических оппозиций, организующих эти отношения, принципиально различается. Так, в сфере обстоятельств места средства выражения общего категориального значения соотносятся между собой по принципу тройственного противопоставления, эксплицируемого местоименными наречиями *где — куда — откуда*, ср.: *в лесу — в лес — из леса*. Характерно, что и наречные средства этой системы организуются тем же противопоставлением: *вдали — вдаль — издалека*. Тройственной противопоставленностью как системным показателем отличается организация средств выражения временных отношений, описываемая как разное соотношение с каким-либо временным ориентиром, в равной мере характерная для предложно-падежных форм существительных и наречий: *до работы — во время работы — после работы; раньше — сейчас — позже*. Иной тип семантической оппозиции организует систему средств выражения обстоятельств образа действия, объединяющий синонимию и включенную в нее антонимию средств. Передавая общую семантику образа действия, все предложно-падежные и наречные средства находятся в отношении синонимии, например: *говорил с интересом, заинтересованно, без интереса, с безразличием, безразлично, равнодушно*. Однако в рамках обобщенного значения эти средства антонимически противопоставлены указанием на наличие или отсутствие общего параметра: *говорил с интересом, заинтересованно — без интереса, с безразличием, безразлично, равнодушно*.

Наряду со специфическим типом оппозиций, в которые оказываются включены все средства выражения категориального

значения, другим интегрирующим фактором, превращающим набор разноструктурных элементов в систему, является наличие в составе любого множества, эксплицирующего категорию конкретного второстепенного члена предложения, морфологизованного средства: для определений — прилагательного и частей речи, изменяющихся по типу прилагательного, для обстоятельств — наречия соответствующего семантического разряда. Показателен с точки зрения оценки семантического единства разноструктурных единиц факт их синонимии с морфологизованным средством, которая является если не закономерностью, то отчетливо выраженной тенденцией. Так, в сфере обстоятельства места с наречием *вдали* соотносятся предложно-падежные средства *у реки, в реке, за рекой, на реке, над рекой* и мн. др., с наречием *вдаль* — формы *к реке, в реку, на реку* и др., в сфере обстоятельств времени с наречием *вчера* соотносятся формы *в среду, перед вторником, пятого марта* и мн. др. В сфере определений с прилагательным соотносятся предложно-падежные формы существительных, например с прилагательным *дверной* в составе сочетания *дверная ручка* соотносятся несколько форм: *ручка двери, для двери, от двери*.

Экспансия имени существительного в сфере выражения определений и обстоятельств всех семантических разрядов и преобладание их как по количеству форм, так и по общей частотности в речи, как известно, объясняется их преимуществом в конкретизации категориального значения. На фоне широкого значения морфологизованного средства многочисленные предложно-падежные формы существительного обеспечивают необходимую детализацию общего значения; ср.: *там, слева* — *у окна, на окне, перед окном, над окном, в окне* и мн. др.

Как показывает профессор Е. С. Скобликова, психологическая реальность для носителя языка каждого второстепенного члена предложения, обладающего типовой функцией в проекции на языковую систему, выражается в наличии соответствующей синтаксической категории, центрируемой категориальным значением, которое в свою очередь организует широкий круг разноструктурных средств набором специфических оппозиций.

Добавим, что такая интерпретация семантической структуры предложения коррелирует не только с принципами «активной грамматики» Л. В. Щербы, «грамматики говорящего», но и с когнитивными представлениями о структуре пропозиции как ментальной единицы, которая отражает знание о ситуации (событии) и интерпретируется в терминах аргументов — агенса, пациенса, экспериенцера, бенефактива и др. — и в отношении которой предложение может рассматриваться как прямая ее проекция в языковой системе.

Концепция, предложенная профессором Е. С. Скобликовой, заслуживает внимания не только сама по себе, но и как важный аргумент в пользу признания второстепенных членов предложения единицами синтаксической системы наряду с главными членами: вне этой оппозиции, по мнению Е. С. Скобликовой, последние утрачивают свою определенность.

Весьма показательной представляется позиция Е. С. Скобликовой в выборе принципа классификации и теоретической интерпретации сложноподчиненных предложений в курсе синтаксиса современного русского языка в вузе. Как известно, в истории их типологических описаний ко второй половине XX в. сложились разные подходы, были предложены разные принципы их теоретической интерпретации, оцениваемые как логический, формально-грамматический, структурно-семантический в нескольких реализациях последнего (в работах того периода ученых Н. С. Поспелова, С. Е. Крючкова и Л. Ю. Максимова, В. А. Белошапковой и др.). В вузовском учебнике Е. С. Скобликовой «Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения» система сложноподчиненных предложений описана на основе принципа, предложенного профессором Л. Ю. Максимовым для школьного учебника, существующего до сих пор³.

Полагаем, что предпочтение Е. С. Скобликовой этой классификации объясняется принципиальными соображениями,

³ Бархударов С. Г., Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. и др. Русский язык: учеб. для VII–VIII классов. 4-е изд., перераб. М.: Просвещение, 1976.

отражающими три основополагающих фактора, которые свойственны ей как синтаксисту. Прежде всего в этом описании предпочтение в интерпретации сложноподчиненного предложения отдано авторами семантической стороне, которая в процессе характеристики каждой разновидности этой синтаксической единицы дополняется учетом ее структурной стороны. Е. С. Скобликова в этом видит выражение «категориальной» оценки сложноподчиненного предложения. Вторым основанием следует считать методологическое соображение — такой подход (от семантики к структурным, в том числе формально-грамматическим, сторонам сложноподчиненного предложения) наиболее близок студентам, потому что не расходится с психологией порождения этих единиц. Наконец, такое типологическое описание сложноподчиненных предложений обнажает важнейшую сторону синтаксической системы — изоморфизм семантической структуры простого и сложноподчиненного предложений, а нередко и сходство формального устройства, которое выражается в соотносительности предлогов в составе предложно-падежных форм существительных и подчинительных союзов в придаточном предложении при выражении сходных или одинаковых смысловых отношений: *после* + Р. п. существительного и *после того как*; *несмотря на* + В. п. существительного и *несмотря на то что*; *из-за* + Р. п. существительного и *из-за того что*; и мн. др.

Оценивая преимущество категориального принципа преподавания языка, Е. С. Скобликова пишет: «Путь от грамматической семантики к грамматической форме способствует интересу к явлениям языка, сознательному отношению к практике их речевого использования, соответственно — культуре речи, способствует развитию аналитического мышления, философскому осознанию связи между языком и реальностью, языком и мышлением» [Скобликова 1971: 138].

Предпочтение семантической стороны как основополагающей для категориального подхода в данном случае можно объяснить методологической целесообразностью, вполне оправданной как принцип рассмотрения сложнейших синтаксических явлений в процессе преподавания. Разумеется,

это не исключает интерпретации этих явлений сквозь иные теоретические призмы — с преимущественным вниманием к той или иной их стороне, в логике самых разных методологических концепций.

Для полноты представления круга научных интересов и результатов деятельности Е. С. Скобликовой следует упомянуть ее работы, оставшиеся за рамками анализа в статье: ей принадлежит сборник упражнений по стилистике русского языка⁴ и выдержавшее несколько изданий пособие по орфографии⁵.

В наследии профессора Е. С. Скобликовой на всем протяжении ее деятельности большое место занимало издание и переиздание наиболее крупных научных и учебных трудов А. Н. Гвоздева. Ее трудом и усилиями на протяжении более чем 50 лет (с конца 50-х гг. прошлого века и почти до 20-х гг. нашего века) велась последовательная и трудоемкая работа по подготовке книг к изданию: одних к повторному стереотипному изданию, других с собственными дополнениями, третьих — к первому изданию по архивным материалам ученого. Упомянем прежде всего те из них, которые Е. С. Скобликова подготовила к первому, посмертному изданию: «От первых слов до первого класса: Дневник научных наблюдений» (Саратов, 1981; М., 2005); «Развитие словарного запаса в первые годы жизни ребенка» (Саратов, 1990); «Избранные работы по орфографии и фонетике» (М., 1963). Кроме того, она обеспечила неоднократное переиздание, в том числе с дополнениями, ряда вузовских учебников: «Очерки по стилистике», «Современный русский литературный язык», «Сборник упражнений по современному русскому языку».

Выводы. Научное наследие профессора Елены Сергеевны Скобликовой, включающее труды по синтаксису современного русского языка, русской диалектологии, русской орфографии, а также деятельность

⁴ Скобликова Е. С. Сборник упражнений по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 264 с.

⁵ Скобликова Е. С. Обобщающая работа по орфографии: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1994. 124 с.; М.: Дрофа, 2005. 176 с.; М.: Дрофа, 2007. 176 с.; М.: Дрофа, 2010. 176 с.

по сохранению уникального научного творчества профессора А. Н. Гвоздева, представляют безусловную ценность. Ее труды в области синтаксиса составляют цельную концепцию, основанную на классических традициях, развивают эти традиции в аспекте исследования системной организации синтаксического строя русского языка. Концепция Е. С. Скобликовой, обладающая безусловной объяснительной силой, сохраняет актуальность не только для развития синтаксической теории, но и в качестве методологической основы преподавания центральных лингвистических дисциплин.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елена Сергеевна Скобликова: очерк жизни и деятельности: биобиблиографический справочник / сост. М. Н. Барабина (отв. ред.), Е. А. Завалко, И. В. Шумкина. Самара: Самарский университет, 2014. 86 с.
2. Илюхина Н. А. О синтаксической концепции Е. С. Скобликовой // Избранные работы по теории синтаксиса. Самара: Самарский университет, 2016. С. 4–10.
3. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке: пособие для учителей М.: Просвещение, 1971. 239 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://djvu.online/file/VpYYlysugP7uN?ysclid=ltcolcb9i623423704> (дата обращения: 06.05.2024).
4. Скобликова Е. С. Очерки по теории словосочетания и предложения. Куйбышев: Изд-во Саратов. ун-та: Куйбышев. фил., 1990. 140 с.
5. Скобликова Е. С. Самарская (Куйбышевская) лингвистическая школа // Вестник Самарского государственного университета. 1997. № 1 (3). С. 93–102.

6. Скобликова Е. С. Избранные работы по теории синтаксиса. Самара: Самарский университет, 2016. 180 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Izbrannye-raboty-po-teorii-sintaksisa-monografiya-Tekst-elektronnyi-86556/1/Скобликова%20Е.С.%20Избранные%20работы%202016.pdf?ysclid=ltcyn9v124901422> (дата обращения: 06.05.2024).

REFERENCES

1. Elena Sergeevna Skoblikova: sketch of life and work: a biobibliographical guide. Comp. by M. N. Barabina (ed.), E. A. Zavalko, I. V. Shumkina. Samara: Samara University, 2014. 86 p. (In Russ.)
2. Ilyukhina N. A. On the syntactic conception of E. S. Skoblikova. *Izbrannye raboty po teorii sintaksisa* = *Selected works on the theory of syntax*. Samara: Samara University, 2016. P. 4–10. (In Russ.)
3. Skoblikova E. C. Agreement and ruling in the Russian language: a guide for teachers Moscow: Prosveshcheniye, 1971. 239 p. [Electronic resource]. URL: <https://djvu.online/file/VpYYlysugP7uN?ysclid=ltcolcb9i623423704> (accessed: 06.05.2024). (In Russ.)
4. Skoblikova E. S. Essays on the theory of word combination and sentence. Kuibyshev: Saratov University, 1990. 140 p. (In Russ.)
5. Skoblikova E. C. Samara (Kuibyshev) linguistic school. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Vestnik of Samara State University*. 1997;(1):93–102. (In Russ.)
6. Skoblikova E. S. Selected works on the theory of syntax. Samara: Samara University, 2016. 180 p. [Electronic resource]. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Izbrannye-raboty-po-teorii-sintaksisa-monografiya-Tekst-elektronnyi-86556/1/Скобликова%20Е.С.%20Избранные%20работы%202016.pdf?ysclid=ltcyn9v124901422> (accessed: 06.05.2024). (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Надежда Алексеевна Илюхина, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и массовой коммуникации факультета филологии и журналистики

Nadezhda A. Ilyukhina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian language and Mass Communication, Faculty of Philology and Journalism

Статья поступила в редакцию 05.03.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted 05.03.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 06.05.2024.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-120-125>

Рецензия на учебное пособие: Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. Современное русское словообразование: Функционально-динамический аспект: учебное пособие. М.: Флинта, 2023. 176 с.

Юлия Васильевна Бец¹, Светлана Васильевна Ильасова²

^{1,2} Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹ betsju@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9383-472X>

² svilyasova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2386-6512>

Для цитирования: Бец Ю. В., Ильасова С. В. Рецензия на учебное пособие: Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. Современное русское словообразование: Функционально-динамический аспект: учебное пособие. М.: Флинта, 2023. 176 с. // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 120–125. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-120-125>.

REVIEW

Textbook review: N. A. Nikolina, L. V. Ratsiburskaya. Modern Russian word formation: Functional-dynamic aspect: study guide. Moscow: Flinta, 2023. 176 p.

Yulia V. Bets¹, Svetlana V. Ilyasova²

^{1,2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ betsju@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9383-472X>

² svilyasova@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2386-6512>

For citation: Bets Yu. V., Ilyasova S. V. Textbook review: N. A. Nikolina, L. V. Ratsiburskaya. Modern Russian word formation: Functional-dynamic aspect: study guide. Moscow: Flinta, 2023. 176 p. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):120–125. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-120-125>.

В рецензируемом пособии представлена богатая, красочная палитра современного русского словообразования, показана мощь и разнообразие способов и приемов, работающих на пополнение лексики русского языка, описана удивительная по выразительности неологическая картина, создаваемая журналистами в массовой коммуникации и писателями в художественной речи.

Пособие включает три главы, в конце каждой из которых приводится солидный список научной литературы.

В первой главе «Основные направления современной словообразовательной науки» (Л. В. Рацибурская) освещены как традиционные, так и новые направления

исследований словообразовательной системы деривационных процессов. Отметив роль словообразования как источника пополнения лексики русского языка, авторы подчеркивают и его вторую функцию — функцию классификации мотивированных слов.

Подробно описывается в главе и такой традиционный аспект изучения словообразовательных процессов, как структурно-семантический, предметом которого служат новообразования, особенности их структуры, способы создания, причины появления, специфика функционирования.

Большой поток новообразований в современном русском языке требует осмысления,

что вызывает к жизни и выделение новых аспектов в изучении причин такого феномена. Наряду с традиционными отмечают «лингвокогнитивный, лингвокультурологический и лингвопрагматический аспекты» (с. 10).

Удачным завершением главы считаем освещение коллективного проекта, посвященного языку коронавирусной эпохи. Авторы пособия подчеркивают, что «лингвисты никогда раньше не сталкивались с подобным “неологическим взрывом”» (с. 14). Поэтому такую ценность представляет его оперативное описание, заостряется внимание на методологической значимости монографии и словаря, подготовленных Институтом лингвистических исследований РАН.

Вторая глава «Динамизм словообразовательной системы современного русского языка на рубеже XX–XXI веков» (Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская) начинается с постановки дискуссионной для дериватологии проблемы определения способа словообразования в диахроническом и синхроническом аспектах. Авторы предлагают понимать под способом словообразования в диахронии «прием создания лексической единицы в период ее возникновения» (с. 22), а в синхронии — это выявление «средства выражения словообразовательного значения производного слова» (Там же).

Приведя известную классификацию способов словообразования (РГ-80), авторы уточняют ее «с учетом типов формантов» (с. 24). В предлагаемой классификации, так же как в РГ-80, сохраняется 3 группы способов: аффиксальные, безаффиксные и смешанные, при этом в последнюю группу добавлены: сращение + суффиксация, усечение + суффиксация, префиксально-сложный. В комментариях указано, что «усечение выделяется как самостоятельный способ вслед за Е. А. Земской» (с. 24). Мы полностью разделяем позицию авторов в выделении усечения как самостоятельного способа, так как он действительно продуктивен в современном русском языке. Отметим логичность и цельность классификации в целом.

В соответствии с названием параграфа «Способы словопроизводства в динамическом аспекте» далее дается оценка продуктивности способов словообразования с опорой на частеречный подход. В сфере новообразований существительных зафиксирована

продуктивность суффиксации и сложения, продуктивность формантов, участвующих в образовании дериватов со значением лица.

Обстоятельная характеристика дана такому продуктивному способу, как сложение. Предваряя анализ этого способа, авторы пишут, что «по подсчетам исследователей, каждое третье новое слово образуется именно этим способом» (с. 28). Наибольшее внимание при обзоре сложения уделено заимствованным аффиксоидам, прежде всего новым, которые «развивают полифункциональность и способны употребляться и как префиксоиды, и как суффиксоиды. Это, например, аффиксоиды *аккаунт, кейс, контент, лайт*» (с. 29). Все наблюдения авторов подтверждаются подробным анализом очень яркого иллюстративного материала, отобранного из источников масс-медийной коммуникации.

Высокой оценки заслуживает также материал о дефисных комплексах, проиллюстрированный текстами художественной литературы, например: *Никаких рассказов, знаем мы эти штучки, путевые записки-манжеты ни-дня-без-строчки* (Д. Рубина. Наполеонов обоз). Активность дефисных комплексов отмечена и в других дискурсах, например в интернет-коммуникации, что в целом позволяет говорить о «расширении потенциала лексико-синтаксического словопроизводства и новых тенденциях развития сращения» (с. 30).

Подробный анализ дается так называемым компрессионным способам словообразования, активизация которых характерна для современного русского языка. Это аббревиация, усечение, субстантивация. Интересным считаем наблюдение авторов о конкуренции дериватов, созданных разными компрессионными способами, ср.: *мобильник — мобильный — мобила; курсовая — курсач — курсовик* (с. 33).

Подробный анализ усечения позволяет познакомиться с основными точками зрения на него, расширить представление о его разновидностях, увидеть отличия от других способов. Как показано в пособии, от дериватов, образованных путем усечения, следует отличать, во-первых, аббревиатуры, так как слово, образованное путем усечения, «формально мотивируется одним словом, которое подвергается сокращению чаще без учета морфемного

шва: *дип, маг, спец, транслит*) (Там же). Во-вторых, «необходимо отличать универбаты с нулевым суффиксом, которые мотивируются словосочетанием с атрибутивными отношениями: *загран — заграничный паспорт, термояд — термоядерная реакция, фиктив — фиктивный брак*» (Там же).

Материал, посвященный усечению, в рецензируемом пособии необыкновенно живой, захватывающий. В качестве примеров привлечены новообразования из языка Интернета, например: «...*нра/нрав* (нравится), *оч* (очень), *лю* (люблю), *прост* (просто), *ясн* (ясно). В сферу усечения в результате втягиваются наречия, глагольные формы, частицы» (с. 34). Авторы отмечают тематическое разнообразие усеченных вариантов: «Преимущественно это названия предметов (*мобиля, мот, клавиша, коры*), наименования лиц (*нач, пенс, телохран, препод*) и номинации учреждений (*конса, универ*)» (с. 35). Отдельную яркую группу усечений составляют неофициальные топонимы, ср.: «*Лужа — Лужники, Павел — Павелецкий вокзал, Труба — Трубная площадь*» (Там же) и антропонимы, например: «...*Брынь — Брынцалов, Глушак — Глушаков, Лещ — Лещенко*...» (Там же).

Подробно рассмотрена в пособии аббревиация — еще один продуктивный способ словообразования в современном русском языке. Из трех типов создания аббревиатур: инициального, смешанного и телескопического «в современной русской речи заметно преобладают инициальные (как буквенные, так и звуковые, например: *БД* (база данных), *МК* («Московский комсомолец»), *КИМ* (контрольные измерительные материалы)» (с. 36). Отмечается появление новых тематических групп аббревиатур (названия партий, компьютерных технологий и др.); увеличение числа заимствованных аббревиатур; образование большого количества производных, в некоторых случаях целых гнезд, например с вершиной *пиар*.

Обзор способов словообразования продолжается обращением к субстантивации, которая «в настоящее время, в отличие от усечения и аббревиации, не является в целом высокопродуктивным способом словопроизводства» (с. 37). Тем не менее собранный материал представляет несомненный интерес и для дериватологии, и для лингвокультурологии.

Особое внимание в пособии уделено универбации, занимающей особое положение в системе русского словообразования, так как в качестве форманта в ней выступает суффикс. Это, по замечанию авторов, позволяет рассматривать универбацию как разновидность суффиксации, однако семантически она более сложна, нежели суффиксация: «...результатом ее является свернутое производное, характеризующееся наличием имплицитных смысловых компонентов, а мотивирующей базой служит словосочетание» (с. 39). Результатом анализа универбации становится следующий вывод: «Универбация характерна преимущественно для разговорной речи и жаргонов, при этом она все чаще встречается в современных медиатекстах. Широкое распространение универбатов свидетельствует о доминирующей в современном словообразовании тенденции к компрессии» (с. 40).

Оригинальным решением считаем обращение в этой главе пособия к контаминации, которой дан глубокий многоаспектный анализ.

Отмечается, что «контаминация в словообразовании в течение длительного времени рассматривалась как окказиональный способ словопроизводства и оценивалась как маргинальное явление, преимущественно связанное с языковой игрой. Однако на рубеже XX–XXI вв. употребление контаминированных образований приобрело массовый характер, они активно используются в языке СМИ и рекламы, в разговорной и художественной речи; см., например: *драконат, проэзия, хамильярный, человолки*» (Там же).

В пособии подчеркнута многофункциональность контаминации. Трудно не согласиться с авторами в том, что «контаминация постепенно превращается в актуальный и достаточно продуктивный способ компрессивного словообразования, который активно используется в текстах СМИ, рекламе, художественной и разговорной речи» (с. 42–43).

В завершение этого параграфа рассматривается такой неузальный способ создания новых слов, как замещающая деривация. Механизм создания новообразования «предполагает субституцию — замену морфемы или ее части в составе слова» (с. 43). В качестве такой морфемы может

выступать и корень (например, *сете-представление*), и аффиксы (например, *поухавшие*).

Во втором параграфе второй главы «Деривационные форманты в динамическом аспекте» показана как активизация известных аффиксов, так и появление новых. Рассматриваются такие аффиксы и аффиксоиды, как «*нано-, кибер-, крипто-, -оид, -гейт, -оголик, -инг, -раст, мега-, нон-, он-, оф-, ап-, аут-, ин-, овер-*», которые проявляют значительную активность в начале XXI века» (с. 45).

Яркий, представительный иллюстративный материал, тщательно отобранный из источников массмедийной коммуникации, позволяет подтвердить активность таких префиксоидов, как *нано-, кибер-*, при этом новообразования выступают не только для обозначения достижений в области науки и техники, но и как средство экспрессивизации текста, например: «...подобрать под цвет *нанокостюма нанехонький наноносок*» (с. 46); «...*кибердворники, киберсадовники, киберпоедатели-мух-и-гусениц, киберсоорудители-бутербродов-с-ветчиной-и-сыром*» (с. 48).

С большим интересом читается материал, посвященный суффиксу *-оид*. Новообразования с этим суффиксом выступают как «пейоративные названия сторонников государственных и политических деятелей» (с. 50). Исследователи указывают на социокультурные факторы продуктивности данного суффиксоида, связывая ее с частотой скандалов, вызванных аморальным поведением политиков и представителей правящих кругов.

В разделе, посвященном новым формантам, характеристика дается также суффиксоидам (*-гейт*), суффиксам (*-инг, -раст*), формантам (*-голик*), префиксам (*мега-, нон-, он-*). Здесь представлен очень яркий, порой уникальный материал, в полной мере подтверждающий динамизм процессов, происходящих в русском словообразовании. Многочисленные новообразования на *-гейт* могут быть мотивированы как собственными существительными — антропонимами и топонимами (*Трам-гейт, Хилларигейт, Мытищи-гейт*), так и нарицательными, «которые также могут быть связаны с определенными скандальными и резонансными событиями» (с. 52–53). Вторая группа

представлена, например, таким новообразованием, как *паспорт-гейт*.

Глубокий, многоаспектный анализ дан «инговому цунами» — новообразованиям с суффиксом *-инг*, которые используются в различных дискурсах — в массмедийном, художественном — как в игровой функции: *объегоринг, стибринг, свалинг*, так и без нее: *зацепинг, балконинг*.

Продуктивным, по замечаниям авторов, выступает в современной речи и компонент *-оголик*, «возникший на базе употребления этого комплекса в составе гибридных образований, например: *пивооголик, шопооголик, трудооголик, рэпооголик*» (с. 54–55). Авторы используют термин *формант*, так как статус комплекса еще окончательно не определен: одни исследователи называют его суффиксом, другие — суффиксоидом.

Впечатляет созданная авторами картина функционирования в современном русском языке новообразований с префиксом *мега-*, имеющим размерно-оценочное значение, так как включающие его неодекативы не только указывают на большие размеры обозначаемого (*мегасвадьба*), но и дают оценку, положительную (*мегаполезен*) или отрицательную (*мегапровокация*).

Завершается этот раздел пособия и глава демонстрацией языкового материала, еще раз служащего подтверждением, во-первых, тенденции к глобализации, во-вторых, гибкости словообразовательной системы русского языка в освоении инноваций. Указанные процессы проиллюстрированы примерами новообразований с префиксами *нон-* и *он-*, которые как самостоятельные морфемы находятся пока в стадии формирования.

В главе 3 «Функционирование словообразовательных средств в современной медийной и художественной речи» показаны общие и отличные приемы создания выразительности средствами словообразования в языке массмедиа (Л. В. Рацибурская) и в художественной литературе (Н. А. Николина).

Открывается глава анализом двух основных тенденций в словообразовательных процессах современного русского языка — тенденции интернационализации и тенденции демократизации. Первая обусловлена глобализацией, «сущность которой определяют как формирование единого

мирового экономического, финансового и информационного пространства» (с. 64).

Вторая тенденция — «тенденция к демократизации связана с усилением влияния устной речи на письменную и вызвана демократическими преобразованиями в общественной жизни» (с. 71). Эта тенденция проявляется во вторжении в язык СМИ жаргонной, арготической лексики. Положительным результатом тенденции к демократизации авторы считают усиление личностного начала и, как следствие, активизацию словотворчества в языке СМИ. В параграфе «Специфика современного медийного словотворчества» дана глубокая многоаспектная оценка этого феномена, ставшего, как нам представляется, визитной карточкой современных российских СМИ. Медийное словотворчество рассматривается в пособии в лингвопрагматическом аспекте, находящемся в русле актуальных направлений современной лингвистики: «Прагматическая функция новообразований связана с непосредственным воздействием на адресата с целью изменения его ценностно-мировоззренческих установок, ментальных и поведенческих актов» (с. 95).

Одновременно исследуется проблема оценочности в медийных текстах. Она раскрывается на оригинальном материале — диминутивах, которые «не столько указывают на предмет незначительного размера, сколько выражают иронию, пренебрежение, уничижение» (с. 98).

В рамках лингвопрагматического аспекта рассматривается и языковая игра в медийных текстах, где она служит выражением личностного начала. Материалом для анализа языковой игры в медийном словотворчестве послужили новообразования, созданные путем контаминации и замещающего словообразования как наиболее яркие проявления языковой игры.

В лингвопрагматическом аспекте обсуждаются проявления речевой агрессии в СМИ и рискогенность современных медийных текстов. Рискогенными «нередко оказываются медийные новообразования, структурно-семантические особенности которых могут быть связаны с рисками нарушения этических норм, с речевой агрессией, оскорблением, унижением чести и достоинства личности» (с. 119).

Особое место в параграфе «Специфика современного медийного словотворчества» уделено новой черте медийного словотворчества — поликодовости.

Поликодовость рассмотрена в пособии на примере такой разновидности новообразований, как «графические гибриды, образования вербально-иконической природы» (с. 128).

В соответствии с названием третьей главы внимание в ней уделено также функционированию словообразовательных средств в художественной речи. В относительно небольшом по объему параграфе (в сравнении с предыдущим) представлен и блестяще проанализирован материал, имеющий и самостоятельную научную ценность и представляющий интерес в сопоставительном аспекте с массмедийной коммуникацией.

Предваряя анализ активных деривационных процессов в художественной речи, авторы подчеркивают: «В современной художественной речи последовательно отражаются активные деривационные процессы, характерные для развития русского языка в конце XX — начале XXI века...» (с. 133).

В пособии отмечается, что для современной художественной речи характерна активность словотворчества, которая проявляется как в поэзии, так и в прозе. «Потенциальные слова и собственно окказионализмы встречаются в текстах различных литературных направлений и разных жанров» (с. 138). Авторы в то же время делают важное уточнение: «Новообразования в современных художественных текстах распределены неравномерно. Словотворчество явно заметнее в поэзии, причем в стихотворных текстах наряду с потенциальными словами регулярно используются и собственно окказионализмы. В прозаических же текстах преобладают потенциальные слова» (с. 139).

Значительное место отведено анализу контаминации (телескопическому словообразованию) как активному способу создания новообразований, имеющему давнюю историю существования в художественной речи. Подчеркивая, что активизация контаминантов в художественных текстах связана с их активностью в языке СМИ и разговорной речи, авторы в то же время указывают на различие функций, ср.: «Если в языке СМИ контаминированные

образования преимущественно выступают в оценочной или игровой функциях, то в современной художественной речи они в основном служат образными средствами и часто представляют собой метафору или свернутое сравнение» (с. 145). Показано, что в современной художественной литературе наряду с контаминацией широкое распространение «получает слияние самостоятельных слов» (с. 147).

Нельзя оставить без внимания вывод о стирании границ не только между разными грамматическими формами, но и между частями речи, что находит выражение в десубстантивации: *Я достоевский мальчик* (А. Цветков); спрягаемости имени: *Память — это глагол на «ять»*. // *Памя. Памяли. Памишь. Пами* (с. 153) и других примерах словотворчества, которые позволяют говорить о размытости и зыбкости границ между частями речи (с. 152).

Рецензируемое пособие вполне соответствует заявленному жанру — учебное пособие. В разделе «Вопросы и задания»

присутствуют разнообразные по тематике и проблематике вопросы (направленные на знание научной литературы, приведенной в пособии; на определение способа образования новообразований, продуктивности аффиксов, с помощью которых они созданы; на работу с текстом — выбор новообразований из текста; на оценку таких явлений, как речевая агрессия, рискогенность и т. д.). Подготовка к ответам на эти вопросы, безусловно, поможет не только углубить знания в области русского словообразования, расширить представление об активных деривационных процессах, но и увидеть всю мощь и красоту русского словообразования.

Рецензируемое пособие представляет интерес не только для магистрантов, изучающих дериватологию, язык СМИ, язык художественной литературы в рамках вузовских курсов и спецкурсов, аспирантов, но и всех, кто интересуется активными процессами, происходящими в русском языке.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Юлия Васильевна Бец, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка для иностранных учащихся

Светлана Васильевна Ильясова, доктор филологических наук, профессор

Yulia V. Bets, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of Department of the Russian Language for Foreign Students

Svetlana V. Ilyasova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Professor

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; принята к публикации 09.11.2023.

The article was submitted 19.08.2023; accepted for publication 09.11.2023.

ХРОНИКА CHRONICLE

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-126-128>

Международная научно-практическая конференция «Личность и деятельность М. Т. Баранова: история и современность (к 100-летию со дня рождения ученого)»

Людмила Юрьевна Комиссарова¹, Ольга Николаевна Левушкина², Анатолий Юрьевич Устинов³,
Владислав Дмитриевич Янченко⁴

^{1, 2, 3, 4} *Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия*

¹ lyukom@mail.ru

² levushkinaon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8830-0969>

³ ustan0902@rambler.ru

⁴ v.d.yanchenko@gmail.com

Для цитирования: Комиссарова Л. Ю., Левушкина О. Н., Устинов А. Ю. и др. Международная научно-практическая конференция «Личность и деятельность М. Т. Баранова: история и современность (к 100-летию со дня рождения ученого)» // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 4. С. 126–128. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-126-128>.

International research-to-practice conference "M. T. Baranov's personality and activity: history and modernity (to mark the centenary of the scientist's birth)"

Lyudmila Yu. Komissarova¹, Olga N. Levushkina², Anatoly Yu. Ustinov³, Vladislav D. Yanchenko⁴

^{1, 2, 3, 4} *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*

¹ lyukom@mail.ru

² levushkinaon@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8830-0969>

³ ustan0902@rambler.ru

⁴ v.d.yanchenko@gmail.com

For citation: Komissarova L. Yu., Levushkina O. N., Ustinov A. Yu. et al. International research-to-practice conference "M. T. Baranov's personality and activity: history and modernity (to mark the centenary of the scientist's birth)". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(4):126–128. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-4-126-128>.

19 апреля 2024 года на кафедре методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета состоялась международная научно-практическая конференция «Личность и деятельность М. Т. Баранова: история и современность (к 100-летию со дня рождения ученого)».

Более 100 участников конференции из России (Москва, Абакан, Армавир, Иваново, Йошкар-Ола, Луганск, Казань, Калуга, Мценск, Оренбург, Орехово-Зуево, Пермь,

Реутов, Рязань, Самара, Шуя, Электросталь) и зарубежных стран (Испания, Китай, Польша, Чехия) обсуждали определяющую роль научной школы «Формирование лингвистического мировоззрения» профессора М. Т. Баранова и важную роль кафедры методики преподавания русского языка МПГУ в сохранении традиционных ценностей России.

Доклады, прозвучавшие в первой части пленарного заседания конференции, были подготовлены учениками и ближайшими

коллегами М. Т. Баранова и были посвящены осмыслению роли личности ученого и его научных трудов в развитии современной методической науки.

В. Д. Янченко, д. пед. н., заведующий кафедрой методики преподавания русского языка МПГУ, оценивая вклад М. Т. Баранова в российскую науку с точки зрения историографии методики, отметил важнейшие ипостаси М. Т. Баранова: Учитель, Ученый, защитник Отечества в годы Великой Отечественной войны, составитель школьных объяснительных словарей, автор учебников для школы и вуза, оставивший богатое методическое наследие — основательный вклад в методическую науку.

Почетный профессор МПГУ А. Д. Дейкина, д. пед. н., ученица М. Т. Баранова, представила вехи его жизненного и научного пути в контексте понятий «время» и «пространство», отметив значимость личности М. Т. Баранова в истории методики преподавания русского языка, о чем говорят известные труды ученого, число учеников и последователей.

Профессор кафедры методики преподавания русского языка МПГУ Л. Ю. Комиссарова, к. пед. н., ученица М. Т. Баранова, рассказала об особенностях личного взаимодействия М. Т. Баранова с учениками, студентами, аспирантами, коллегами. В докладе были названы основные методические труды ученого и проанализирована работа М. Т. Баранова по созданию теоретической базы методики обучения орфографии.

Документальные материалы, показанные на конференции (видеоролик и фотографии М. Т. Баранова в окружении учеников и коллег; видеофрагмент воспоминаний Т. А. Ладыженской о М. Т. Баранове и первом российском базовом учебнике русского языка, который создавался ими и др. коллегами в соавторстве), дали возможность вспомнить многие моменты жизни и научной деятельности М. Т. Баранова, добрые встречи с ученым. А выступление мценского краеведа Я. В. Стромского открыло ранее неизвестные сведения о детстве, проведенном М. Т. Барановым в детском доме деревни Второе Меркулово (Протасово) Орловской области и в городе Мценске.

В докладе В. В. Гадаловой, к. пед. н., доцента кафедры русского языка и методики

обучения Шуйского филиала Ивановского государственного университета, были освещены основные направления продуктивного взаимодействия Ивановского государственного университета и МПГУ, показана деятельность профессора М. Т. Баранова в Шуе. Прозвучали воспоминания крупных ученых-методистов о вкладе М. Т. Баранова в их личностное и научное становление. Участники конференции говорили о масштабности научных интересов М. Т. Баранова, о его доброте и принципиальности, о поддержке соискателей, коллег и учеников в их творческом поиске и др. (д. пед. н., профессор, заведующий кафедрой методики преподавания литературы В. Ф. Чертов (МПГУ, г. Москва); д. пед. н., профессор С. А. Арефьева (Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола); д. пед. н., профессор Т. Г. Иргашева (Хакасский государственный университет им. Катанова, г. Абакан); д. пед. н., профессор кафедры риторики и культуры речи МПГУ З. И. Курцева (МПГУ, г. Москва); к. пед. н., доцент Н. В. Ладыженская (г. Москва); к. пед. н., доцент Л. К. Лыжова (г. Реутов)).

В выступлениях, прозвучавших на секциях, осмысливалось наследие М. Т. Баранова и предлагались идеи, развивающие его научные взгляды на проблемы методики преподавания русского языка (Е. В. Архипова, д. пед. н., профессор, руководитель лаборатории лингводидактики и инновационных технологий обучения (РГУ имени С. А. Есенина, г. Рязань); Ж. В. Афанасьева, к. пед. н., доцент (МГПУ, г. Москва); Ю. А. Белкина, к. пед. н., доцент (СГСПУ, г. Самара); Е. С. Богданова, д. пед. н., профессор (РГУ имени С. А. Есенина, г. Рязань); А. Н. Бренчугина-Романова, к. пед. н., доцент (МПГУ, г. Москва); Н. И. Гетьманенко, к. пед. н., профессор (Чехия, г. Прага); Ю. Н. Гостева, к. пед. н., доцент (Институт стратегии развития образования, г. Москва); Н. И. Демидова, д. пед. н., профессор (РГУ имени С. А. Есенина, г. Рязань); Л. О. Денисова, к. пед. н., доцент (МПГУ, г. Москва); В. И. Ковалев, к. пед. н., доцент (ЛГУ им. В. Даля, г. Луганск); Э. В. Криворотова, д. пед. н., профессор (МГПУ, г. Москва); Л. А. Поникарова, к. пед. н., доцент (г. Москва); Е. А. Рябухина, д. пед. н., профессор (ПГППУ, г. Пермь); О. А. Скрыбина, д. пед. н., профессор кафедры русского

языка Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, г. Рязань); И. А. Сотова, д. пед. н., профессор, и учитель русского языка, аспирант Д. С. Квашнина (ИвГУ, г. Иваново); Е. А. Сундарева, к. пед. н., доцент (г. Шуя); Л. С. Трегубова, к. пед. н., доцент (МГПУ, г. Москва); Т. М. Фалина, к. пед. н., (г. Москва); С. С. Фролова, ст. преп. (МГПУ, г. Москва)).

При подведении итогов конференции ее участники отмечали, что научные идеи М. Т. Баранова сегодня очень актуальны, его труды востребованы, а ученики,

коллеги и последователи ученого продолжают его дело. Проведение конференции способствовало осмыслению прочного фундамента методической науки, заложенного ее корифеями, среди которых профессор М. Т. Баранов, и новаций, созданных на этой основе и обусловленных требованиями времени. Кафедра методики преподавания русского языка МПГУ, в течение многих лет руководимая М. Т. Барановым (1988–1998), развивается в фарватере, обусловленном девизом МПГУ: «Верен традициям, открыт инновациям».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Людмила Юрьевна Комиссарова, кандидат педагогических наук, доцент

Ольга Николаевна Левушкина, доктор педагогических наук, доцент

Анатолий Юрьевич Устинов, доктор педагогических наук, доцент

Владислав Дмитриевич Янченко, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка

Lyudmila Yu. Komissarova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Olga N. Levushkina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Anatoly Yu. Ustinov, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Vladislav D. Yanchenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching the Russian Language

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; принята к публикации 06.05.2024.

The article was submitted 28.04.2024; accepted for publication 06.05.2024.

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что продолжается подписка на II полугодие 2024 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

Журнал «Русский язык в школе» рекомендован для комплектования библиотек Постановлением Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 25 февраля 2015 г. №51-СФ.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – П3896), «Урал-Пресс» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334), «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА», ООО «ИВИС»;

2) через интернет-сайт: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»).

О языке как средстве общения

Ежедневно и ежемгновенно испытываемая власть мысли над телесностью столь стала обычна, что мы в ней едва ли что-либо выше простого механизма обретаем. Скажи, как действует рука твоя? скажи, что движет твои ноги? в главе родится мысль, и члены ей повинуются? Или какая раздражительность, в мышцах присутственная, то производит, или электр протекает твои члены? <...> И что дает всему действительность? Мысль, слово безмолвное; речешь: хочу, – и будет. Подобно, как пред началом времени, предвечна мысль возникла на действие... ты речешь себе: иди, – и шествуешь. О, человек! В округе своей ты всесилен; ты еси сын мысли!

(Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // ПСС: в 3 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. С. 118–119)

Речь есть, кажется, средство к собранию мыслей воедино; ее пособию одолжен человек всеми своими изобретениями и своим совершенствованием. Кто б помыслил, что столь малейшее орудие, как язык, есть творец всего, что в человеке есть изящно. Правда, что он может без него обойтись и вместо речи говорить телодвижениями; правда, что в новейшие времена искусство, так сказать, мысли распростерто и на лишенных того чувства, которое к речи есть необходимо; но сколь бы шествие разума без звучной речи было томно и пресмыкающееся! (Там же. С. 52).

О языке литературы

Долго благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию. Слышав долгое время единоголасное в стихах окончание, безрифмие покажется грубо, негладко и нестройно. Таково оно и будет, доколе французской язык будет в России больше других языков в употреблении. <...>

Излишним почитаю я беседовать с вами о разных стихах Российскому языку свойственных. Что такое ямб, хорей, дактиль или анапест, всяк знает, если немного кто разумеет правила стихосложения. Но то бы было не излишнее, если бы я мог дать примеры в разных родах достаточные. Но силы мои и разумение коротки. Если совет мой может что-либо сделать, то я бы сказал, что Российское стихотворство, да и сам Российской язык гораздо обогатились бы, если бы переводы стихотворных сочинений делали не всегда ямбами. Гораздо бы Епической поеме свойственнее было, если бы перевод Генриады не был в ямбах, а ямбы некраесловные хуже прозы...

(Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // ПСС: в 3 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1938. С. 353)

(К статье Д. А. Романова)